

2019 № 4

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Психология профессиональной деятельности

Одинцова М.А., Ослон В.Н., Оголь М.П.

Самоактивация как основа развития личностно-профессиональной компетентности специалистов учреждений для детей-сирот.....1-17

Борисова С.Е.

Управленческие функции и их моделирование в ходе социально-психологического тренинга с руководителями подразделений Госавтоинспекции.....18-32

Носс И.Н., Булыгина В.Г., Кабанова Т.Н.

Зависимость правосознания от индивидуально-психологических особенностей государственных служащих.....33-48

Нурмухаметов Э.А., Нурмухаметова И.Ф., Политика О.И.

Истоки коррупционного поведения: психологический аспект.....49-58

Падун М.А., Сорокко Е.А.

Регуляция эмоций у лиц с повышенным риском психической травматизации (на выборке сотрудников МВД).....59-74

Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Вахнина В.В., Боева О.М.

Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия.....75-89

Правовая психология

Чернышева Ю.А.

Права человека в условиях цифровизации общества.....90-102

Милехин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А.

Нормативно-правовые и этические основания первичной профилактики наркомании в системе образования.....103-119

Замрий О.Н., Ильина О.Ю., Туманова Л.В.

Взаимное согласие и добрая воля мужчины и женщины как условия заключения и основания расторжения брака: правовые аспекты соотношения когнитивной и волевой функции сознания супругов.....120-133

Ювенальная юридическая психология

Гребнева Н.Н., Слободенюк М.А., Вариясова Е.В.

Аналитический обзор исследований по проблеме агрессивного общественно опасного поведения молодежи.....134-148

Гурина О.Д.

Разработка и апробация шкалы оценки ксенофобских установок (шкала ОКУ).....149-160

Медведева А.С., Дозорцева Е.Г.

Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет).....161-173

Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С.

Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве.....174-186

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Мелёхин А.И.

Специфика понимания обмана в пожилом и старческом возрасте.....187-209

Сафуанов Ф.С., Сочивко О.И.

Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов.....210-223

Захарова Н.М., Милехина А.В.

Особенности психических и поведенческих нарушений у детей, освобожденных из иракской тюрьмы.....224-234

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф.

Проблемные вопросы формирования мотивации к правопослушному поведению у осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях содержания.....235-247

Уважаемы читатели!

В конце 2019 года представляем Вашему вниманию новый тематический выпуск журнала – «Негативные воздействия на человека и психическая травматизация». Всю свою историю человечество сталкивается с травматическими событиями: насилие, войны, стихийные бедствия, техногенные катастрофы. К сожалению, проблема влияния на человека пережитого негативного опыта не теряет своей актуальности и в настоящем. Кроме всегда существовавших возникают новые формы травматических воздействий, связанные с развитием технологий и возникновением новых видов коммуникаций. Об этом и многом другом авторы тематического номера расскажут на страницах нашего журнала.

Освещая широкий круг проблем, с которым может столкнуться человек на протяжении всей жизни, исследователи остановили свое внимание на психическом состоянии детей, вывезенных из иракской тюрьмы, факторах риска развития суицидального поведения, специфике понимания обмана в пожилом и старческом возрасте.

Отдельное внимание уделено проблемам проявления агрессии и общественно-опасного поведения. Практическим психологам, работающим с подростками и молодежью будет интересен описанный процесс разработки и апробации шкалы оценки ксенофобских установок. Психологи, интересующиеся совершением преступлений в отношении детей, смогут ознакомиться с материалами, посвященными онлайн грумингу и анализу показаний несовершеннолетних-потерпевших.

Традиционно представлены междисциплинарные исследования на стыке психологии и юриспруденции. Изучены правовые аспекты соотношения когнитивной и волевой функции сознания супругов. Обсуждаются проблемы реализации прав человека в условиях цифровизации общества, разработки научно-обоснованных рекомендаций, действенных механизмов, направленных на эффективную защиту прав и свобод человека в современной России.

Вызовы современного и активно меняющегося общества ставят новые задачи, в том числе и перед юридическими психологами. На страницах нашего журнала мы продолжаем публиковать результаты востребованных практических разработок по юридической психологии, с готовностью отвечая на поставленные обществом вызовы и задачи!

Искренне ваша,
Редакция журнала «Психология и право»

Самоактивация как основа развития личностно- профессиональной компетентности специалистов учреждений для детей-сирот

Одинцова М.А., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия (mari505@mail.ru)

Ослон В.Н., кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии имени Л.Ф. Обуховой, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия (osl-veronika@yandex.ru)

Оголь М.П., магистрант факультета дистанционного обучения, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия (mariaogol@bk.ru)

В статье представлены результаты исследования самоактивации специалистов организаций для детей-сирот (N=26) и педагогов общеобразовательных школ (N=26), подростков-сирот (N=50) и подростков из кровных семей (N=50). Исследование проводилось в течение 2017—2018 гг. после вступления в силу Постановления Правительства Российской Федерации № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот» [15], направленного на семейное жизнеустройство детей и создание для воспитанников, которые в силу различных причин не переданы в семью, условий, приближенных к семейным. Показано, что от специалистов требуется овладение такими профессиональными компетенциями, которые способствовали бы подготовке выпускника к успешной интеграции в общество. К ним отнесена способность к самоактивации. Установлено, что у воспитателей подростков-сирот в меньшей степени проявляются самоактивационные характеристики в сравнении с педагогами общеобразовательных школ. Данные различия характерны для подростков-сирот в сравнении с подростками из кровных семей.

Ключевые слова: самоактивация, подростки из числа сирот, подростки из кровных семей, личностно-профессиональная компетентность, специалисты учреждений для детей-сирот.

Для цитаты:

Одинцова М.А., Ослон В.Н., Оголь М.П. Самоактивация как основа развития личностно-профессиональной компетентности специалистов учреждений для детей-сирот.

[Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 1-17.
doi: 10.17759/psylaw.2019090401

For citation:

Odontsova M.A., Oslon V.N., Ogol M.P. Self-activation as a basis for personal and professional competence development of specialists working with orphan adolescents. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019(9), no. 4. pp.1-17. doi: 10.17759/psylaw.2019090401

Введение

Профессиональная деятельность специалистов, воспитывающих детей-сирот, связана с напряженностью, сложностью и стрессогенностью, с дефицитом поддержки, низким материально-моральным стимулированием и требует достаточного развития личностных ресурсов.

Среди таких ресурсов, важнейшим становится самоактивация, которая характеризуется как внутренняя произвольная активность личности, включающая: а) самостоятельность при решении жизненно важных задач (автономия, независимость, свобода выбора); б) личностную и поведенческую активность (инициативность, стремление к достижению целей); в) направленность на сохранение оптимального эмоционального и физического состояния (вера в свои возможности, вопреки ограничениям) [10]. Несмотря на несомненную роль самоактивации в мобилизации личностных ресурсов, данному феномену уделяется недостаточно внимания при исследовании профессиональной деятельности помогающих специалистов.

Вместе с тем в исследованиях подчеркивается, что личностные ресурсы могут выполнять буферную, фильтрующую и мотивационную функции, что способствует восприятию ситуаций не как угрозы, а как возможности проявить активность, самостоятельность и успешно преодолевать трудности. А это, в свою очередь, снижает зависимость личности от условий среды [6].

Проблеме реорганизации среды учреждений для детей-сирот на фоне проводимой реформы в научной литературе уделяется большое внимание (В.Н. Ослон, Г.В. Семья, В.И. Слободчиков, Т.И. Шульга и др.). Подчеркивается, что с изменением функций и полномочий организаций для детей-сирот возникает необходимость подготовки и переподготовки специалистов, развития их профессиональной компетентности (В.А. Адольф, Т.А. Гудалина, В.Л. Кабанов, А.Ш. Шахманова, Н.Ф. Яковлева и др.). Профессиональная компетентность в широком смысле определяется как интегративная характеристика, отражающая готовность и способность специалистов к профессиональной деятельности [1], в данном случае к воспитанию детей и подростков, оставшихся без попечения родителей.

В настоящее время в связи с изменениями приоритетных целей институционального воспитания детей-сирот (подготовка к жизни в семье и самостоятельной жизни)[15], «расплывчатостью» профессионального статуса воспитателя данных организаций (отсутствие профессионального стандарта, в котором была бы определена основная цель данного вида профессиональной деятельности, основные и конкретные трудовые функции, требования к знаниям и умениям), неопределенностью их ведомственной принадлежности

(организации могут находиться в разных ведомствах, переходить из ведомства в ведомство) остро стоит задача нормативного правового регулирования профессиональной деятельности, реорганизации системы профессиональной подготовки специалистов, занятых воспитанием детей-сирот. Важнейшим условием решения данного вопроса является выделение тех профессиональных компетенций, которые необходимы специалистам для реализации новых целей институционального воспитания.

При этом становление профессионала осуществляется на фоне развития личности и во многом определяется личностными ресурсами. Поэтому личностно-профессиональная компетентность как компонент профессиональной компетентности должна включать ресурсные характеристики специалистов организаций для детей-сирот. Среди них самоактивация определяет «надситуативную активность», является «внутренней опорой», поддерживающей профессиональную адаптацию, способствует развитию мастерства, стимулирует творчество и создает условия для успешного развития этих же качеств у воспитанников, особенно у подростков.

В многочисленных исследованиях подростков организаций для сирот показано, что они наиболее уязвимы и проблемны в сравнении со сверстниками из семей. Отмечаются недостаток проявления активности (А.М. Прихожан и др.), жизнеспособности (А.И. Лактионова, А.В. Махнач и др.), жизнестойкости (Л.Л. Крючкова, Y. Lou, E.P. Taylor, S. Di Folco и др.), дезадаптация (А.Н. Ларин, И.Н. Коноплева, С. Tsekeris и др.), что связано с дефицитом личностных ресурсов, необходимость в активизации которых отпадает в среде сиротских учреждений с их «... неизбежной стабильностью и однородной безликостью» [17, с. 56], с традиционно сложившейся «депривационной моделью воспитания» [8, с. 55], с «невозможностью удовлетворить особые потребности развития воспитанников» [12, с. 151], с «чрезвычайной сложностью пространства для персонала и детей» [5, с. 418], с недостаточной «антропологизированностью пространства» [18, с. 18].

Вместе с тем именно в подростковом возрасте происходит активный процесс формирования личностных ресурсов на фоне максимального влияния средовых факторов. И это не только проблематика реорганизации учреждений для детей-сирот, связанная с созданием воспитанникам условий, приближенных к семейным, но и вопросы выстраивания «детско-взрослой событийной общности» [18, с. 20]. Именно поэтому проблема средового и личностного аспектов самоактивации как основы личностно-профессиональной компетентности специалистов учреждений для детей-сирот становится особенно актуальной.

Мы предположили, что самоактивация как ключевой личностный ресурс будет иметь разную выраженность в зависимости от специфики среды. Причем это характерно как для самих воспитанников, так и для специалистов. При профессиональной подготовке специалистов организаций для детей-сирот необходимо сфокусироваться на теме самоактивации, которая может стать основой их личностно-профессиональной компетентности, а это, в свою очередь, станет условием развития этих же качеств у воспитанников.

Для проверки данного предположения было проведено эмпирическое исследование, в нем: 1) сделан сравнительный анализ личностных ресурсов, среди которых самоактивация является ключевым у разных групп подростков и специалистов в зависимости от средового

фактора; 2) изучены мнения специалистов о профессионально важных качествах, необходимых для работы с подростками-сиротами.

Метод исследования

Участники исследования

В исследовании приняли участие 152 человека от 13 до 50 лет. Выборка включала четыре подгруппы:

- 1) подростки (N=50) (23 девочки и 27 мальчиков), воспитывающиеся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей Калининградской области и г. Белгорода;
- 2) подростки из кровных семей Калининграда и Калининградской области (N=50) (28 девочек и 22 мальчика), средний возраст подгрупп подростков составил 15,5 лет;
- 3) воспитатели подростков-сирот (N=26);
- 4) учителя средних общеобразовательных школ, обучающие подростков (N=26).

Среди двух подгрупп специалистов подавляющее большинство — женщины (по 25 человек в каждой выборке), все с высшим образованием и стажем профессиональной деятельности от пяти лет и более, средний возраст — 48 лет.

Методики исследования

Были использованы следующие методики.

1. Методика самоактивации для изучения самостоятельности, физической и психологической активности [10].
2. Тест жизнестойкости для анализа вовлеченности, контроля, принятия риска [11].
3. Опросник личностного динамизма для изучения готовности участников исследования к изменениям, к преобразованию и созданию новых отношений с миром [16].
4. Шкала самоконтроля для исследования личностно-мотивационных ресурсов по регулированию импульсивных желаний [4].

Опросники предъявлялись как индивидуально, так и в небольших группах (от трех до пяти человек). Продолжительность исследования занимала не более 25 минут.

В дополнение к этому, специалистам (N=26), работающим с детьми-сиротами, предлагалось ответить на открытые вопросы анкеты.

1. Что, на Ваш взгляд, помогает подросткам-сиротам благополучно адаптироваться к самостоятельной жизни?

2. Чему подросткам-сиротам, на ваш взгляд, стоило бы поучиться у Вас?

3. Чему, как Вы считаете, стоит поучиться у подростков-сирот?

Обработка данных

При статистической обработке полученных данных были использованы: однофакторный дисперсионный анализ для сравнения личностных ресурсов групп подростков и групп специалистов; *t*-критерий Стьюдента для попарного сравнения разных подгрупп; кластерный анализ по методу *k*-средних для выделения групп с разным уровнем самоактивации; χ^2 Пирсона для сравнения разных групп участников исследования по принадлежности к определенному кластеру.

Результаты и обсуждение

Для сравнения степени выраженности личностных ресурсов у участников исследования, принадлежащих к разным подгруппам, был проведен однофакторный дисперсионный анализ. Результаты анализа и описательная статистика по четырем подгруппам представлены в табл. 1.

Таблица 1

Личностные ресурсы подростков и специалистов в зависимости от средового фактора(средние значения)

Характеристики	Подростки из семей N=50	Подростки-сироты N=50	Воспитатели подростков-сирот N=26	Педагоги, работающие с подростками из семей N=26	F	p
Самоактивация						
Самостоятельность	18,8±3,4	14,1±3,4	13,8±2,7	17,6±2,4	25,6	≤0,001
Физическая активация	19,2±3,1	15,0±4,4	12,1±3,3	17,3±4,1	23,0	≤0,001
Психологическая активация	18,8±3,3	12,4±3,9	13,5±2,8	17,8±3,6	35,3	≤0,001
Самоактивация	56,9±8,3	41,5±10,2	39,4±7	52,8±8,5	36,7	≤0,001
Личностный динамизм и самоконтроль						
Личностный динамизм	37,7±6,6	30,4±5,4	34,9±5,6	34,7±5,5	13,1	≤0,001
Самоконтроль	41,3±6,6	36,5±6,4	44,2±6,5	41,2±7,3	9	≤0,001

Жизнестойкость						
Вовлеченность	21,7±6	16,3±4,9	22,1±5,1	22,4±3,7	13,5	≤0,001
Контроль	17,1±4,0	13,2±4,6	15,5±3,5	15,7±2,5	8,5	≤0,001
Принятие риска	13,6±3,0	8,1±2,9	12,2±3,0	12,7±2,5	33,6	≤0,001
Жизнестойкость	52,4±11,9	37,6±11,0	49,9±10,7	50,8±7,4	18,5	≤0,001

Примечание: Описательная статистика (среднее ± стандартное отклонение); F — эмпирическое значение дисперсионного анализа; p — уровень статистической значимости. В таблице приведены только те характеристики, по которым получены значимые различия между подгруппами.

Статистически значимые различия между подгруппами обнаружены по всем компонентам самоактивации, жизнестойкости и таким характеристикам, как личностный динамизм и самоконтроль (табл. 1.).

Попарное сравнение подгрупп подростков и специалистов с использованием t-критерия Стьюдента показало, что по всем исследуемым характеристикам подростки из семей значимо отличаются от подростков-сирот, а специалисты, работающие с подростками-сиротами, значимо отличаются от учителей только по шкалам самоактивации.

Полученные результаты позволили выделить следующие особенности подростков-сирот. Подростки из числа сирот в большей степени, чем подростки из семей, ценят стабильность и не готовы к изменениям ($t=6,078$ при $p\leq 0,001$), для них характерен страх и непринятие ситуаций перемен, снижение готовности к преобразованию и созданию новых отношений с миром, что свидетельствует о сниженном уровне личностного динамизма. У подростков-сирот понижены самостоятельность, физическая и психологическая активация, самоактивация ($t=8,267$ при $p\leq 0,001$), вовлеченность, умение контролировать события своей жизни и принимать ситуации неопределенности и риска ($t=6,434$ при $p\leq 0,001$). Это свидетельствует о переживании беспомощности и некоторой пассивности подростков-сирот.

Полученные нами данные подтверждаются исследованиями коллег, в которых показано, что степень выраженности личностных ресурсов во многом определяется активностью и самостоятельностью личности. Так, в исследовании активности/пассивности воспитанников и подростков из семей установлено, что у последних более богатый и разнообразный арсенал как активных, так и пассивных стратегий преодоления в отличие от воспитанников детских домов [14]. У подростков-сирот снижен уровень самостоятельности, «... которая предполагает свободу деятельности, свободу проявлений активности, выбора вариантов поведения и возможного воздействия на ситуацию» [2, с. 126].

У специалистов, работающих с подростками-сиротами, в отличие от учителей общеобразовательных школ снижена также, как у их воспитанников, внутренняя произвольная активность, предполагающая самостоятельность, физическую и психологическую активность ($t=-6,201$ при $p\leq 0,001$). По остальным исследуемым характеристикам значимых различий между двумя профессиональными группами не

обнаружено. Это свидетельствует о достаточном уровне жизнестойкости, готовности к изменениям, наличии ресурсов по регулированию эмоций у специалистов, работающих с разными группами подростков.

Для того чтобы проверить, как распределяются подростки и специалисты разных условий по уровню самоактивации — характеристике, которая значительно отличает все четыре группы, — был проведен кластерный анализ по методу k-средних отдельно для подростковых и групп специалистов. Данные были предварительно нормированы через z-значения. В результате кластерного анализа были выделены группы с высоким, средним и низким уровнем самоактивации (табл. 2).

При сравнении подростков разных условий воспитания по принадлежности к определенному кластеру обнаружены статистически значимые различия ($\chi^2=41,2$; $p<0,001$). Оказалось (табл. 2), что среди подростков из семей подавляющее большинство (76%) имеют высокий уровень самоактивации, тогда как среди подростков-сирот данного уровня достигли только 16%. Подростки со средним и низким уровнями распределились следующим образом: средний уровень — подростки из семьи — 20%, подростки-сироты — 36%; низкий уровень — подростки из семьи — 4%, подростки-сироты — 48%.

Подобная картина наблюдается у воспитателей и учителей. Среди воспитателей высокий уровень самоактивации имеют 3,8% респондентов, тогда как среди учителей — 57,7%. Учителя и воспитатели со средним и низким уровнями распределились соответственно: низкий уровень — учителя — 3,8%, воспитатели — 57,7%; средний уровень — учителя — 35,8%, воспитатели — 38,5%.

Таблица 2

Соотношение (число человек и проценты) подростков и взрослых с высоким, средним и низким уровнем самоактивации в зависимости от средового фактора (%)

Группы/уровень самоактивации	Кластерный номер наблюдения			Всего
	Высокий уровень самоактивации	Низкий уровень самоактивации	Средний уровень самоактивации	
Подростки из семей	76	4	20	50
Подростки из числа сирот	16	48	36	50
Специалисты, работающие с подростками из числа сирот	3,8	57,7	38,5	26
Учителя, работающие с подростками из семей	57,7	3,8	38,5	26
Всего	62	42	48	152

Такое распределение по группам подтверждает роль средового фактора в возможностях проявления внутренней произвольной активности личности. Вероятно, это связано с сохранившимися на первом этапе реформы архаичными формами взаимодействия в учреждениях для детей-сирот. Так, в исследованиях М.Ю. Кондратьева показано, что профессиональная деятельность специалистов учреждений для детей-сирот направлена не на личностное развитие воспитанников, а на поддержание порядка, укрепление дисциплины и соблюдение режимных требований [9]. Такая вынужденная «... учебно-дисциплинарная ориентация многих специалистов закономерно приводит к господству в детских домах и школах-интернатах репрессивных способов воздействия на детей и подростков, в конечном счете, в ущерб поддерживающему взаимодействию по типу подлинного сотрудничества» [9, с. 146].

Как видим, несмотря на попытки что-то изменить в системе институциональной заботы о детях в связи с Постановлением № 481 «О реструктуризации детских домов», перемены на местах происходят медленно.

Решение проблемы беспомощности, пассивности, недостаточной адаптивности и самостоятельности воспитанников сиротских учреждений зависит не только от внешних изменений, которые медленно, но все же происходят, но и от личности «значимого взрослого» [19], способного противостоять неблагоприятным факторам среды и «заразить» своей активностью воспитанников.

Далее было задано несколько вопросов «значимым взрослым» (здесь и ниже процитированы высказывания специалистов при ответах на открытые вопросы анкеты). Ответы специалистов (N=26) на вопрос: «Что помогает подросткам из числа сирот благополучно адаптироваться к самостоятельной жизни?» распределились следующим образом (рис. 1). Стоит учесть, что большинство специалистов давали одновременно несколько ответов.

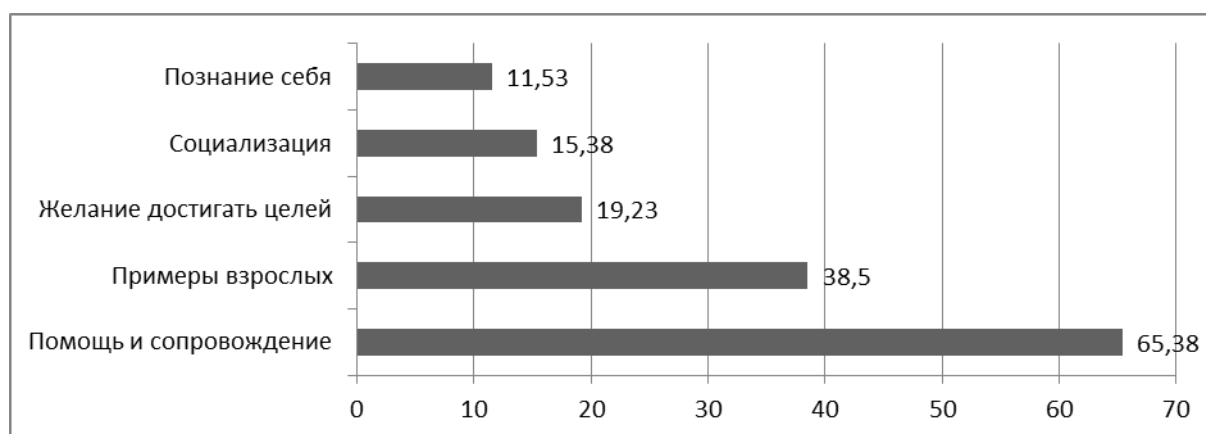

Рис. 1. Распределение ответов воспитателей на вопрос: «Что помогает подросткам из числа сирот благополучно адаптироваться к самостоятельной жизни?», %

Ранжирование ответов воспитателей (рис. 1) позволило выявить интересную закономерность. Они не связывают адаптацию воспитанников к самостоятельной жизни ни с когнитивными усилиями (познание себя: «знание своих сильных и слабых сторон» — 5-е место в структуре механизмов адаптации указали 11,5% респондентов); ни с самостоятельным вхождением в социальную среду через овладение ее социальными

нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками («хорошая социализация» — 4-е место в структуре механизмов адаптации указали 15,3% опрошенных); ни с постановкой жизненных целей и «желанием их достичь» («включенность, наличие целей, энергии»; «наличие планов на будущее»; «целеустремленность, учебная мотивация» — 3-е место в структуре механизмов адаптации указали 19,2% респондентов).

По мнению взрослых, занимающихся воспитанием детей, наиболее релевантным механизмом их адаптации к самостоятельной жизни (1-е место в структуре механизмов адаптации, 65,4% опрошенных) является «помощь и сопровождение». Иными словами, во взрослой жизни подростков ориентируют на ожидание помощи и постоянной поддержки, зависимость от нее, но не на опору на собственную личность. Безусловно, «помощь нормальных, адекватных и равнодушных людей»; «хорошая замещающая семья, которая обучит необходимым навыкам»; «адекватное, социально адаптированное окружение, правильно выстроенная система сопровождения» играют важную роль в становлении личности воспитанника и его адаптации. Однако практическое игнорирование собственной активности, жизнеспособности подростка в значительной степени снижает его адаптационный потенциал, формирует иждивенческую модель поведения после выпуска [13]. Подобная установка воспитателей во многом может объяснить низкий уровень самоактивации у подростков-сирот.

Сопоставление ответов воспитателей на два открытых вопроса: «Чему подросткам-сиротам, на ваш взгляд, стоило бы поучиться у Вас?» и «Чему, как Вы считаете, стоит поучиться у подростков-сирот?» — выявило интересные особенности (рис. 2). Прежде всего, обращает на себя внимание крайне низкая оценка взрослых как собственных качеств, связанных с интеллектуальной сферой, так и аналогичных качеств у подростков (соответственно: подросткам стоило бы поучиться у воспитателей и воспитателям у подростков — 4-е место в структуре оценок — указали 3,8% опрошенных). По-видимому, они относят интеллектуальную сферу к наименее значимой для себя, подростков и для взаимодействия с ними. Наиболее значимыми по сравнению и с другими сферами личности (эмоциональной, нравственной) для них являются качества, связанные с волевой сферой. Большинство воспитателей (53,8%) считают, что подросткам стоит «поучиться» у них данным качествам, при этом большинство взрослых (61,5%) хотели бы «поучиться» волевым качествам у подростков-сирот. К собственным волевым качествам они относят «умение двигаться вперед, несмотря на все трудности»; «организованность»; «самостоятельность»; «мужество». К волевым качествам подростков они относят «силу характера»; «умение отстаивать свое мнение»; «смелость говорить, что думаешь». По всей вероятности, воспитатели приписывают подросткам ту силу и активность, которых им самим недостает. Однако данные качества достаточно редко присущи и самим воспитанникам. Практически, каждый второй подросток имеет низкий уровень самоактивации. Возможно, подростковое бунтарство воспитатели воспринимают за волевые качества. Это может свидетельствовать и об определенной инфантильности личности воспитателя.

Показательно, что только каждый третий взрослый считает, что подростки могут «поучиться» у него качествам, связанным с нравственной сферой (рис. 2). У подростков этим же качествам хотел бы «поучиться» каждый пятый опрошенный. По всей вероятности, работу по формированию нравственных ценностей у подростков-сирот можно рассматривать как недостаточную. То есть данные ценности не могут выступать в качестве стимула для развития у них самоактивации.

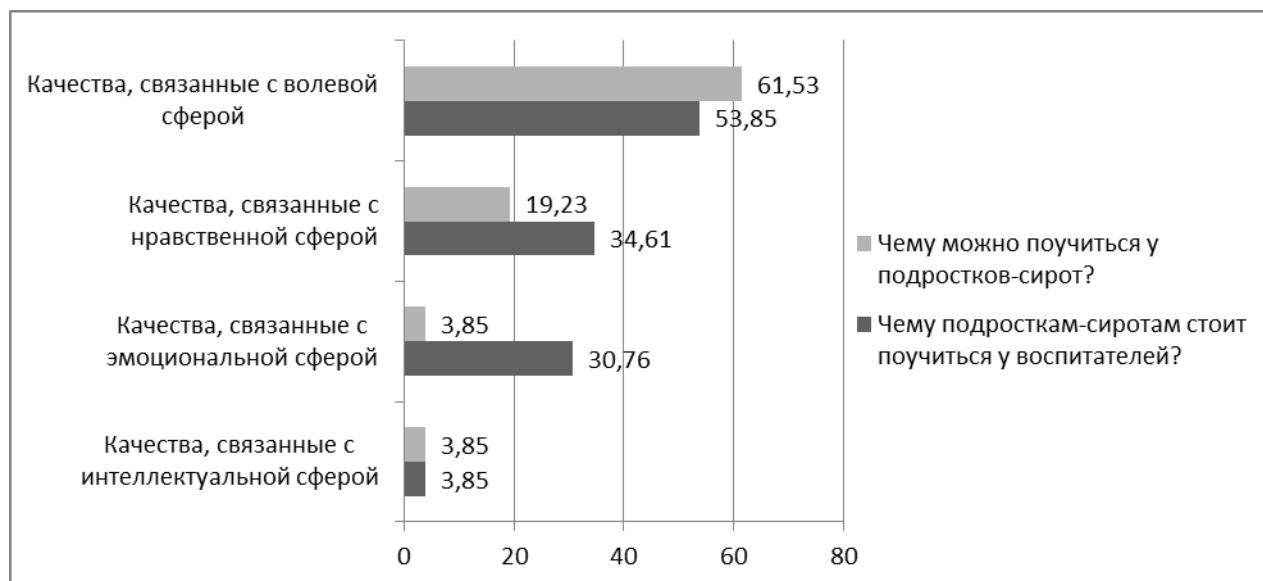

Рис. 2. Ответы на вопросы: «Чему подросткам-сиротам, на Ваш взгляд, стоило бы поучиться у Вас?» «Чему, как Вы считаете, стоит поучиться у подростков-сирот?» (%)

Обращает на себя внимание тот факт, что каждый четвертый опрошенный не смог описать психологические особенности подростков-сирот. Были даны, например, такие ответы: «Я не знаю, какие у них есть характерные особенности». «Думаю, что они — разные люди» и т. п.

Это согласуется с результатами исследования В.Л. Кабанова, который выделил в качестве главной проблемы воспитателей незнание психологических особенностей детей-сирот [7, с. 210].

Заключение и выводы

Как видим, несмотря на реорганизацию деятельности системы институционального воспитания детей-сирот, действительность такова, что у нынешних специалистов не сформированы необходимые личностно-профессиональные компетенции, позволяющие подготовить детей-сирот к успешной интеграции в общество. Это ставит перед учреждениями профессионального образования задачу создания такой системы профессиональной подготовки специалистов, которая позволила бы им выстраивать в организациях «со-бытийную общность детей и значимых взрослых» [18]; заместить «личностно-отчужденную модель воспитания» на «личностно-ценностную» [8], основанную на свободе, ответственности, гуманизме и личностной активности ребенка. Одним из важнейших направлений данной подготовки должно выступать развитие личностно-профессиональных компетенций и, в частности, способность к самоактивации.

Исследование продемонстрировало, что на фоне усиления энтропии внешней среды специалисты проявляют недостаточную внутреннюю активность, что в определенной мере препятствует формированию релевантных механизмов адаптации и социализации воспитанников. Роль взрослых в развитии личности ребенка отмечалась еще Л.С. Выготским и А.Р. Лурией: «Включаясь в соответствующую среду, ребенок быстро начинает изменяться и переделываться; это идет удивительно быстро потому, что готовая социально-культурная обстановка создает в нем те необходимые формы приспособления, которые давно уже были

созданы у окружающих его взрослых» [3, с. 158]. Не только соответствующая атмосфера учреждения, отношения со сверстниками, но и активный, компетентный «значимый взрослый» способствуют активизации внутренних ресурсов у подростков-сирот.

Полученные результаты позволяют сделать следующие *выводы*.

1. Специалистам, работающим с подростками из числа сирот, в отличие от педагогов общеобразовательных школ, характерен более низкий уровень внутренней произвольной активности, предполагающей самостоятельность, физическую и психологическую активность, что свойственно и их воспитанникам. Вместе с тем жизнестойкость, готовность к изменениям, умение регулировать эмоции — личностные характеристики, которые в условиях реорганизации учреждений для детей-сирот становятся необходимыми ресурсами таких специалистов.

2. У подростков-сирот, в сравнении с подростками из кровных семей прослеживается недостаточный уровень исследуемых личностных ресурсов (жизнестойкости, самоконтроля, личностного динамизма) наряду со сниженным уровнем самоактивации, что может препятствовать их социализации и успешной адаптации в обществе.

3. Недостаток в проявлении самоактивации у специалистов учреждений для детей-сирот может мешать запуску необходимых внутренних процессов (в том числе необходимых компетенций) при ограничивающем влиянии средового фактора. Поэтому личностно-профессиональная компетентность специалистов учреждений для детей-сирот должна включать самоактивацию, которая, определяя надситуативную активность, создает условия для успешного формирования этих же качеств у воспитанников, способствует развитию необходимых компетенций и препятствует негативному влиянию среды.

Литература

1. Адольф В.А., Яковлева Н.Ф. Моделирование профессиональной компетентности педагога образовательных организаций интернатного типа // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 4. С. 71—75.
2. Бобылева И.А. Заводилкина О.В. Проявление самостоятельности у выпускника детского дома: взгляд специалиста // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 123—137. doi: 10.18384/2310-7235-2016-4-123-137
3. Выготский Л.С. Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс. 1993. 224 с.
4. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. 12 (2). С. 46—58. doi: 10.17759/chp.2016120205
5. Дисней Т. Этнографический взгляд на роль эмоций в российском детском доме // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 3. С. 407—420. doi: 10.17323/727-0634-2017-15-3-407-420
6. Иванова Т.Ю., Леотьев Д.А., Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Кошелева Н.В. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности

- [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 1. С. 85—121. URL: <http://orgpsjjournal.hse.ru> (дата обращения: 17.07.2019).
7. Кабанов В.Л. О подготовке педагогов в области семейного воспитания, в том числе для замещающих родителей // Наука и школа. 2018. № 5. С. 208—213.
  8. Князев Е.А. Депривация в воспитании: эволюционный аспект // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 1 (38). С. 51—58.
  9. Кондратьев М.Ю. Социально-психологические особенности взаимоотношений подростков и педагогов в условиях детских домов и школ-интернатов для «социальных» и реальных сирот // Социальная психология и общество. 2012. № 2. С. 143—153.
  10. Одинцова М.А., Радчинова Н.П. Разработка методики самоактивации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.05.2018).
  11. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 2. С. 147—165.
  12. Ослон В.Н. Дети-сироты в образовательном пространстве России (по результатам опроса регионов о реализации гарантий доступности качественного образования для детей-сирот и лиц из их числа и поддержки их на всех уровнях образования) // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 146—155
  13. Ослон В.Н., Селенина Е.В. Технология постинтернатного сопровождения выпускников организаций для детей-сирот в процессе получения профессионального образования и при первичном трудоустройстве [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10. № 3. С. 70—83. doi: 10.17759/psyedu.2018100307
  14. Прихожан А.М. Активность/пассивность стратегий копинг-поведения воспитанников детского дома // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. 2015. М.: Институт психологии РАН. 2015. С. 180—192.
  15. Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс]: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/544284> (дата обращения: 20.07.2019).
  16. Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А. Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 66—84.
  17. Скатова В.В. Методологический анализ процесса социализации воспитанников сиротских учреждений // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 54—57.
  18. Слободчиков В.И. Детский дом как пространство становления человеческого в человеке // Проблемы современного образования. 2011. № 3. С. 18—22.
  19. Шульга Т.И. Роль значимого взрослого в деятельности организации для детей-

сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: монография [Электронный ресурс]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36378368> // Электрон. текстовые дан. (1,91 Мб). М.: ИИУМГОУ. 2018.

20. *Lou Yunfei, Taylor E.P., Folco S.Di.* Resilience and resilience factors in children in residential care: A systematic review // *Children and Youth Services Review*. 2018. Vol. 89. P. 83—92. doi: 10.1016 / j.chilyouth.2018.04.010
21. *Tsekeris C. Stylianoudi* Youngsters and adolescents in troubled contexts: worldwide perspectives // *Journal of the Academy of Social Sciences*. 2017. Vol. 12. P. 165—174. doi: <https://doi.org/10.1080/21582041.2017.1386261>

Self-Activation as a Basis for Personal and Professional Competence Development of Specialists Working With Orphan Adolescents

Odintsova M.A., Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia (mari505@mail.ru)

Oslon V.N. , Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia (osloveronika@yandex.ru)

Ogol M.P., Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia (mariaogol@bk.ru)

Presents results of the self-activation the specialists' (N=26) and secondary schools teachers (N=26), as well as orphans (N=50) and adolescents from families (N=50). The study was conducted during 2017 — 2018 years after the Resolution of the Russian Federation Government N 481 output about the orphan organizations activities, aimed at family life of children and the creation close to family conditions for orphans who are not transferred to the family for different reasons. It demanded of specialists engaged in orphans parenting to acquire such professional competencies that would contribute to the preparation for successful integration into society orphan graduates. These include the ability to self-activation.

It's demonstrated that parenting orphan adolescents specialists have less self-activating characteristics in comparison with secondary schools teachers. These differences are also typical for orphans with whom they work, in comparison with adolescents from families.

Keywords: self-activation, orphan adolescents, adolescents from families, personal and professional competence, orphan organization specialists.

References

1. Adol'f V.A., Yakovleva N.F. Modelirovanie professional'noi kompetentnosti pedagoga obrazovatel'nykh organizatsii internatnogo tipa [Modeling of professional competence of teachers obuchaetel'nykh organizatsii internatnogo type], *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2014, no. 4, pp. 71-75.
2. Bobyleva I.A., Zavodilkina O.V. Proyavlenie samostoyatel'nosti u vypusknika detskogo doma: vzglyad specialist [Independence manifestation of orphanage alumnus: the view of a specialist]. *Vestnik MGOU. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of MGOU. Series:

- Psychological sciences*], 2016, no. 4, pp. 123—137. doi: 10.18384/2310-7235-2016-4-123-137 (In Russ.; abstr. in Engl.).
3. Vygotskii L.S., Luriya A.R. Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok [Studies on the history of behavior: Monkey. Primitive. Child.]. M.: Pedagogika-Press. 1993. 224 p.
  4. Gordeeva T.O., Osin E.N., Suchkov D.D., Ivanova T.YU., Sychev O.A., Bobrov V.V. Samokontrol' kak resurs lichnosti: diagnostika i svyazi s uspeshnost'yu, nastoychivost'yu i blagopoluchiem [Self—control as a resource of personality: diagnosis and connection with success, perseverance and well—being]. *Kul'turno—istoricheskaya psikhologiya* [Cultural—historical psychology], 2016, no. 12 (2), pp. 46—58. doi: 10.17759/chp.2016120205 (In Russ.; abstr. in Engl.).
  5. Disnei T. Etnograficheskiy vzglyad na rol' emotsii v rossiiskom detskom dome [Ethnographic view on the role of emotions in the Russian orphanage]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of social policy studies], 2017, Vol.15, no 3, pp. 407-420. doi: 10.17323/727-0634-2017-15-3-407-420 (In Russ.; abstr. in Engl.).
  6. Ivanova T. Yu., Leot'ev D. A., Osin E. N., Rasskazova E. I., Kosheleva N. V. Sovremennye problemy izucheniya lichnostnykh resursov v professional'noi deyatel'nosti [Modern problems of studying personal resources in professional activity]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology], 2018, Vol. 8, no 1, pp. 85-121. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (Accessed: 17.07.2019). (In Russ., abstr. in Engl.).
  7. Kabanov V.L. O podgotovke pedagogov v oblasti semeinogo vospitaniya, v tom chisle dlya zameshchayushchikh roditel'ei [About training of teachers in the field of family education, including for substitute parents]. *Nauka i shkola* [Science and school], 2018, no 5, pp. 208-213.
  8. Knyazev E.A. Deprivatsiya v vospitanii: evolyutsionnyi aspekt [Deprivation in education: the evolutionary aspect]. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical journal of Bashkortostan], 2012, no 1 (38), pp. 51-58.
  9. Kondrat'ev M.Yu. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti vzaimootnoshenii podrostkov i pedagogov v usloviyakh detskikh domov i shkol-internatov dlya «sotsial'nykh» i real'nykh sirot [Socio-psychological features of the relationship of adolescents and teachers in orphanages and boarding schools for «social» and real orphans]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2012, no 2, pp. 143—153.
  10. Odincova M.A., Radchikova N.P. Razrabotka metodiki samoaktivatsii lichnosti [Development of the method of self—activation of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2018. Vol. 11, no. 58, 12 p. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 21.05.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
  11. Osin E.N., Rasskazova E.I. Kratkaya versiya testa zhiznestojkosti: psichometricheskie harakteristiki i primenenie v organizacionnom kontekste [A Brief Version of the Hardiness Test: Psychometric Characteristics and Application in the Organizational

- Context]. *Vestnik Mosk. un—ta Ser. 14. Psihologiya* [*Vestnik Mosk. un—ta Ser. 14. Psychology*], 2013, no 2, pp. 147—165. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Oslon V.N. Deti-sirotы v obrazovatel'nom prostranstve Rossii (po rezul'tatam oprosa regionov o realizatsii garantii dostupnosti kachestvennogo obrazovaniya dlya detei-sirot i lits iz ikh chisla i podderzhki ikh na vsekh urovnyakh obrazovaniya) [Orphans in the educational space of Russia (according to the survey of regions on the implementation of guarantees of access to quality education for orphans and persons from among them and support them at all levels of education)]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2016, Vol. 21, no 1, pp. 146—155.
  13. Oslon V.N., Selenina E.V. Tekhnologiya postinternatnogo soprovozhdeniya vypusknikov organizatsii dlya detei-sirot v protsesse polucheniya professional'nogo obrazovaniya i pri pervichnom trudoustroistve [Technology of post-residential support of graduates of institutions for children orphans in the process of obtaining professional education and primary employment]. *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research], 2018, Vol 10, no 3, pp. 70—83 doi: 10.17759/psyedu.2018100307 (Accessed 21.07.2019). (In Russ., abstr. in Engl.).
  14. Prihozhan A.M. Aktivnost'/passivnost' strategii koping—povedeniya vospitannikov detskogo doma [Activity / passivity of strategies of coping behavior of orphanage]. In Mahnach A.V. (eds.), *Problema sirotstva v sovremennoj Rossii: Psihologicheskii aspekt* [*The problem of orphanhood in modern Russia: The psychological aspect*]. Moscow: Institut psihologii RAN Publ., 2015, pp. 180—192.
  15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24 maya 2014 g. N 481 "O deyatel'nosti organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, i ob ustroistve v nikh detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei" [The order of the Government of the Russian Federation of may 24, 2014 N 481 "About activity of the organizations for orphan children and children without parental support and about the device in them children without parental support"] URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/544284> (Accessed 20.07.2019).
  16. Sapronov D.V., Leont'ev D.A. Lichnostnyi dinamizm i ego diagnostika. [Personal dynamism and its diagnostics]. *Psihologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2007, no. 1, pp. 66—84. (In Russ., abstr. in Engl.).
  17. Skatova V.V. Metodologicheskii analiz protsessa sotsializatsii vospitannikov sirotskikh uchrezhdenii [Methodological analysis of the process of socialization of orphans]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 2008, no 312, pp. 54-57.
  18. Slobodchikov V.I. Detskii dom kak prostranstvo stanovleniya chelovecheskogo v cheloveke [Children's home as a space of human development in man]. *Problemy sovremennoogo obrazovaniya* [Problems of modern education], 2011, no 3, pp. 18-22.
  19. Shul'ga T.I. Rol' znachimogo vzroslogo v deyatel'nosti organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei [The role of a significant adult in the activities of the organization for orphans and children left without parental care], M. : IIU MGOU, 2018.

20. Lou Yunfei, Taylor E.P., Folco S.Di. Resilience and resilience factors in children in residential care: A systematic review. *Children and Youth Services Review*, 2018. Vol. 89, pp. 83—92. doi: 10.1016 / j.chilyouth.2018.04.010
21. Tsekeris C. Stylianoudi Youngsters and adolescents in troubled contexts: worldwide perspectives. *Journal of the Academy of Social Sciences*, 2017. Vol. 12, pp. 165—174. doi: <https://doi.org/10.1080/21582041.2017.1386261>

Управленческие функции и их моделирование в ходе социально-психологического тренинга с руководителями подразделений Госавтоинспекции

Борисова С.Е., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова»), Орел, Россия (ya.borisowa-svet2012@yandex.ru)

Рассматривается сущность управленческого цикла, выступающего предметом моделирования при проведении социально-психологического тренинга со слушателями, повышающими квалификацию в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова. Участники тренинга представлены двадцатью пятью руководителями подразделений пропаганды безопасности дорожного движения Государственной инспекции безопасности дорожного движения, средний арифметический показатель стажа в должности которых составляет два года. Осуществляется анализ базовых управленческих функций с опорой на профессиональный опыт обучающихся и интерпретацию составляющих управленческого цикла, благодаря использованию метафорических ассоциативных карт. В составе малых круглых столов организуется идеальное моделирование проблемных ситуаций, требующих конструктивного урегулирования. Обосновывается необходимость учета специфики реализации управленческих функций руководителями разных подразделений Госавтоинспекции и целесообразность разработки программы соответствующих тренингов.

Ключевые слова: управленческие функции, моделирование, планирование, организация взаимодействия, стимулирование, мотивирование, контроль, социально-психологический тренинг, руководители, Госавтоинспекция.

Для цитаты:

Борисова С.Е. Управленческие функции и их моделирование в ходе социально-психологического тренинга с руководителями подразделений Госавтоинспекции. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 18-42.

doi: 10.17759/psylaw.2019090402

For citation:

Borisova S.E. Management functions and their modeling within a socio-psychological training with the traffic police department heads. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.18-42.
doi: 10.17759/psylaw.2019090402

Одной из важнейших областей общественной жизни является сфера управления, а ее относительно самостоятельной составляющей выступает управление человеческими ресурсами. Грамотное руководство во многом определяет слаженность и согласованность в работе социальных институтов, обуславливает большую результативность индивидуальной деятельности, обеспечивает деловой и конструктивный настрой субъектов труда.

Вопросы, связанные с эффективностью управленческих воздействий особенно актуальны для социальных систем, воплощающих свое профессиональное предназначение в соответствии с принципом взаимодействия и сотрудничества, характеризующихся отношениями иерархичности и субординации.

В этой связи, а также с учетом произошедших реформ и трансформаций, научный и практический интерес сохраняет феномен управления в Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России), а именно Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее - ГИБДД).

Подчеркнем, что современный руководитель не всегда имеет возможность осуществить рефлексию управленческой деятельности, обменяться мнениями с равными по статусу и социальному опыту коллегами, посмотреть на собственные решения с другой стороны, учесть иное видение профессионально значимой ситуации.

Повышение квалификации сотрудников Госавтоинспекции, реализуемое в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова, предусматривает проведение социально-психологического тренинга, направленного на совершенствование компетентности руководителей подразделений ГИБДД, проявляющейся в ходе реализации управленческих функций и урегулирования проблемных ситуаций.

Предваряя описание хода и содержания тренинга, обратимся к краткому анализу литературных источников. Так, определяя управление, А. Файоль одним из первых выделяет существенные функции предприятия, среди которых самостоятельное внимание отводится группе административных ситуаций — предвидению, организации, распорядительству и контролю [13, с. 4, 48, 62, 109, 116, 120].

Т.С. Кабаченко, обобщая разные точки зрения, основанные на теоретических подходах и эмпирических исследованиях, касающихся состава управленческих функций, подчеркивает отсутствие сходства взглядов по данной теме. Вместе с тем, согласно приводимым ею данным, к основным управленческим функциям следует отнести планирование, организацию, контроль и регулирование, вариантом которого может быть работа с кадрами [2, с. 22].

Зарубежные исследователи Дж.М. Джордж и Г.Р. Джоунс характеризуют четыре принципиальные функции управленца — планирование, организацию, руководство и контроль. Согласно их трактовке, планирование представляет собой принятие решений об организационных целях, распределение и использование ресурсов для их достижения; организация — это установление правил и отношений подчиненности, позволяющих сотрудникам добиваться организационных намерений; руководство состоит в поощрении и координировании деятельности людей и их групп; контроль заключается в оценке того, насколько хорошо организация добивается целей, принятии мер для поддержания и улучшения показателей деятельности или корректирующих мер [1, с. 8].

Эти же авторы отдельно рассуждают о трудовой мотивации, понимая под ней психологические силы человека, определяющие направленность его поведения в организации, степень прилагаемых усилий и уровень настойчивости при встрече с препятствиями [1, с. 109].

С.А. Ким, ссылаясь на иных исследователей, в числе основных управленческих функций называет мотивацию, определяя ее как процесс стимулирования, способствующий достижению личных целей и целей организации [6, с. 54].

Уточним, что смешение понятий мотивации и стимулирования представляется не вполне корректным.

В изысканиях, посвященных управленческому воздействию и организационному поведению, раскрываемых в системе отношений личности и организации, мотивация и стимулирование характеризуются как взаимосвязанные, но относительно независимые социально-психологические феномены [4, с. 4, 73—77; 11, с. 184], отдельные аспекты которых следует рассматривать в качестве функций управления персоналом [12, с. 3, 11].

Невозможно не упомянуть вклад ученых в развитие психологии управления правоохранительными органами. Во вступительной статье к соответствующему разделу энциклопедии юридической психологии В.И. Черненилов анализирует периоды становления психологии управления правоохранительными органами, отмечая вклад А.И. Китова, опирающегося на представления об управлении как комплексе основных управленческих функций; обозначая подход А.М. Столяренко, обосновавшего социально-психологическое понимание управления как слаженной деятельности группы людей [18, с. 324—325].

Серия статей, подготовленных В.И. Чернениловым, посвящена содержанию концепции психологического потенциала правоохранительных органов, носителями которого выступают руководитель, сотрудник, коллектив, а также внешняя среда управления [14; 15; 16; 17].

В целом, как справедливо отмечают В.Я. Кикоть и Д.И. Грядовой, в научную литературу включен большой объем информации, отражающей содержание процесса управления. Логично связанные элементы административного воздействия представляют собой функции управления, а сама последовательность взаимосвязанных элементов — управленческий цикл [5, с. 121].

В рамках социально-психологического тренинга с руководителями подразделений пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД, реализованного в марте 2019 г., мы

придерживались представлений о цикличности процесса управления персоналом, предложив для анализа и моделирования следующие функции: планирование, организацию взаимодействия, стимулирование, мотивирование и контроль¹.

Цель исследования: анализ и моделирование общих управленческих функций, реализуемых в проблемных ситуациях руководителями подразделений пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД.

Заслуживают внимания отдельные характеристики данной категории слушателей, прибывших из разных субъектов Российской Федерации (далее — РФ), охватывающих широкий географический диапазон. По половой принадлежности тренинговая группа представлена двенадцатью женщинами и тринадцатью мужчинами. Среднее арифметическое значение возраста повышающих квалификацию руководителей составляет 39 лет, аналогичный параметр стажа службы в органах внутренних дел — 15 лет, а средний арифметический показатель управленческого опыта в должности — 2 года.

Образовательный уровень характеризуется следующим образом: высшее юридическое образование получено значительным большинством руководителей (76%), часть которых имеют и второе высшее образование (педагогическое, филологическое, техническое). Из числа остальных 24% слушателей 20% имеют одно высшее неюридическое образование и 4% — неполное высшее образование юридического профиля.

Отметим, что деятельность подразделений пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД отличается спецификой, отраженной в регламентирующих ее нормативных правовых актах. В частности, согласно Наставлению по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения, утвержденному приказом МВД России от 29 декабря 2018 года № 903, целью пропаганды безопасности дорожного движения является повышение у участников дорожного движения уровня правосознания и правовой культуры в области дорожного движения. При этом подчеркивается, что Госавтоинспекция выполняет задачи во взаимодействии с другими подразделениями органов внутренних дел, органами исполнительной власти и местного самоуправления, образовательными организациями, общественными объединениями, средствами массовой информации и иными заинтересованными лицами.

Отличительные особенности труда указанной категории сотрудников накладывают существенный отпечаток на их личностный склад. Наблюдение за действиями слушателей во время учебных занятий позволяет охарактеризовать их как эрудированных, активных людей, обладающих высоким уровнем интеллектуального и культурного развития. Они отличаются артистизмом, имеют навыки публичного выступления и работы с аудиторией, способны нешаблонно мыслить; умеют, используя выразительные средства коммуникации, ярко, эмоционально и точно донести определенные идеи.

Особо стоит отметить высокую степень энергетической активности слушателей и, как следствие, группы в целом. По роду профессиональной деятельности руководители

---

¹ Благодаря предварительно полученному согласию учебной группы, осуществлена видеозапись указанного тренинга.

подразделений пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД настроены на созидательность, самопрезентацию и креативный подход в обмене опытом, что создает благоприятные предпосылки для использования ведущим тренинга инструментов психологической работы, продуцирующих новые способы мышления.

К таким инструментам, в частности, относятся метафорические ассоциативные карты, способствующие актуализации внутренней тенденции к личностному совершенствованию. В ходе социально-психологического тренинга использованы карты-взаимодействия (схемы) из набора метафорических ассоциативных карт «PERSONA» («Персона»), разработанных Э. Раманом и Э. Моритцем, слова и словосочетания из набора метафорических ассоциативных карт «Пути-дороги» авторов Г. Кац и Е. Мухаматулиной [3, с. 11—17, 81—122; 7, с. 41—46; 10, с. 16—18, 29—30].

Основная часть тренинга проходит по следующему алгоритму:

- а) анализ сущности управленческой функции с помощью метафорических ассоциативных карт;
- б) создание собственной схемы как результата идеального моделирования функции и трудностей, возникающих в ходе ее реализации;
- в) выработка путей решения, приемлемых для руководителя и коллектива.

Рассмотрение функций, распределяемых между круглыми столами, за каждым из которых размещены по четыре—пять человек, организуется согласно траектории движения по часовой стрелке. Слушателям озвучивается инструкция следующего содержания: «Используя одну—три карты-схемы, сформулируйте определение доставшейся управленческой функции. К картам-схемам предлагается добавить карты-слова, которые, вероятно, помогут сформулировать более точное определение. Вы можете выбрать до трех схем и дополнить их словом или словосочетанием, ассоциирующимся с сущностью доставшейся функции. Можно выстраивать ответ, используя доказательство от противного, т. е., выбирая схему, разъяснять, какой управленческой функцией быть не должна. Работайте внутри группы, вырабатывая определение совместно».

Презентация слушателями генерированных дефиниций происходит после эмоционального и вместе с тем доброжелательного и конструктивного обсуждения. Приведем фрагментарно отдельные примеры высказываний участников тренинга, сохраняя нюансы построения ими устной речи и дополняя выдержки из нее собственными комментариями.

Пример 1 (разъяснение управленческой функции планирования): «Чтобы сформулировать определение планирования, мы выбрали несколько карточек — слова «цель», «выбор», «темп», «успех». На основании этих слов составили определение: планирование — это процесс определения целей, задач и показателей деятельности, а также выбор конкретных действий, темпа их выполнения, материальных и других ресурсов, направленных на успех. К каждому слову мы выбирали картинку: 1) цель — руководитель отправляет посыл своему коллективу; 2) выбор — каждый выбирает способ деятельности; 3) темп — у каждого свой; 4) успех — если все сотрудники двигаются к конечной точке, то ждет успех».

Ниже (на рис. 1) приводятся копии изображений карт-схем и подобранных к ним карт-слов, используемых данной микрогруппой слушателей.

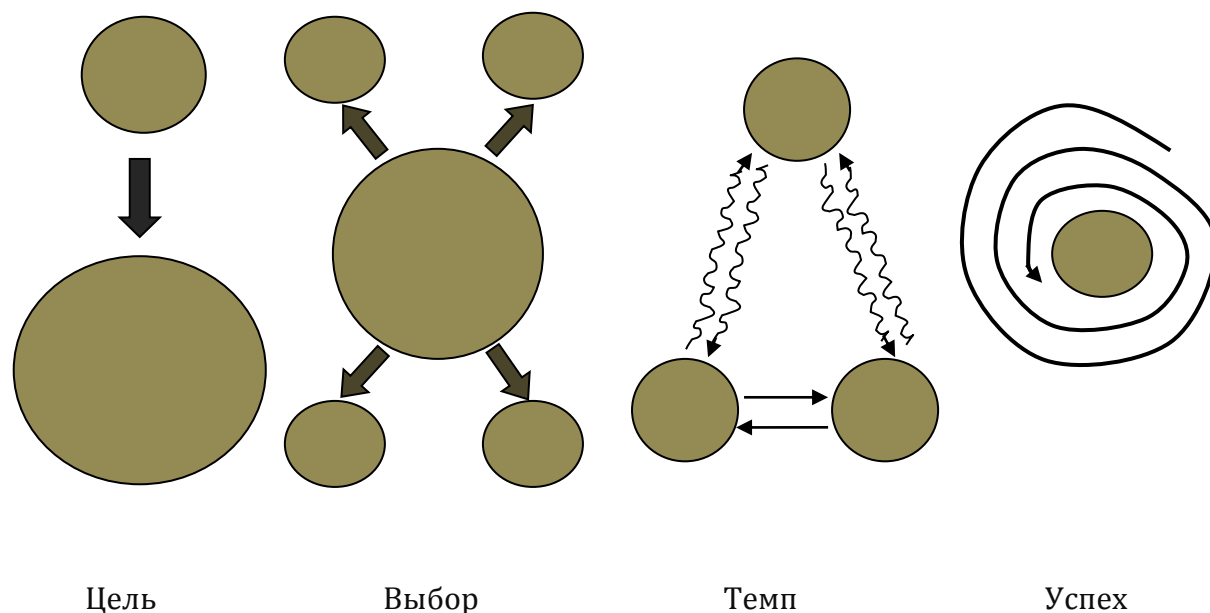

Рис. 1. Копии изображений карт-схем и подобранных к ним карт-слов для описания управленческой функции планирования

В примере 1, как видим, подчеркивается значение поставленной цели, ориентирующей коллектив на будущее, а в ходе дальнейшего обсуждения руководителями признается насущность гибкого планирования работы в подразделении.

Пример 2 (определение управленческой функции организации взаимодействия): «Организация взаимодействия — одна из основополагающих функций управленческой деятельности, без которой достижение цели, контроль, мотивирование или стимулирование невозможны... это объединение персонала для достижения общей цели. Под управленческой деятельностью понимается такая модель взаимодействия, которая определяется основной целью и задачами с опорой на принцип иерархии. У нас такие карточки: слово «встреча» означает взаимодействие с различными органами власти, допустим, по вопросам безопасности людей... Мы встречаемся до того, как принять решение непосредственно с руководителем организации, заместителем, простыми исполнителями, выработываем решение, согласно которому выходим с предложением в вышестоящие организации... Мы выбрали встречу, так как она предполагает полное сплочение коллектива... Надо проводить не совещания, а многоуровневые встречи путем переговоров».

Примечательно, что данное определение, как и последующее его обсуждение, не цитируемое полностью, отражает установку руководителей на достижение общего результата; взаимодействие рассматривается в разных плоскостях, с одной стороны, на макроуровне как сотрудничество с другими организациями, с другой — на микроуровне, т. е. внутри коллектива.

Участники тренинга говорят о роли помощи исполнителям, значении поддержки лицами, обладающими властью, выработанного коллективного решения; подчеркивается ценность не формального, а содержательного характера процесса принятия общего вывода, важность единого понимания его коллективом и вышестоящими инстанциями. Согласно смыслу, вкладываемому в слово «встреча», подразумеваются решимость в установлении коммуникативного контакта, желание идти навстречу друг другу в деловом общении.

Во время дискуссии руководителями отмечается необходимость распределения обязанностей между подчиненными с учетом разных критериев: степени сложности поставленной задачи, гендерного признака, меры ответственности исполнителей, уровня их знаний и способностей, характера образования. Показательно, что одной из обучающихся предложен резюмирующий обсуждение обговариваемой управленческой функции тезис: «Главная задача руководителя — думать!».

Пример 3 (определение управленческой функции стимулирования персонала): «Стимулирование — это процесс и методы внешнего побуждения человека к тому или иному поведению. Стимулирование возможно тогда, когда мы вызовем интерес к деятельности. В данный момент деятельность в МВД России — это «приключение» и «свобода». Приключение означает прямое стимулирование кандидатов, устраивающихся в органы внутренних дел, либо действующих сотрудников; мы им предлагаем романтику в Госавтоинспекции в виде преследования, погони, квеста, общения с участниками дорожного движения, а также помощи гражданам, попавшим в трудную ситуацию на дорогах... это своего рода поощрение, награждение... Стимулирование в виде приключения заинтересовывает сотрудника. Свобода: мы должны объяснить не только положительные моменты в деятельности сотрудников органов внутренних дел, но и отрицательные. Свободы как таковой в структуре МВД России нет: у нас нет свободы слова, нет свободы действий в отношении граждан; все четко установлено законодательством. Мы должны показывать как положительные, так и отрицательные стороны, чтобы кандидат, устраивающийся на работу, либо уже работающий сотрудник четко понимали свои обязанности».

Комментируя подобный оригинальный подход к трактовке управленческой функции стимулирования, следует обратить внимание на логику руководителей, состоящую в том, что, с одной стороны, необходимо заинтересовать потенциального или действующего специалиста, в том числе обращаясь к романтике службы, а, с другой стороны, надлежит объяснить непростые реалии и фактическую действительность, присущую работе полицейских.

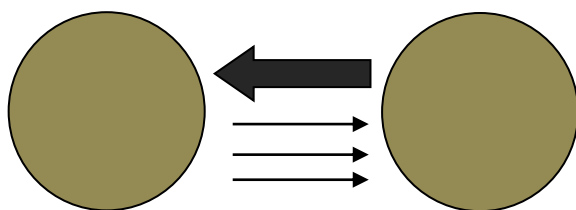
В третьем примере также отражено осознание руководителями взаимосвязи стимулирования и мотивирования персонала, признание необходимости принимать в расчет содержание внутреннего мира подчиненных, что, в свою очередь, является базовым и непреложным условием эффективности современного управленческого труда.

Пример 4 (определение управленческой функции мотивирования персонала): «Мотивация — это положительное внутреннее побуждение человека к определенным действиям, исходя из его индивидуальных потребностей. На карточке показаны пути мотивирования, т. е. нужно понять, что требуется данному конкретному человеку... Здесь показаны три направления от руководителя и одна большая отдача от подчиненного в виде

выполнения той или иной задачи. Мотивация может также иметь двусторонний характер... “Перспектива” — слово, которое мы выбрали».

Ниже приводится копия изображения карты-схемы и слова, используемые представителями данного круглого стола для раскрытия сущности понятия мотивирования (рис. 2); достоинствами можно считать акцент на необходимости применения разных способов мотивирования персонала, подчеркивание индивидуального подхода к подчиненному и важности формирования в его сознании образа положительной перспективы своих усилий.

Перспектива

Рис. 2. Копия изображения карты-взаимодействия и подобранной к ней карты-слова для описания управленческой функции мотивирования

Пример 5 (трактовка управленческой функции контроля): «Контроль — это процесс подведения итогов, оценки качества и эффективности выполненной работы, ее корректировки для достижения поставленных задач. Почему корректировки? Потому что есть промежуточный контроль, т. е. перед нами стоят задачи: мы дошли до определенного уровня и находимся на распутье; мы должны выбрать оптимальную дорогу для решения вопроса. Можно, например, в Москву с Калмыкии пойти, чтобы решить задачу, но нам надо ее выполнить быстро, качественно и в срок. Какие слова мы выбрали: при нахождении «на распутье» мы анализировали ситуацию (те самые выполненные задачи) и находимся в стадии перемены своего изначального решения, т. е., возможно, оптимально будет действовать другим способом. Также совместно с сотрудниками при анализе ситуации мы находим новые возможности решения... Карточки-схемы, которые выбрали: 1) обратная связь от исполнителя...; 2) важно доводить информацию по вертикали: от начальника отделения пропаганды к заместителю начальника управления и начальнику управления, он должен быть в курсе наших решений; 3) данная карточка не подходит, потому что начальник не может замыкаться сам в себе, обходя информацию от исполнителя».

Для наглядности и лучшего восприятия определения слушателей воссоздадим содержание используемых ими для характеристики функции контроля карт-схем (рис. 3).

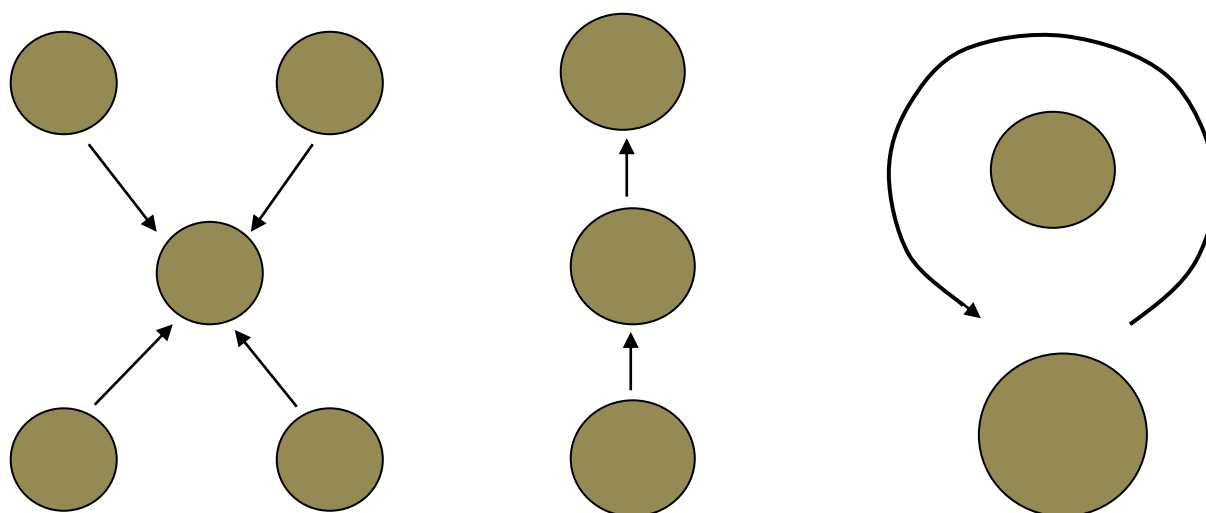

Рис. 3. Копии изображений карт-схем для описания управленческой функции контроля

Поясним, что под используемым в устной речи словосочетанием «начальник управления» руководителем подразумевался начальник Управления Государственной инспекции безопасности дорожного движения Управления МВД России по той или иной области (субъекту РФ).

Кроме того, выступающий приводит рассуждения о прямой зависимости между временем, необходимым на выполнение служебных задач, и имеющимися у сотрудников Госавтоинспекции соответствующими силами и средствами, сопровождая свое выступление изображением графиков на доске и резюмируя доклад постулатом: «Самое главное — это производительность нашего труда в условиях оптимизации личного состава».

Отметим, что и в этом случае выявляется психологическая установка руководителей на соответствие деятельности конкретной профессиональной цели, постоянное соотнесение изначального плана и достигаемого результата, поддержание обратной связи между организационными звеньями МВД России как по горизонтали, так и по вертикали.

После презентации определений каждой рабочей группе предлагается нарисовать свою схему и предписывается рассмотреть реализацию функции управления на примере конкретной проблемной или конфликтной ситуации деятельности подразделений пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД.

В целом, среди проблемных ситуаций профессиональной деятельности рассмотрены и схематично изображены такие, как, например, организация взаимодействия между сотрудниками, подразделениями Госавтоинспекции, иными физическими и юридическими лицами при проведении конкретных мероприятий (в частности, конкурса юных инспекторов движения «Безопасное колесо»).

Отдельно обсуждены трудности, возникающие перед руководителем в ходе развития профессионально-важных качеств личности подчиненного, вновь поступившего на службу в подразделение. Самостоятельное внимание уделено вопросу разрешения конфликтных

ситуаций, возникающих в связи с несвоевременностью предоставления информации исполнителем в вертикальной системе межличностных деловых отношений. В числе затрагиваемых аспектов раскрывается значение грамотного выбора разноплановых методов мотивирующего воздействия на подчиненных с учетом потребностей личного состава, что способствует получению необходимого результата и достижению цели оперативно-служебной деятельности. Слушателями озвучена проблема трудоемкости электронного документооборота, преодоление которой, по мнению одного из докладчиков, возможно благодаря применению интегрированной мультисервисной телекоммуникационной системы органов внутренних дел РФ.

Обобщение суждений участников тренинга позволяет очертить некоторые особенности их управленческого мировоззрения.

Так, одной из них является осознание ценности аналитических способностей руководителя, проявляющихся в разборе ежедневно складывающихся ситуаций. Одновременно слушателями подчеркивается необходимость учета множества факторов, влияющих на трудовой процесс, целесообразность принятия в расчет предыдущего опыта при постановке очередного поручения коллективу, подчинения смысла каждой управленческой функции единой совместно достигаемой цели.

Важнейшим выступает стремление руководителей подразделений пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД находить приемлемое управленческое решение в условиях оптимизации и сокращения численности личного состава МВД России. При этом в качестве наиболее ценного участники тренинга отмечают умение начальника экономить время, определять и обеспечивать ресурсы, требующиеся исполнителю для реализации поставленных задач. Примечательно, что для описания внешних ресурсов руководители используют прилагательные «материальные», «технические», «финансовые», а обращаясь к внутреннему резерву, называют навыки взаимодействия, опыт и личное обаяние.

Стоит назвать и такое выразившееся в реакциях руководителей свойство, как гибкость, т. е. готовность перестраиваться в связи с существующими и меняющимися условиями работы, намерение искать эффективные формы и методы осуществления трудового предназначения.

Образ мышления и поведения, продемонстрированные в ходе занятия, дают основание высказать предположение о преобладании у слушателей демократического стиля руководства; они предпочитают выстраивать работу, основывая ее на творческом начале, и рассматривают пропаганду безопасности дорожного движения как искусство.

Отдельной особенностью выступает реализация руководителями изобретательного подхода, проявляющегося в работе с кандидатами на службу в подразделения пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД, а именно в применении нестереотипных методов изучения психологических характеристик потенциального сотрудника, например, предложении кандидату поучаствовать в написании диктанта для проверки уровня грамотности по русскому языку.

Завершая обзор результатов наблюдения за участниками тренинга, отметим способность руководителей к системному и комплексному видению цикла управленческих функций через призму специфики осуществляемой деятельности, психологии

профессиональной среды и объекта труда, а также умелое представление взаимосвязей между понятиями психологии управления и реалиями практики в тренинговом моделировании.

Обратим внимание на то, что перспективность реализации разных видов моделирования в психологической работе и подготовке кадров отражена в ряде современных научных публикаций [8; 9].

В данном контексте хотелось бы сказать об эффективности использования в исследовательских и обучающих целях метода моделирования, позволяющего познавать и раскрывать природу воспроизводимых социально-психологических феноменов и вместе с тем формировать установку на созидательные преобразования благодаря их переносу из тренингового пространства учебной аудитории в дальнейшую практическую деятельность.

Уместно высказать мысль о целесообразности разработки совокупности логически взаимосвязанных социально-психологических тренингов для руководителей с учетом специфики оперативно-служебных задач, выполняемых разными подразделениями Госавтоинспекции.

Немаловажным в последующих научных изысканиях представляется отталкиваться от разработанных концепций управленческой деятельности и представлений о реализации управленческих функций, акцентируя внимание на содержательных аспектах и качественных показателях труда руководителей и подчиненных.

Литература

1. *Джордж Дж.М.* Организационное поведение. Основы управления: учеб. пособие для вузов [Электронный ресурс] / Дж.М. Джордж, Г.Р. Джоунс; пер. Е.А. Климов. Электрон. текстовые данные. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 459 с. 5-238-00512-1. URL: <http://www.iprbookshop.ru/74898.htm1> (дата обращения: 25.04.2019).
2. *Кабаченко Т.С.* Психология управления: учеб. пособие. М.: Педагогическое общество России, 2000. 384 с.
3. *Кац Г., Мухаматулина Е.* Метафорические карты: руководство для психолога. М.: Генезис, 2013. 160 с.
4. *Кибанов А.Я., Баткаева И.А., Митрофанова Е.А., Ловчева М.В.* Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2010. 524 с.
5. *Кикоть В.Я.* Наука управления. Основы организации и управления в правоохранительной деятельности: науч. издание [Электронный ресурс] / В.Я. Кикоть, С.С. Маилян, Д.И. Грядовой. Электрон. текстовые данные. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 751 с. 978-5-238-01775-4. URL: <http://www.iprbookshop.ru/81508.htm1> (дата обращения: 24.04.2019).
6. *Ким С.А.* Теория управления: учебник для бакалавров. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. 240 с.

7. *Киршке В.* «Клубника за окном». Ассоциативные карты для коммуникации и творчества. Германия: Moritz Egetmeyer — OH Verlag, 2010. 240 с.
8. *Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В., Федотов А.Ю.* Интеграция психологических и информационных технологий в рамках метода ситуативно-образного моделирования проблемных ситуаций специалистов силовых структур [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018. Т. 8. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2018/n4/96397.shtml>. doi:10.17759/psylaw.2018080412 (дата обращения: 23.04.2019).
9. *Кубышко В.Л., Крук В.М., Федотов А.Ю.* Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018. Т. 8. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2018/n4/96413.shtml>. doi:10.17759/psylaw.2018080419 (дата обращения: 23.04.2019).
10. *Морозовская Е.* Мир проективных карт: Обзор колод, упражнения, тренинги. М.: Генезис, 2014. 168 с.
11. *Оксинойд К.Э.* Организационное поведение: учебник. М.: КНОРУС, 2009. 480 с.
12. *Трутт А.В.* Совершенствование системы мотивации и стимулирования персонала организации как инструмента кадровой политики: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Сочи, 2019. 22 с.
13. *Файоль А.* Общее и промышленное управление / А. Файоль; пер. Б.В. Бабина-Кореня с предисл. А.К. Гастева. М.: Центральный институт труда, 1923. 122 с.
14. *Черненилов В.И.* Психологический потенциал внешней среды управления // *Энциклопедия юридической психологии* / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 343.
15. *Черненилов В.И.* Психологический потенциал коллектива правоохранительных органов // *Энциклопедия юридической психологии* / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 344.
16. *Черненилов В.И.* Психологический потенциал руководителя правоохранительных органов // *Энциклопедия юридической психологии* / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 344—345.
17. *Черненилов В.И.* Психологический потенциал сотрудника правоохранительных органов // *Энциклопедия юридической психологии* / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 345.
18. *Энциклопедия юридической психологии* / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 607 с.

Management Functions and Their Modeling Within a Socio-Psychological Training with the Traffic Police Department Heads

Borisova S.E., *Candidate of Psychological Sciences, Docent, Docent of the Department of Criminal Law, Criminology and Psychology, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Orel, Russia (ya.borisowa-svet2012@yandex.ru)*

The principle of the management cycle subjected to modeling during the advanced socio-psychological training at the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. The training participants are represented by twenty-five heads of road safety propaganda units of the State Road Safety Inspectorate, the arithmetic average in service of which is two years. The analysis of basic management functions supported by the students professional experience and the interpretation of the components of the management cycle through the use of metaphorical associative maps is carried out. As part of low round tables, ideal modelling is organized that require constructive resolution of problem situations. The necessity of taking into account the specifics of the implementation of managerial functions by the heads of various departments of the State traffic inspectorate and the feasibility of developing a program of relevant training are justified.

Key words: management functions, modeling, planning, organization of interaction, stimulation, motivation, control, socio-psychological training, leaders, traffic police.

References

1. Dzhordzh Dzh.M. Organizacionnoe povedenie. Osnovy upravleniya [Elektronnyj resurs]: uchebnoe posobie dlya vuzov. Dzh.M. Dzhordzh, G.R. Dzhouns; per. E.A. Klimov. Elektron. tekstovye dannye. [Organizational behavior. Management basics]. Moscow: YUNITI-DANA, 2017. 459 p. 5-238-00512-1. URL: <http://www.iprbookshop.ru/74898.html> (Accessed 25.04.2019).
2. Kabachenko T.S. Psihologiya upravleniya: uchebnoe posobie [Management psychology]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2000. 384 p.
3. Кас G., Muhamatulina E. Metaforicheskie karty: rukovodstvo dlya psihologa [Metaphorical maps: a guide for a psychologist]. Moscow: Genezis, 2013. 160 p.
4. Kibanov A.Y., Batkaeva I.A., Mitrofanova E.A., Lovcheva M.V. Motivaciya i stimulirovanie trudovoj deyatel'nosti: uchebnik. In Kibanov A.Y. (ed) [Motivation and stimulation of labor activity]. Moscow: INFRA-M, 2010. 524 p.

5. Kikot' V.Y. Nauka upravleniya. Osnovy organizatsii i upravleniya v pravoohranitel'noj deyatel'nosti [Elektronnyj resurs]: nauchnoe izdanie. V.Y. Kikot', S.S. Mailyan, D.I. Gryadovoj. Elektron. tekstovye dannye. [Management science. Basics of organization and management in law enforcement]. Moscow: YUNITI-DANA, 2017. 751 p. 978-5-238-01775-4. URL: <http://www.iprbookshop.ru/81508.html> (Accessed 24.04.2019).
6. Kim S.A. Teoriya upravleniya: uchebnik dlya bakalavrov. [Control theory]. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K°», 2016. 240 p.
7. Kirshke V. «Klubnika za oknom». Associativnye karty dlya kommunikatsii i tvorchestva. [«Strawberries outside». Associative maps for communication and creativity]. Germaniya: Moritz Egetmeyer — OH Verlag, 2010. 240 p.
8. Kubyshko V.L., Kruk V.M., Vahnina V.V., Fedotov A.Y. Integratsiya psihologicheskikh i informacionnykh tekhnologij v ramkah metoda situativno-obraznogo modelirovaniya problemnykh situatsij specialistov silovykh struktur [Elektronnyj resurs] [Integration of psychological and information technologies in the framework of the method of situational-figurative modeling of problem situations of specialists of power structures]. *Psihologiya i pravo [Psychology and law]*, 2018, tom 8, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2018/n4/96397.shtml> (Accessed 23.04.2019). (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/psylaw.2018080412
9. Kubyshko V.L., Kruk V.M., Fedotov A.YU. Psihologicheskaya podgotovka: uroki i perspektivy v kontekste professional'no-lichnostnogo razvitiya specialista [Elektronnyj resurs] [Psychological training: lessons and prospects in the context of professional and personal development of a specialist]. *Psihologiya i pravo [Psychology and law]*, 2018, tom 8, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2018/n4/96413.shtml> (Accessed 23.04.2019). (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/psylaw.2018080419
10. Morozovskaya E. Mir proektivnykh kart: Obzor kolod, uprazhneniya, treningi [World of projective cards: Overview of decks, exercises, trainings]. Moscow: Genezis, 2014. 168 p.
11. Oksinojd K.E. Organizatsionnoe povedenie: uchebnik [Organizational behavior]. Moscow: KNORUS, 2009. 480 p.
12. Trutt A.V. Sovershenstvovanie sistemy motivatsii i stimulirovaniya personala organizatsii kak instrumenta kadrovoj politiki. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk. [Improvement of the system of motivation and stimulation of personnel of the organization as a tool of personnel policy. Ph. D. (Economy) Thesis]. Sochi, 2019. 22 p.
13. Fajol' A. Obshchee i promyshlennoe upravlenie / A. Fajol'; per. B.V. Babina-Korenya s predisl. A.K. Gasteva [General and industrial management]. Moscow: Central'nyj institut truda, 1923. 122 p.
14. Chernenilov V.I. Psihologicheskij potencial vneshnej sredy upravleniya [Psychological potential of the external environment of management]. In Stolyarenko A.M. (eds.) *Enciklopediya yuridicheskoy psihologii [Encyclopedia of legal psychology]*. Moscow: Publ. YUNITI-DANA, *Zakon i pravo*, 2003, pp. 343-344.

15. Chernenilov V.I. Psihologicheskij potencial kollektiva pravoohranitel'nyh organov [Psychological potential of law enforcement personnel]. In Stolyarenko A.M. (eds.) *Enciklopediya yuridicheskoy psihologii [Encyclopedia of legal psychology]*. Moscow: Publ. YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003, p. 344.
16. Chernenilov V.I. Psihologicheskij potencial rukovoditelya pravoohranitel'nyh organov [Psychological potential of the head of law enforcement agencies]. In Stolyarenko A.M. (eds.) *Enciklopediya yuridicheskoy psihologii [Encyclopedia of legal psychology]*. Moscow: Publ. YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003, pp. 344-345.
17. Chernenilov V.I. Psihologicheskij potencial sotrudnika pravoohranitel'nyh organov [Psychological capacity of a law enforcement officer]. In Stolyarenko A.M. (eds.) *Enciklopediya yuridicheskoy psihologii [Encyclopedia of legal psychology]*. Moscow: Publ. YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003, p. 345.
18. *Enciklopediya yuridicheskoy psihologii [Encyclopedia of legal psychology]*. Moscow: Publ. YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003. 607 p.

Зависимость правосознания от индивидуально-психологических особенностей государственных служащих

Носс И. Н., доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» МЗ РФ, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Московский государственный областной университет, Москва, Россия (innoss2007@yandex.ru)

Булыгина В. Г., доктор психологических наук, руководитель лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» МЗ РФ; профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия (ver210@yandex.ru)

Кабанова Т. Н., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» МЗ РФ, Москва, Россия (tatianak@yadex.ru)

В статье рассматривается правосознание как субъективное восприятие правовых явлений людьми. Предполагается, что существует личностная предрасположенность к правосознательному поведению. На выборке 2011 человек, сотрудников государственных органов, была изучена зависимость правосознания от личностных особенностей сотрудников, выполняющих обязанности в сфере правовых отношений. Правосознание соотносится с деятельностью госслужащих опосредовано через систему реальных юридических действий и не всегда совпадает с результативностью труда (действие – аттитюд). Изучение правосознания осуществлялось при помощи теста Л.А. Ясюковой. Индивидуально-психологические особенности выявлялись посредством применения интеллектуальных методик, модификации ММРІ, локуса контроля, теста волевого самоконтроля и мотивационного профиля Ричи-Мартин. Для оценки успешности (эффективности) служебно-профессиональной деятельности персонала осуществлялась экспертная оценка. Выявлено, что правосознание имеет спецификацию и зависит от вида деятельности госслужащих. Связь прослеживается во всем объеме личностных особенностей. В статье приводятся данные соотношения правосознания и индивидуально-психологических характеристик сотрудников государственной службы в речемыслительной, характерологической и мотивационной сферах.

Ключевые слова: правосознание, личностно-профессиональная спецификация, речемыслительные особенности, характерология, мотивационно-ценностная сфера, эффективные и неэффективные сотрудники, психологическое тестирование, служебно-профессиональное функционирование, правосознательное поведение, личностная предрасположенность.

Для цитаты:

Носс И.Н., Булыгина В.Г., Кабанова Т.Н. Зависимость правосознания от индивидуально-психологических особенностей государственных служащих. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 33-48. doi: 10.17759/psylaw.2019090403

For citation:

Noss I.N., Bulygina V.G., Kabanova T.N. Dependence of legal awareness on the individual psychological characteristics of public officers. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.33-48. doi: 10.17759/psylaw.2019090403

Введение

Рост правосознания у сотрудников государственной службы является важнейшим требованием оптимизации выполнения ими своих обязанностей и реализации государственной политики в целом. Президент РФ постоянно указывает на безусловное следование российским законам и международно-правовым установлениям.

«Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, – как указывал премьер-министр РФ, Д.А. Медведев – направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства» [8]. Причем целями государственной политики являются: «...совершенствование деятельности государственных и муниципальных органов, правоохранительных органов, направленной на обеспечение законности и правопорядка и повышение правосознания служащих государственных и муниципальных органов [8]. В подобном ракурсе должны рассматриваться и обсуждаться все действия и поступки госслужащих.

Следует подчеркнуть, что правосознание рассматривается в литературе как «... одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права, т. е. это субъективное восприятие правовых явлений людьми» [3]. В психологии под правосознанием понимается «... система психических свойств, реализующихся в когнитивной и чувственно-

эмоциональной сфере и детерминирующих субъективное отражение правовой действительности, а также социально-правовое поведение человека» [10].

То есть правосознание – это сложное психическое образование, включающее практически все составляющие психики человека, влияющие на его правовое поведение и регулирующие его относительно общественных норм и установлений.

В данном исследовании правосознание, представленное в виде описательно-объяснительного метода Л.А. Ясюковой, было соотнесено с параметрами психики сотрудников государственных (правоохранительных) органов, дифференцированных по критерию успешности служебной деятельности и профессиональной принадлежности (видам деятельности).

Цель исследования заключалась в подтверждении предположения о связи личностных особенностей персонала госорганов с системой их представлений, основанных на понимании роли закона, правовых норм в регуляции отношений личности и государства, результативности профессиональной деятельности государственных служащих. То есть речь идет о наличии некой специфической личностной предрасположенности к правовому поведению, ключевую роль в котором отведено правосознанию (правосознательному поведению).

Задачами исследования являлись: 1) выявление связи уровня правосознания сотрудников с успешностью их служебно-профессиональной деятельности; 2) определение психологической структуры правового поведения и правосознания сотрудников (правосознательного поведения); 3) определение профессиональной спецификации правосознания как важного компонента в изучении правового поведения специалистов.

В психологических исследованиях предрасположенности существует масса фактов личностной predisposition, детерминирующей преступные [9], противоправные [7], делинквентные [8], аномальные [2; 8] поступки. Есть предположение, что и правовая, нормативная [6; 7] активность, тоже должна базироваться на специфической predisposition [1; 5; 11] человека, так как внутренняя предрасположенность (как установка или аттитюд) имеет абсолютное влияние на деятельность и поведение людей. Связь их безусловная и реальная. То, что касается правосознания – это некий слой социальных, нормативных представлений, который сопутствует правовому поведению. Однако его диагностика может и не вскрывать сущность поступков личности, ибо существует известный разрыв между нормативно-желательным и реальным поведением человека.

В начале XX в. в психологическом сообществе широко обсуждался «парадокс Лапьера» (*R. LaPiere*), суть которого – несоответствие социальных представлений (в нашем случае – правосознания) реальному поведению человека [14]. Авторы, придерживающиеся когнитивного подхода, также отмечают рассогласование представлений и реальных действий некоторых типов индивидов, хотя закономерно проявляется «...стремление человека к внутренней согласованности, к разрешению возникших внутренних противоречий из-за несогласованности аттитюдов и когниций». Более того, некоторые авторы утверждают, что эта противоречивая поведенческая ситуация «...в значительной степени обусловлена врожденной человеческой предрасположенностью иметь одновременно два противоречивых верования: одно «интеллектуальное», которого вы легко и время от времени придерживаетесь, а другое – «эмоциональное», которое вы

энергично и последовательно отстаиваете и в соответствии с которым вы обычно и склонны действовать. Эта склонность одновременно иметь противоречивые верования, судя по всему, является частью человеческой природы» [12; 13].

Таким образом, в психологических исследованиях представлены факты, показывающие наличие двух слоев поведения субъекта: а) личностный, индивидуальный и б) социально приобретенный в виде отношения к объекту, predispositions, установки или attitudes. Эти слои могут находиться в согласии или в конфронтации. Влияя друг на друга, они отражают особые типы их носителей – типы личности, которые предполагают совпадение установки и поведения или оппозицию одного плана другому. В этом смысле статистические попытки поиска прямой связи правосознания и правосознательного поведения людей могут быть осложнены, что подтвердилось и в настоящем исследовании.

Личностные особенности, лежащие в основе предрасположенности госслужащих к правосознательному поведению (ПСП), оценивались по трем основным предикторам: ментальные способности, характерология и мотивационные переменные.

Материал и методы исследования

Экспериментальная выборка включала 2011 государственных служащих, в обязанностях которых напрямую прописаны требования правосознательного поведения при выполнении правоохранительных действий. В исследовании был реализован экспериментальный дизайн «рекуррентный институциональный цикл» [4]. Изучался уровень правосознания и личностные особенности персонала подразделений, выполняющих инспекторско-коммуникативную деятельность (ИКД) – 1062 человек, аналитико-юридическую деятельность (АЮД) – 248 человек и коммуникативно-информационную деятельность (КИД) – 701 человек. Общая характеристика выборки: 98% испытуемых – люди с высшим образованием, средний возраст сотрудников, принимавших участие в исследовании, составил 28,5 лет; 69% мужчины, 31% женщины.

В исследовании приняли участие представители всех федеральных округов России (табл. 1).

Таблица 1

Перечень регионов России, в которых проводились исследования

Наименование федеральных округов	Наименование административно-территориальных образований
Центральный федеральный округ	Москва, Тульская, Орловская, Ивановская области
Приволжский федеральный округ	Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Нижегородская и Самарская области
Северо-Западный Федеральный округ	Санкт-Петербург, Ленинградская, Мурманская, Калининградская, Архангельская и Псковская области

Сибирский федеральный округ	Красноярский край, Республика Алтай, Новосибирская область
Южный федеральный округ	Республика Крым, Ростовская и Астраханская области
Дальневосточный федеральный округ	Хабаровский край, Приморский край, Камчатский край, Республика Саха (Якутия)
Северокавказский федеральный округ	Чеченская Республика, Республика Дагестан
Уральский федеральный округ	Свердловская область, Ямало-Ненецкий автономный округ

методика правосознания Л.А. Ясюковой (2000); методы оценки когнитивных функций и мышления (Матрицы Равена, 1977); субтест Векслера «Словарь» (1981); субтест «Аналогии» Амтхауэра (1970); краткий *Диагностический комплекс*: ориентировочный тест Бузин-Вандерлик; тест характерологических особенностей (модификация ММРІ Хатуэя-МакКинли, 1940); методика определения волевого самоконтроля (ВСК) Зверков-Эйдман, (1990); тест локус контроля Роттера (1994); методика особенностей мотивации (М-профиль Ричи-Мартин, 1988). Оценка успешности служебно-профессиональной деятельности сотрудников осуществлялась путем проведения экспертизы (метод полярных профилей, метод парного сравнения) и анализа документов.

Результаты и обсуждение

В рамках решения первой и второй задач: 1) была выявлена внутренняя структура правосознания, 2) соотнесены показатели эффективности служебно-профессиональной деятельности сотрудников и результатов оценки их правосознательного поведения, 3) оценена эмпирическая валидность теста Л.А. Ясюковой.

Структура теста Л.А. Ясюковой отражена в корреляционной матрице (табл 2).

Таблица 2

Обобщенные данные теста Л.А. Ясюковой всей выборке

Бытовая сфера	Деловая сфера	Гражданская сфера	Правовые знания	
0,58	0,75	0,52	0,61	Правосознание
	0,21	0,07*	0,36	Бытовая сфера
		0,11*	0,51	Деловая сфера
			0,17	Гражданская сфера

Примечание: без обозначения – статистически значимые коэффициенты на уровне $p < 0,001$; «*» – статистически значимые коэффициенты на уровне $p < 0,05$; «**» – статистически значимые коэффициенты на уровне $p < 0,1$.

Представленные в таблице данные показывают, что практически все шкалы теста имеют значимую интеркорреляционную связь. Системообразующей является шкала «Правосознание» (ПС), включающая все компоненты правосознания в деловой, бытовой и гражданской сферах жизнедеятельности испытуемых. Корреляционные связи всех шкал со шкалой ПС достигали высокого уровня ($R_{xy} \geq 0,5$; $p \leq 0,0001$), т. е. выявлена выраженная положительная связь.

Исследование эмпирической валидности методики осуществлялось путем выявления значимых взаимозависимостей между ее показателями и оценками успешности служебно-профессиональной деятельности испытуемых (критериальная валидность) (табл.3) и определения дискриминативности показателей методики, различающих высоко и низко успешных сотрудников (критериальная валидность) (табл. 4).

Таблица 3

Значения коэффициентов корреляции между тестом Л.А. Ясюковой и внешним критерием (успешностью профессиональной деятельности)

Вид деятельности	Показатели методики «Правосознание» Л.А. Ясюковой				
	Правосознание	Бытовая сфера	Деловая сфера	Гражданская сфера	Правовые знания
ИКД	0,12**	0,08*	0,10**	0,02	0,09*
АЮД	0,00	-0,03	0,02	-0,02	0,02
КИД	0,12**	0,11**	0,13**	0,02	0,09*

Примечание: «*» – статистически значимые коэффициенты на уровне $p \leq 0,05$; «**» – статистически значимые коэффициенты на уровне $p \leq 0,01$.

В ходе проверки дифференцирующей силы теста были получены удовлетворительные результаты. Уровень правосознания эффективных сотрудников (показатель ПС) статистически значимо отличается от показателей правосознания неэффективных практически по всем видам деятельности (табл.4).

Таблица 4

Уровень значимости различий средних по t-критерию Стьюдента между успешными и неуспешными сотрудниками по критериальным показателям служебно-профессиональной деятельности

Вид деятельности	Показатели методики «Правосознание» Л.А. Ясюковой				
	Правосознание	Бытовая сфера	Деловая сфера	Гражданская сфера	Правовые знания
ИКД	0,00	0,00	0,00	0,54	0,00
АЮД	0,18	0,65	0,23	0,55	0,09
КИД	0,00	0,00	0,00	0,68	0,02

Особое внимание следует обратить на низкие показатели эмпирической валидности теста при исследовании сотрудников АЮД. В сфере аналитико-юридической деятельности наблюдается низкая дифференциация испытуемых по уровню их правосознательного поведения относительно эффективности деятельности (табл.4) и, соответственно, низкой связи показателей правосознания с результативностью труда (табл.3). Возможно, это объясняется тем, что независимо от квалификации сотрудников и успешности труда все они, постоянно находясь в рабочем юридическом пространстве, вынуждены формировать достаточно высокий уровень представлений о правовом поведении, что отражается в результатах теста, но не всегда их реализуют в профессиональной деятельности (рис.1).

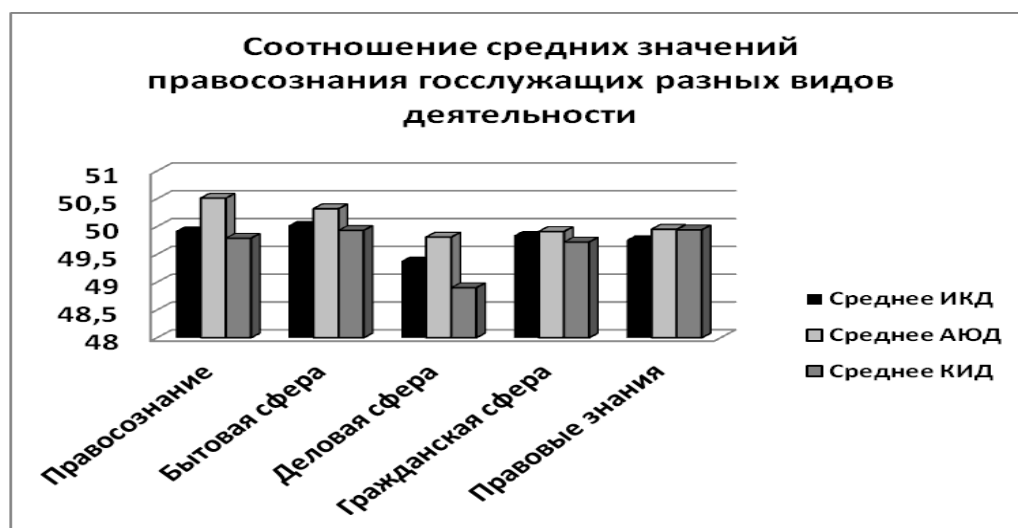

Рис.1. Соотношение показателей теста «Правосознание» в зависимости от видов деятельности

На рис.1 показано, что представители АЮД, имея высокие показатели правосознания, напрямую не связывают его с результативностью юридической деятельности.

Также в процессе исследования валидности была выявлена личностно-профессиональная спецификация структуры теста (см.рис.1). То есть показатели различных видов госслужбы имеют разный уровень правосознания. Причем эти различия наблюдаются как у эффективных, так и у неэффективных сотрудников (рис.2).

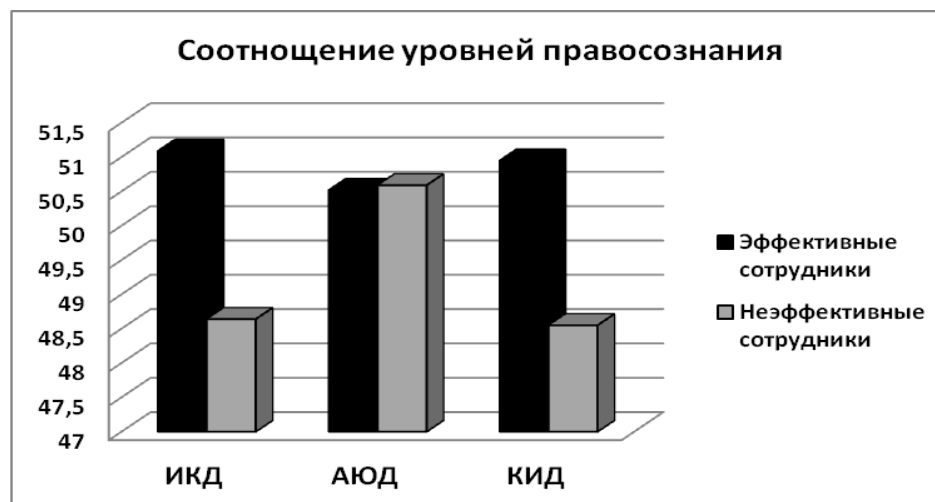

Рис.2. Соотношение уровня правосознания эффективных и неэффективных сотрудников (по результатам теста правосознания Ясюковой Л.А)

В целях решения третьей задачи соотнесение показателей теста Л.А.Ясюковой с личностными данными сотрудников было осуществлено по показателю ПС, так как он статистически значимо ($p \leq 0,05$) связан практически со всеми основными показателями тестов оценки речемышлительных функций (табл.5).

Таблица 5

Показатели коэффициентов корреляции на уровне ($p \leq 0,05$) между данными интеллектуальных тестов и показателями правосознания (ПС)

Показатели интеллектуальных тестов Вид деятельности	Равена Матрицы (производительность)	Равена Матрицы (скорость)	Амтхауэра — Аналогии производительность)	Амтхауэра Аналогии — скорость)	Векслера — Словарь производительность)	Векслера КОТ Вандерлика (производительность)
Инспекторско-коммуникативная деятельность (ИКД)	0,1	-	0,11	-	0,14	0,17
Аналитико-юридическая деятельность (АЮД)	-	-0,07	-	-0,08	-	-
Коммуникативно-информационная деятельность (КИД)	0,14	-	0,09	-	0,1	0,14

Статистически значимые различия были получены и при изучении характерологических особенностей. В частности, наблюдалась корреляционная связь показателей ММИЛ с показателем ПС (табл.6).

Таблица 6

Корреляционные связи между показателем правосознания и шкалами ММИЛ по видам служебно-профессиональной деятельности

Шкалы ММИЛ Виды деятельности	L	F	K	Hs	D	Hu	Pd	Mf	Pa	Pt	Sc	Ma	Si
ИКД	0,05	-0,08*	0,03	-0,12**	-0,06	-0,04	-0,09*	-0,04	0,00	-0,10*	-0,08*	-0,08*	-0,09*
АЮД	0,00	-0,19**	0,03	-0,14**	-0,11**	-0,03	-0,13**	0,01	-0,08*	-0,14**	-0,17**	-0,13**	-0,10*
КИД	0,11**	-0,14**	0,11**	-0,13**	-0,04	-0,04	-0,15**	-0,04	-0,08*	-0,12**	-0,10*	-0,14**	-0,05

Примечание: «*» – статистически значимые коэффициенты на уровне $p \leq 0,05$;

«**» – статистически значимые коэффициенты на уровне $p \leq 0,01$.

Значения коэффициентов корреляции довольно низкие, что подтверждает наше предположение о не прямой связи поведения и аттитюда.

Статистически значимые коэффициенты корреляции (на уровне $p \leq 0,01$) были получены между показателями тестов оценки эмоционально-волевых качеств (волевой самоконтроль, локус контроля) с основным показателем правосознания (табл.7).

Таблица 7

Статистически значимые корреляционные связи между показателем правосознания (ПС) и шкалами методик Волевого самоконтроля и Локус контроля по видам служебно-профессиональной деятельности

Шкалы Виды деятельности	Волевой Самоконтроль (ВСК)			Локус контроля (УСК)							
	Волевой контроль	Настойчивость	Самообладание	Интернальность общая	Интернальность профессиональная	Интернальность в отношениях	Интернальность готовности действий	Интернальность семейных отношений	Интернальность здоровья	Интернальность достижений	Интернальность неудач
ИКД	0,24	0,20	0,22	0,23	0,21	0,19	0,22	0,15	0,10	0,13	0,18
АЮД	0,15	0,14	0,17	0,27	0,25	0,21	0,27	0,15	0,17	0,21	0,21
КИД	0,19	0,18	0,17	0,27	0,23	0,24	0,29	0,15	0,16	0,19	0,21

Мотивационный компонент изучался при помощи методики «М-профиль» Ричи-Мартин. Связь между правосознательным поведением и мотивационным профилем у сотрудников наблюдалась на статистически значимом уровне практически по всем аспектам (табл.8).

Таблица 8

Корреляционная связь показателей М-профиль с показателем ПС

Профессиональная мотивация	Материальное вознаграждение	Физические условия	Структурирование	Социальные контакты	Взаимоотношения	Признание	Стремление к достижениям	Власть и влияние	Разнообразие и перемены	Креативность	Самосовершенствование	Интерес и полезность
ИКД	-0,13**	-0,15**	0,11**	-0,00	-0,09*	0,02	0,26**	-0,12**	-0,16**	0,04	0,17**	0,14**
АЮД	-0,10*	-0,03	0,04	0,00	-0,03	-0,09*	0,18**	-0,02	-0,02	0,01	0,14**	0,01
КИД	-0,08*	-0,09*	0,15**	-0,06	-0,08*	-0,00	0,22**	-0,07*	-0,12**	-0,03	0,15**	0,10*

Примечание: «*» – статистически значимые коэффициенты на уровне $p \leq 0,05$; «**» – статистически значимые коэффициенты на уровне $p \leq 0,01$.

В результате анализа выявлено, что в структуре профессиональной мотивации сотрудников такие позиции, как «социальные контакты», «креативность» и «признание» не соотносятся с их правосознанием. То есть эти ценностные позиции не имеют для них критического значения. Позиции «материальное вознаграждение», «физические условия» труда, «взаимоотношения» в коллективах, стремление к «власти и влиянию», а также поиск «разнообразия и перемен» отрицательно связаны с правосознательным поведением. Следует отметить, что такие ценности, как «структурирование» деятельности, стремление к «самосовершенствованию» и «интерес и полезность» труда позитивно связаны с правосознанием.

Заключение

В ходе исследования соотношения правосознания государственных служащих, выполняющих правоохранительную деятельность, с результативностью их труда выявлена прочная статистически значимая связь. Относительно невысокие показатели коэффициентов корреляции подтверждают, что эта связь вскрывает факт неполного соответствия требуемого представления о правовой работе и реальных юридических действий (разрыв между действием и отношением). Особенно наглядно это проявляется в рамках аналитико-юридической деятельности (АЮД). Причем, как эффективные, так и неэффективные сотрудники АЮД, показывая по тесту Л.А. Ясюковой относительно высокий уровень правосознания, различаются по качеству и результатам служебно-профессионального функционирования.

В исследовании подтверждено, что показатели правосознания профессионально специфичны (относительно видов деятельности). Причем эффективные сотрудники, превышая уровень правосознания неэффективных, имеют меньшую специфичность.

Эмпирически подтверждено, что правосознание связано с личностными характеристиками персонала в речемыслительной, характерологической и мотивационно-

ценностной сферах. Вполне правомерно заключить, что усвоение правовых представлений и реализация правосознательного поведения имеют индивидуально-психологическую основу и во многом исходят из личностной предрасположенности сотрудников.

В процессе исследований в целях чистоты эксперимента в настоящем исследовании в основном использовалось сопоставление мужских выборок в обобщенном региональном контексте. Тем не менее, анализ диагностических данных дает основание говорить о возможности продолжить исследования, обращая особое внимание на изучение возрастной, региональной специфики и гендерных особенностей правосознательного поведения госслужащих.

Литература

1. *Бородина Т.И.* Диагностика личностно-профессиональной предрасположенности сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 2(77). С. 186—194.
2. *Дергилева О.С.* Психологическая профилактика наркопотребления развивающейся личности: на примере центра психолого-педагогической реабилитации и коррекции: автореф. дисс. ... канд. психол. наук — М.: РосНОУ, 2016. 23 с.
3. *Евстафеева Е.А.* Правосознание сотрудников уголовно-исправительной системы с различными личностными характеристиками: дисс. канд. психол. наук. Челябинск: ЧГУ, 2015. 170 с.
4. *Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов в социально-психологических и прикладных исследованиях. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 390 с.
5. *Носс И.Н., Бородина Т.И., Кабанова Т.Н.* К вопросу о личностно-профессиональной спецификации сотрудников следственных подразделений // Прикладная юридическая психология 2018. № 1. С. 84—93.
6. *Павлов А.С.* Динамика учебно-важных качеств в профессиональном становлении курсантов военных вузов: дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль: ЯГУ имени П.Г. Демидова, 2014. 170 с.
7. *Селезнев Я.Ю.* Субъективная картина жизненного пути лиц, совершивших особо тяжкие преступления: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2017. 25 с.
8. *Синицына Л.В.* Концепция психолого-акмеологической профилактики делинквентного поведения у сотрудников органов внутренних дел: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. СПб.: С-ЗАГС при Президенте РФ, 2012. 52 с.
9. *Стешич Е.С.* Акцентуации характера и преступное поведение (по данным исследования личности виновных в умышленном и неосторожном лишении жизни) // Психопедагогика. 2018. № 1(72). С. 29—35.
10. *Стуканов В.Г.* Теоретико-методологические вопросы изучения правосознания //

Инновационные образовательные технологии. 2013. № 1(33). С. 30—34.

11. *Фролов А.А.* Самооценка и правовое самосознание личности: особенности взаимосвязи: на примере сотрудников ОВД: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2018. 25 с.
12. *Ясюкова Л.А.* Правовое сознание в структуре ментальности россиян. СПб.: СПбГУ, 2008. 166 с.
13. *Ясюкова Л.А.* Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2000. № 4. С. 1—13.
14. *Lee Raymond M.* Commentary: LaPiere and methodological opportunism// International Journal of Epidemiology. 2010. Vol.39. № 1. P.16—17.

Dependence of Legal Awareness on the Individual Psychological Characteristics of Public Officers

Noss I.N., Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, The National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Professor, Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Moscow State Regional University, Moscow, Russia (innoss2007@yandex.ru)

Bulygina V.G., Doctor of Psychology, Head of Laboratory the Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, The National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, MSUPE, Moscow, Russia (ver210@yandex.ru)

Kabanova T.N., Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, The National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia (tatianak@yadex.ru)

The article considers legal awareness as a subjective perception of legal phenomena by citizens. It is assumed that there is an individual predisposition towards law-conscious behavior. In a sample of 2011 subjects, employees of state bodies, the dependence of legal awareness on the personal characteristics of employees performing duties in the field of legal relations was studied. Legal awareness correlates with the activities of civil servants indirectly through a system of real legal actions and does not always coincide with labor productivity (action - attitude). The study of justice was carried out using the test of L.A. Yasyukova. Individual psychological characteristics were identified through the use of intelligent techniques, the modification of MMPI, the locus of control, the test of volitional self-control and the motivational profile of Ritchie-Martin. To assess the success (effectiveness) of the staff professional activities, an expert assessment was performed. It was revealed that legal consciousness has a specification and depends on the type of activity of public officers. Relations can be traced within the entire volume of personal characteristics. The article provides data on the correlation of legal consciousness and individual psychological characteristics of public service employees in the verbal and cogitative, characterological and motivational spheres.

Key words: legal awareness, personal-professional specification, verbal and cogitative features, characterology, motivational-value sphere, effective and ineffective employees, psychological testing, official and professional functioning, law-conscious behavior, individual predisposition.

References

1. Borodina T.I. Diagnostika lichnostno-professional'noj predraspolozhennosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Diagnostics of the personal and professional predisposition of law enforcement officers] Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah [Psychopedagogy in law enforcement]. 2019 . T.24. No. 2 (77). Pp.186—194.
2. Dergileva O.S. Psihologicheskaja profilaktika narkopotreblenija razvivajushhejsja lichnosti: na primere centra psihologo-pedagogicheskoy rehabilitacii i korrekcii. avtoref. dis. kand. psihol. nauk [Psychological prevention of drug use of a developing personality: on the example of the center for psychological and pedagogical rehabilitation and correction .autoref. dis. ... cand. psychol]. Sciences - M .: RosNOU, 2016. 23 p.
3. Evstafeeva E.A. Pravosoznanie sotrudnikov ugolovno-ispravitel'noj sistemy s razlichnymi lichnostnymi harakteristikami. Dis. kand psihol. nauk [Legal awareness of employees of the penal system with various personal characteristics. Dis. Cand psychol. sciences]. Chelyabinsk: ChSU, 2015—170s.
4. Kjempbell D. Modeli jeksperimentov v social'noj psihologii i prikladnyh issledovanijah [Models of experiments in social psychology and applied research] M.: «Progress» [M.: "Progress"]1996. 395 p.
5. Noss I.N., Borodina T.I. Kabanova T.N. K voprosu o lichnostno-professional'noj specifikacii sotrudnikov sledstvennyh podrazdelenij On the issue of personal and professional specifications of employees of investigative units] Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Applied legal psychology] 2018, №1 pp.84—93
6. Pavlov A.S. Dinamika uchebno-vazhnyh kachestv v professional'nom stanovlenii kursantov voennyh vuzov. disser. kand. psihol. nauk. [Dynamics of educationally important qualities in the professional development of cadets of military universities. thesis. cand. psychol. sciences] Yaroslavl: YSU named after P.G. Demidova, 2014 . 170 s.
7. Seleznev Ja.Ju. Subektivnaja kartina zhiznennogo puti lic, sovershivshih osobo tjazhkie prestuplenija: avtoref. dis.kand. psihol. Nauk [The subjective picture of the life path of persons who have committed particularly serious crimes: author. dis. ... cand. psychol. Sciences] St. Petersburg.: RSPU them. A.I. Herzen, 2017 .25 p.
8. Sinicyna L.V. Konceptija psihologo-akmeologicheskoy profilaktiki delinkventnogo povedenija u sotrudnikov organov vnutrennih del: avtoref. dis. dokt. psihol. nauk [The concept of psychological and acmeological prophylaxis of delinquent behavior among employees of law enforcement bodies. abstract. dis. doc. psychol] Sciences SPb .: S-registry office under the President of the Russian Federation, 2012. 52 p.
9. Steshich E.S. Akcentuacii haraktera i prestupnoe povedenie (po dannym issledovanija lichnosti vinovnyh v umyshlennom i neostorozhnom lishenii zhizni) [Accentuation of character and criminal behavior (according to a study of the identity of those guilty of intentional and reckless deprivation of life)] Psihopedagogika [Psihopedagogika] 2018. No. 1 (72) Pp. 29—35
10. Stukanov V.G. Teoretiko-metodologicheskie voprosy izuchenija pravosoznanija [Theoretical and methodological issues of the study of justice] Innovacionnye

obrazovatel'nye tehnologii [Innovative educational technology] 2013. No. 1 (33). Pp. 30—34.

11. Frolov A.A. Samoocenka i pravovoe samosoznanie lichnosti: osobennosti vzaimosvjazi : na primere sotrudnikov OVD: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk.
12. [Self-esteem and legal identity of the person: features of the relationship: for example, employees of the Department of Internal Affairs: author. dis. cand. psychol. sciences] Krasnodar: Kuban. state Univ, 2018 . 25 p.
13. Yasyukova L.A. Pravovoe soznanie v strukture mental'nosti rossiyan [Legal consciousness in the structure of mentality of Russians] St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008 .166 p.
14. Yasyukova L.A. Pravosoznanie: diagnostika i zakonomernosti razvitiya [Legal awareness: diagnosis and patterns of development] Prikladnaya psihologiya [Prikladnaya psihologiya] 2000. № 4. Pp.1—13.
15. Lee Raymond M. Commentary: LaPiere and methodological opportunism. Journal of Epidemiology.2010. Vol.39, № 1. Pp.16—17.

Истоки коррупционного поведения: психологический аспект

Нурмухаметов Э.А., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО БашГУ, Уфа, Россия (misall@mail.ru)

Нурмухаметова И.Ф., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО БашГУ, Уфа, Россия (if44@bk.ru)

Политика О.И., кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологического сопровождения и клинической психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО БашГУ, Уфа, Россия (oksanapolitika@yandex.ru)

В статье приводятся данные теоретического анализа феномена коррупции и коррупционной деятельности. Данный феномен учеными и практиками воспринимается привычнее в экономическом и правовом аспектах, тогда как с психологической точки зрения дефиницию «коррупция» авторам удастся проанализировать лишь опосредованно и несколько дистантно. Более того, психологический анализ коррупционной проблематики в основном строится в русле морально-этических и философских воззрений. В данной статье коррупция и коррупционная деятельность рассматриваются в контексте деятельностного подхода А.Н. Леонтьева. Высказывается идея о том, что одной из причин развития коррупционного поведения личности может служить дефицит личностных и средовых ресурсов человека, который позволяет обнаружить себя в таком социально-психологическом феномене, как «дефицитарность нормативного поведения» на ранних этапах взросления человека. С позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева выдвигается предположение о том, что дефицитарность раскрывает себя на трех уровнях жизнедеятельности: физиологическом, психическом, личностном. Делается вывод о том, что дефицитарность нормативного поведения способствует деформации личностной структуры, носит деструктивный характер и блокирует дифференциацию психических функций, снижая динамичность межличностных взаимодействий.

Ключевые слова: коррупционная деятельность, коррупция, деятельностный подход, норма, нормативное поведение, дефицитарность.

Для цитаты:

Нурмухаметов Э.А., Нурмухаметова И.Ф., Политика О.И. Истоки коррупционного поведения: психологический аспект. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 49-58.

doi: 10.17759/psylaw.2019090404

For citation:

Nurmakhametov E.A., Nurmukhametova I.F., Politika O.I. The origins of corrupt behavior: psychological aspect. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologii i pravo [Psychology and Law]*, 2019(9), no. 4. pp.49-58. doi: 10.17759/psylaw.2019090404

Рост коррупции и коррупционной деятельности в стране приводит к катастрофическим последствиям, так как коррупция является прочной основой для развития в стране преступности, террористических и экстремистских проявлений, приводит к моральному упадку и деградации, что формирует негативный образ страны, который, в свою очередь, способствует ухудшению инвестиционного климата в государстве, и не только. Значимость изучения коррупционной деятельности и феномена коррупции на современном этапе российского общества обуславливается также единичностью и односторонностью теоретических, практико-ориентированных исследований в данной области психологической науки. Данный феномен учеными и практиками воспринимается привычнее в экономическом и правовом аспектах. Тогда как с психологической точки зрения коррупцию авторам удается проанализировать лишь опосредованно и несколько дистантно. Более того, психологический анализ коррупционной проблематики в основном строится в русле морально-этических и философских воззрений. Правда, отдельные аспекты коррупционной проблематики изучаются в юридической психологии, а с недавнего времени и в правовой акмеологии. Тем не менее, существующие психологические исследования в сфере коррупции носят эскизный характер. Например, в трудах А.К. Акименко, Г.В. Грачёва, В.В. Знакова и иных исследователей рассматриваются теоретические модели этической нормы (нравственности, морального кодекса) личности, где исследуются частные аспекты безнравственно-порочающего и преступного паттерна поведения, однако не в аспекте коррупции. Достаточно полно представлены исследования, изучающие психологические особенности личности коррупционера (О.Р. Абрамовская, М.В. Кроз, Н.А. Ратинова и др.), личностные детерминанты коррупционного поведения (О.В. Ванновская, И.В. Девятовская, Э.Э. Сыманюк и т. д.), факторы, формирующие отношение к коррупции в массовом сознании (Н.В. Ванюхина, О.В. Григорьева, А.М. Шевцов и др.) [9]. Таким образом, с точки зрения психологии, проблема коррупции на сегодняшний день изучена фрагментарно, являясь особо значимой, как в плане взаимоотношений личности и относительно конкретной группы, так и в более обширном социальном контексте. Однако для того, чтобы понять глубину феномена «коррупционная деятельность», построив причинно-следственную связь, рассмотрим понятия «деятельность» и «норма».

В отечественной психологии категория «деятельность» была введена М.Я. Басовым. Автор отмечал, что деятельность имеет собственную структуру. Разбор и детализация строения деятельности, согласно М.Я. Басову [1], является первоначальной точкой отсчета в системе научной психологии. При этом, как верно подчеркивает А.Н. Леонтьев, деятельность — это «... молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта ... на психологическом уровне, это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире» [7, с. 141]. Следовательно, деятельность, по мнению А.Н. Леонтьева, это «... не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [7, с. 142]. Схожее толкование категории «деятельность» мы

находим в определении Л.А. Радзиховского: «Деятельность — это специфически человеческая целенаправленная активность, развивающаяся во времени, социальна, т. е. вызывается общественно значимыми целями, подчинена общественным нормам и корректируется ими, конституируется общественными средствами и орудиями» [12, с. 121]. При этом, характерной чертой деятельности является наличие сознаваемой субъектом цели его активности. Поскольку, как отмечает С.Л. Рубинштейн, «... деятельность и сознание — не два обращенных аспекта в разные стороны. Они образуют органическое целое, не тождество, но единство» [13, с. 29]. Однако А.Н. Леонтьев конкретизирует данный тезис и расширяет его: «... сознание человека — это внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельности, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе... деятельность человека и составляет субстанцию его сознания» [7, с. 76]. Вместе с тем существуют и иные точки зрения на понимание деятельности в психологии. Например, П.А. Рудик анализировал деятельность через действия: «Деятельностью называется совокупность действий человека, направленных на удовлетворение его потребностей и интересов» [14, с. 409]. Правда, с этой позиции ускользает из вида специфика умственных действий и деятельности, так как в той или иной деятельности человек в определенной степени сознает цель собственных действий, мысленно представляет предполагаемый итог в результате их совершения, воспринимает и расценивает условия, в которых он действует.

Можно было бы и дальше вести научный дискурс о наиболее рациональном и осмысленном подходе трактовки, понимания деятельности в культурно-историческом смысле, если бы А.Н. Леонтьев не отметил, что «человеческая жизнь — это совокупность, а точнее, система сменяющих друг друга деятельностей» [7, с. 141]. С позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, на психологическом уровне деятельность представляет собой единицу жизни, включенную в систему отношений конкретного социума. Автор выдвигает мысль о том, что в процессе эволюции психика развивается и представляет собой развитие предметного содержания деятельности; предметный мир включается в деятельность, расширяя сферу знания человека, а знание изменяет его предметный мир. Таким образом, в подходе А.Н. Леонтьева усматривается структурность и системность деятельности: любая деятельность имеет одинаковую структуру, а основным структурным компонентом деятельности является действие, при этом ее организация в целом представляет собой иерархию систем действий разного уровня сложности.

Взяв за теоретико-методологическую основу исследования подход А.Н. Леонтьева, можно заключить, что коррупционная деятельность психологически организована подобно другим видам деятельности. С одной стороны, она характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью, эвристическим характером, а с другой стороны, она включает в себя несколько последовательных фаз (ориентировки, планирования, реализации плана, контроля). Вместе с тем в данной деятельности находит свое отражение и направленность личности коррупционера: ценностные ориентации, мотивация, воля, темпераментальные особенности, характер, профессионально-нравственные убеждения и т. д. Должностное лицо является отражательным продуктом общества, следовательно, и коррупционная деятельность представляет собой разновидность социальной деятельности. При этом граница в социальной деятельности между нормой и отклонением бывает недостаточно четкой, так как зависит от позиции и норм того, кто оценивает деятельность и относительно каких норм общества ставится оценка.

Как было отмечено нами в ранних работах, «... в исследованиях, посвященных проблеме поведения личности (П.Г. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и

др.), норма в поведении подразумевалась как нечто противоположное отклонениям (девиациям), при этом ведущей теорией, объясняющей отклоняющееся (ненормативное) поведение человека в прошлом веке, считалась биологизированная теория, в качестве ее базиса выступало понимание человека как развитого животного» [8, с. 303]. Однако, если анализировать коррупцию и коррупционную деятельность с точки зрения нормативного поведения личности, по мнению отечественных ученых, сложность в исследовании с данной позиции заключается в «... расхождении между декларируемыми моральными нормами и принципами, с одной стороны, и реальной мотивацией поступков индивида — с другой» [4, с. 27]. Вместе с тем логично предположить, что «... оценка отклонений любого уровня и масштаба в своей основе должна опираться на норму в поведении, так как если норма не выделена, не представлена в виде эталона и ориентира, то невозможно оценивать отклонения в поведении» [8, с. 306].

В философии, психологии и социологии накоплен достаточно весомый концептуальный и практический материал, посвященный проблемам социальной нормы, нормативности и нормативного поведения личности. Однако существующие теоретические подходы не выступают как единая концепция, имеющая единый понятийный аппарат, что вызывает определенные трудности в рассмотрении нормативной проблематики. Можно предположить, что многосложность развития в онтогенезе, социокультурность и индивидуализм приобретенного опыта поведения человека зависят у человека от изменчивости общеустроенности. В связи с этим резонно предположить, что нормативное поведение коррупционера формируется под воздействием социального нормативного решения и диктует субъективное понимание конвенциональных запретов и мировоззрения личности в целом, что приводит к паттерну поведения, где триггером механизма социального саморегулирования является дезадаптированное правосознание и преморбид коррупционера. Потому что, коррупционер либо отрицает конкретную правовую норму или группу норм, защищающих общественные отношения, либо понимает правовые нормы абстрактно. Одновременно с этим стоит подчеркнуть, что в личностном развитии человека, при наличии нехватки социальных норм на ранних этапах взросления, в поведении происходит ряд изменений, затрагивающих как психику, так и личность в целом, что влечет за собой определенные последствия. Яркий тому пример — низкие антикоррупционные установки личности, формируемые под влиянием значимых для человека лиц, а также под влиянием его внутренних личностных детерминант.

Отмечая теоретическую и практическую значимость проблематики социальной нормы, необходимо отметить разрозненность интерпретаций, обширное число мнений и подходов в ее исследовании. Проведенный нами ранее интент-анализ понятия «социальная норма» в трудах отечественных и зарубежных исследователей позволил нам отнести социальную норму к следующим пяти стратам: «во-первых, это средство регуляции и организации поведения (П.М. Дизель, Р. Мертон, Т. Парсонс и др.); во-вторых, эталон и граница (В.Д. Плахов); в-третьих, образец ценностей (Э.А. Гансова и П.К. Гречко); в-четвертых, особый уровень социальной информации (С.А. Даштамиров); в-пятых, алгоритм разрешения напряжения индивидуальных и групповых тенденций (Н.Е. Веракса)» [8, с. 305]. Исходя из сказанного выше, отметим, что данные трактовки, за исключением, возможно, последней, указывают на узость и ограниченность ее понимания в качественном аспекте. В результате была предпринята попытка конкретизировать социальную норму и описать ее как «... механизм опосредования и регуляции межличностных отношений в условиях социального пространства» [8, с. 305]; при этом необходимо отметить, что социальные нормы категоризированы, т. е. соотносятся с теми или иными категориями лиц, ситуаций,

условий, объектов. Так же содержательный аспект социальных норм раскрывается критериями социального общения «как формы совместной деятельности» [8, с. 305], но без учета таких психологических параметров, как, например, содержательно-оценочное отношение коррупционера к нормам, а также степень его готовности следовать групповым нормам, невозможно дать всесторонний анализ коррупционной деятельности, поскольку коррупция вбирает в себя как этические, так и гражданско-правовые, административные проступки, преступления. Рамки этических норм весьма размыты — там, где одно правонарушение вызовет общественное осуждение, другое может быть воспринято как норма. Одно правительство воспринимается как коррупционное, другое вызывает одобрение; и данное положение не всегда является отражением действительности. Поэтому такое многообразие этических настроений представляет собой серьезное препятствие для реализации мер противостояния коррупционной системе. Вместе с тем отметим: «...отнесение коррупционной деятельности к сфере ненормативного поведения личности не всегда представляется возможным, так как если коррупцию в социальных отношениях пропагандируют как «норму», то и проявление коррупционной деятельности в обществе также станет «нормой», оставаясь при этом искаженной нормой с моральной и правовой точки зрения» [9, с. 292].

Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод о том, что нормативное поведение возможно при адекватном и полном восприятии ситуации, где есть достаточно четкие правила поведения (нормативной ситуации). При недостаточном уровне личностного и средового ресурса, ведущего к неадекватному восприятию такой ситуации, мы можем говорить о дефиците освоения социальной нормы, что, в свою очередь, проявляется в дефицитности нормативного поведения в процессе развития личности.

Согласно возрастной периодизации Л.С. Выготского, формированию личности способствуют сензитивные периоды формирования личностных новообразований [3]. В качестве условия развития выступают личностные и средовые ресурсы. К личностным ресурсам, по мнению Л.В. Куликова, относятся: физические ресурсы; использование методов или способов достижения поставленной цели; умение контролировать ситуацию; готовность к самоизменению; способность к адаптации; активность по изменению ситуации взаимодействия личности и стрессогенной ситуации; интерактивные приемы или методы изменения себя и внешней ситуации; позитивность и рациональность мышления; сила Я-концепции; способность к когнитивной структуризации и осмыслению ситуации; самооценка; самоуважение; активная жизненная установка; ощущение собственной значимости; «самодостаточность»; эмоционально-волевые качества и пр. [6]. Вместе с тем, по данным Г.С. Никифоровой, С. Хобфолл добавляет данный вид ресурсов такими интерперсональными переменными, как самоуважение, профессиональные умения, оптимизм, самоконтроль, жизненные ценности, система верований и др. [11]. Среда предлагает ресурсы в виде материальной обеспеченности, но нематериальную направленность, дающую целеполагание, формирование социальной поддержки. Отсутствие или нехватка описанных выше ресурсов является дефицитом, приводящим к затруднению или невозможности возникновения личностных новообразований.

Принимая во внимание, что в данной статье перед нами стоит изначально задача провести содержательный анализ коррупции и коррупционной деятельности в первую очередь в русле юридической психологии, рассмотрим кратко понятие «дефицитность» с позиций именно данной отрасли психологической науки. Обобщив результаты научных исследований по проблеме дефицитности в юридической психологии, можно отметить,

что нарушения процесса регуляции межличностных отношений с микро- и макросоциумом приводит к разрушению внешней границы самости.

Проявление в поведении чрезмерной зависимости от норм, задающихся окружающими, и от установок наблюдается при наличии дефицитарности внешней «сверхпроницаемой» границы. Сформированность дефицитарности такого типа приводит к невозможности устанавливать и контролировать межличностную дистанцию, к неспособности рефлексировать собственные интересы и потребности, а также к неумению отказывать другим. На практике проявление данного типа дефицитарности наблюдается в большей степени в «тюремной субкультуре». Жизнь заключенного, включенного в сферу этой субкультуры» зависит от групповых норм поведения, направленных на криминальные ценности, Осужденный, находясь под тотальным воздействием ценностей и норм криминальной субкультуры, просто не в состоянии отстаивать свои цели, интересы, ценности, он не способен отделять свои переживания и чувства от переживаний других людей. Человек, пребывающий в тюрьме длительное время за совершенное им правонарушение, зачастую ощущает серьезную сложность в случае отсутствия контактирования со средой, поскольку у него прослеживается в поведении тенденция не к равноправным зрелым отношениям, а к симбиотическому слиянию. В результате этого, такой человек будет в большей степени также всецело настроен и устремлен объединиться с преступной средой после выхода из тюрьмы на свободу. Как верно подмечает А.В. Кокурин, дефицитарность нормативного поведения носит деструктивный характер, блокирует дифференциацию психических функций, снижает динамичность межличностных взаимодействий [5].

Не менее интересна точка зрения по вопросу дефицитарности и в области социальной психологии. Так, С.В. Березин с соавторами полагают, что под термином «дефицитарность» скрывается аффективная потребность — потребность быть принятым в группе, субъективное переживание значимости. Авторы данного положения считают, что побуждения, основанные на избыточности, возникают тогда, когда субъект переживает ощущение свободы, а именно свободы воспользоваться своими возможностями, что подталкивает его вперед, за пределы его поведения. Примером такого рода состояний, на их взгляд, является бравада. В браваде, порой уводящей человека за рамки того поведения, которое соответствовало бы его потребностям, субъект использует избыток своих возможностей, так как он чувствует себя не ограниченным, смелым, рискующим. Такое побуждение активности субъекта посредством реализации «могу» в определенной области отношений или деятельности снижает или снимает остроту переживаний «не могу» в других сферах отношений и деятельности [2]. С точки зрения С.Л. Рубинштейна, «... переживание “могу” — это избыток такого переживания, что близко по смыслу к понятию, которое автор обозначал как термин “интерес”» [13], а В.А. Петровский понимал под этим «устремление» [10]. Существуют различные варианты «я могу»: я могу это употребить в компании друзей, я могу потребовать, я могу это взять. «Я могу» характеризуется тем, что личность считает, что ей ничего не помешает это совершить, далее возникает ощущение безграничных возможностей, что позволяет разрешить генерализованную неудовлетворенность. Как следствие этого встает вопрос о соотношении предметной и личностной задач, возникающих перед человеком в проблемной для него ситуации. Важно понимать, что корректность анализа проблемы дефицитарности будет возможна лишь при комплексном исследовании данного феномена, который будет базироваться, прежде всего, на социально-психологических предикторах (основные, значимые, весомые признаки) нормативного поведения личности.

Если попытаться проанализировать дефицитарность с позиций деятельностного и системного подходов, то можно предположить, что данный феномен раскрывает себя на трех уровнях жизнедеятельности. Так, на первом уровне — физиологическом — дефицитарность нормативного поведения личности будет выражаться частичной (ограниченной) выработкой внешних и внутренних способов, средств и условий, обеспечивающих личности в дальнейшем ее нормативное поведение. В том числе имеют место быть и ошибочные действия, заставляющие личность проявлять ненормативное поведение в той или иной ситуации. На втором уровне — психическом — дефицитарность нормативного поведения личности будет характеризоваться смазанными представлениями и осознанием личностью совершаемых ею психических функций и операций в силу недостаточности абстрактных понятий. Незрелость регуляторных функций, мотивационно-волевой и когнитивной сфер затрудняет социальную адаптацию личности, в силу чего она не в состоянии следовать установленным правилам поведения в социуме. Иными словами, речь может идти об инфантилизме личности. Следовательно, дефицит определенных базовых когнитивных и аффективных компонентов психической сферы приводит к образованию дефицитарности нормативного поведения личности, что проявляется, в первую очередь, в специфических видах коммуникативной недостаточности, которая приводит к проблемам в социальном поведении индивида в целом, к его социальной дезадаптации и дезинтеграции. На третьем уровне — личностном — дефицитарность нормативного поведения личности проявляется опосредованно через ошибочные действия человека, заставляющие его проявлять ненормативное поведение в той или иной ситуации. Следовательно, дефицитарность нормативного поведения представляет собой психологический феномен, связанный с нехваткой (дефицитом) определенных личностных и средовых ресурсов, находящихся в пространстве жизнедеятельности личности и необходимых ей для удовлетворения своих потребностей, приводящей в итоге к деформации личностной структуры, дезинтеграции и дезадаптации. Иначе говоря, дефицитарность носит деструктивный характер, блокирует дифференциацию психических функций, что влечет нарушения при формировании как когнитивной сферы, так и межличностных взаимодействий. В результате этого возникает образование сложного комплекса негативных эмоциональных проявлений, сужение сфер человеческого взаимодействия и взаимопонимания, приводящие к доминированию в них агрессии и конфликтов. Безусловно, выделенные уровни данного феномена являются базисными и не исчерпывают всего многообразия ее качественных характеристик (осознанность, понимание и восприятие, эмоциональность, сензитивность, эмоциональная направленность, детерминированность, активность).

Таким образом, проведенный теоретический анализ феномена коррупции и коррупционной деятельности в контексте психологии позволяет заключить, что одной из возможных причин развития коррупционного поведения личности может быть дефицит личностных и средовых ресурсов человека, позволяющий обнаружить себя в таком феномене, как «дефицитарность нормативного поведения» на ранних этапах взросления человека, способствующий деформации личностной структуры, дезинтеграции и дезадаптации, имеющий деструктивный характер и блокирующий дифференциацию психических функций, снижая динамичность межличностных взаимодействий.

Литература

1. Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975. 432 с.
2. Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А. Психология наркотической зависимости и созависимости. М.: МПА, 2001. 231 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
4. Закирова Л.М. Личностные особенности лиц с коррупционным поведением // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 26—34.
5. Кокурин А.А. О структурах малых групп и их исследовании // Коллектив и личность / Под ред. Е.В. Шороховой, К.К. Платонова. М.: Наука, 1975. С. 57—65
6. Куликов Л.В. Психогигиена личности. СПб.: Питер, 2004. 464 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 130 с.
8. Нурмухаметов Э.А. К вопросу о нормативом поведении подростка в условиях школьного обучения [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65844.shtml (дата обращения: 01.04.2019).
9. Нурмухаметов Э.А., Иванова Е.В. К вопросу об изученности и возможных траекториях решения проблемы коррупционной деятельности в контексте комплексного междисциплинарного подхода // Евразийский юридический журнал. 2017. № 9(112). С. 291—292
10. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 40—56.
11. Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006. 607 с.
12. Радзиховский Л.А. Деятельность: структура, генез, единицы анализа // Вопросы психологии. 1983. № 6. С. 121—127.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
14. Рудик П.А. Психология: учебник для студентов. М.: Физкультура и спорт, 1964. 462 с.

The Origins of Corrupt Behavior: Psychological Aspect

Nurmukhametov E.A., *Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of General Psychology, Department of Psychology, BashSU, Ufa, Russia (misall@mail.ru)*

Nurmukhametova I.F., *Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General Psychology, Department of Psychology, BashSU, Ufa, Russia (if44@bk.ru)*

Politika O.I., *Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Department of Psychology, BashSU, Ufa, Russia (okcanapolitika@yandex.ru)*

The article presents data from a theoretical analysis of the phenomenon of corruption and corrupt practices. This phenomenon is perceived by scientists and practitioners more often in economic and legal aspects. Whereas from a psychological point of view, the authors analyze the definition of "corruption" only indirectly and somewhat distantly. Moreover, the psychological analysis of corruption issues mainly aligns within the framework of moral, ethical and philosophical views. In this article, corruption and corruption practices are considered in the context of the activity approach of A.N. Leontiev. It is suggested that one of the reasons for the development of corrupt behavior of a person can be a shortage of personal and environmental resources of a person, which allow to reveal oneself in such a socio-psychological phenomenon as "deficiency of normative behavior" in the early stages of adulthood. From the standpoint of the activity approach of A.N. Leont'ev suggested that deficiency discovers itself at three levels of life: physiological, mental, and personal. It is concluded that the deficiency of normative behavior contributes to the deformation of the personality structure, is in destructive mode and blocks the differentiation of mental functions reducing the dynamism of interpersonal interactions.

Key words: corruption practices, corruption, activity approach, norm, normative behavior, deficiency.

References

1. Basov M.Ja. Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya [Selected Psychological Works]. Moscow: Pedagogika, 1975. 432 p. (In Russ.)
2. Berezin S.V., Liseckij K.S., Nazarov E.A. Psihologiya narkoticheskoj zavisimosti i sozavisimosti [Psychology of drug addiction and code dependency]. Moscow: MPA, 2001. 231 p. (In Russ.)
3. Vygotskij L.S. Psihologiya razvitija cheloveka [Psychology of human development]. Moscow: Smysl, Jeksmo, 2005. 1136 p. (In Russ.)
4. Zakirova L.M. Lichnostnye osobennosti lic s korrupcionnym povedeniem [Personal characteristics of persons with corruption behavior]. Aktual'nye problem jekonomiki i

- prava [Actual Problems of Economics and Law]. 2012, no 4, pp. 26-34 (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Kokurin A.A. O strukturah mal'nykh grupp i ih issledovanii [On the structures of small groups and their study]. In E.V. Shorohova, K.K. Platonov. (ed) *Kollektiv i lichnost'* [Team and personality] Moscow: Nauka, 1975, pp. 57-65
  6. Kulikov L.V. Psihogigiena lichnosti [The hygiene of the individual]. Saint Peterburg: Piter, 2004. 464 p. (In Russ.)
  7. Leont'ev A.N. Dejatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, consciousness, personality] Moscow: Politizdat, 1975. 130p. (In Russ.)
  8. Nurmukhametov E.A. K voprosu o normativnom povedenii podrostka v usloviyah shkol'nogo obucheniya [On the normative behavior of teenagers in terms of schooling] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2013. no. 4 (In Russ., abstr. in Engl.)
  9. Nurmukhametov E.A., Ivanova E.V. K voprosu ob izuchennosti i vozmozhnykh traektoriiakh resheniia problemy korrupsionnoi deiatelnosti v kontekste kompleksnogo mezhdistsiplinarnogo podkhoda [To the question of scrutiny and the possible trajectories of the solution to the problem of corruption in the context of an integrated, multidisciplinary approach]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian law journal]. 2017, no 9(112), pp. 291-292 (In Russ., abstr. in Engl.)
  10. Petrovskij V.A. K ponimaniyu lichnosti v psikhologii [To understanding personality in psychology] *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 1981, no 2, pp. 40-56. (In Russ., abstr. in Engl.)
  11. *Psihologija zdorov'ja* [Health psychology]. In G.S. Nikifirova (ed). Saint Peterburg: Piter, 2006. 607 p.
  12. Radzihovskij L.A. Dejatel'nost': struktura, genez, edinicy analiza [Activity: structure, genesis, units of analysis] *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 1983, no 6, pp. 121-127 (In Russ., abstr. in Engl.)
  13. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshhej psikhologii* [Basics of General psychology]. Saint Peterburg: Piter, 2002. 720p. (In Russ.)
  14. Rudik P.A. *Psihologija: uchebnik dlja studentov* [Psychology: textbook for students]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1964. 462 p. (In Russ.)

Регуляция эмоций у лиц с повышенным риском психической травматизации (на выборке сотрудников МВД)

Падун М.А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии РАН, ФГБУН ИП РАН, Москва, Россия (maria_padun@inbox.ru)

Сорокко Е.А., старший психолог ОРЛС ОВД России по городу Северодвинску, г. Северодвинск, Архангельская область, Россия (eu.sorokko@yandex.ru)

Статья посвящена изучению стратегий регуляции эмоций у сотрудников органов внутренних дел (ОВД) в сравнении с лицами, деятельность которых не связана с риском психической травматизации. Гипотеза заключалась в том, что занятость в деятельности, связанной с риском психической травматизации, сопряжена со специфическими паттернами регуляции эмоций, которые заключаются в подавлении эмоциональной экспрессии и искажениях в представлениях о собственном эмоциональном самочувствии. Наряду с опросниковыми методиками применялся Тест имплицитного позитивного и негативного аффекта — ИПАНАТ. Показано, что сотрудники ОВД в большей степени искажают ответы в самоотчетных методиках, чем лица, не связанные с работой в системе правопорядка. Сотрудникам ОВД свойственно реже прибегать к регуляции эмоций и чаще подавлять эмоции, чем людям, чьи профессии не связаны с риском психической травматизации. Среди сотрудников ОВД есть значительная подгруппа лиц, для которых свойственно рассогласование эксплицитных и имплицитных оценок эмоциональных состояний. Для этой группы характерны дисфункциональные стратегии регуляции эмоций, связанные с руминациями и катастрофизацией значения эмоциогенных ситуаций.

Ключевые слова: эксплицитный аффект, имплицитный аффект, социальная желательность, регуляция эмоций, подавление эмоций.

Для цитаты:

Падун М.А., Сорокко Е.А. Регуляция эмоций у лиц с повышенным риском психической травматизации (на выборке сотрудников МВД). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 59-74.
doi: 10.17759/psylaw.2019090405

For citation:

Padun M.A., Sorokko E.A. Emotion regulation in persons with an increased risk of mental trauma (on the example of the internal affairs officers). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i

pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.59-74.
doi: 10.17759/psylaw.2019090405

Регуляция эмоций представляет собой совокупность эксплицитных и/или имплицитных психических процессов, направленных на ослабление, усиление или удержание на одном уровне интенсивности и валентности эмоциональной реакции или эмоционального состояния [8; 9; 19; 21].

Факторы регуляции эмоций имеют большое значение в развитии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). ПТСР характеризуется своего рода порочным кругом: вторжение травматического опыта — возбуждение — попытка избегания (подавления) — повторное вторжение. Таким образом, избегание эмоций, связанных с травматическими переживаниями, является одним из механизмов развития ПТСР [10].

Служебные условия профессиональной деятельности сотрудников ОВД содержат в себе различные факторы, оказывающие потенциальное стрессовое и психотравмирующее воздействие. Можно выделить две группы таких факторов [2]. К первой относят *морально-психологические* воздействия: 1) наблюдаемое и осознаваемое нарушение общественного порядка и понимание своего долга в пресечении нарушения и восстановлении порядка; 2) человеческие потери, лишения, разруха: гибель людей, трупы, жертвы, страдания, горе людей, их нужда, переносимые тяготы, материальный ущерб, призывы о помощи и др.; 3) общая дезорганизация жизни на территории, в городе, на дороге и пр., необычное поведение граждан; 4) большая значимость происходящих событий, понимание личной причастности к ним; 5) сознание ответственности за свои решения, поступки, действия и достижение необходимого профессионального результата; 6) опасность для здоровья и жизни граждан, находящихся в зоне происходящих экстремальных событий, а также своих коллег и себя лично. Ко второй группе относятся *профессионально-психологические* стресс-факторы, которые характеризуются общим воздействием на психику, затрудняющим реализацию обычных, отработанных ранее действий, успешно выполнявшихся в относительно спокойных рабочих условиях: новизна, необычность, внезапность; стремительность, дефицит времени; высокие и длительные нагрузки; неопределенность; риск.

Изучение последствий переживания стрессовых и психотравмирующих ситуаций у сотрудников ОВД представляет проблему. Феномен социальной желательности, как фактор, мешающий получению достоверных результатов по опросникам, крайне актуален для сотрудников правоохранительной системы. В исследованиях Академии ОВД под руководством М.И. Марьина [3] выявлена склонность руководителей ОВД к преувеличению своих лидерских возможностей. В.С. Павленин [7] рассматривает «социальную желательность» как фактор, искажающий информацию о проявлении агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. А.В.Осинцева [6], исследуя особенности мотивации личности, говорит о «... высокой вероятности влияния на результаты обследований с помощью опросных методов эффекта “социальной желательности”». В исследовании сотрудников ОВД, принимавших участие в военных конфликтах, проведенном Е.М. Пермогорской и М.А. Падун [15], была выявлена связь таких личностных характеристик, как высокая открытость опыту, добросовестность, экстраверсия и склонность к согласию, а также степень выраженности посттравматических стрессовых

реакций, с уровнем социальной желательности. Результаты наших исследований [13] также показали, что сотрудники ОВД отличаются склонностью к высокой социальной желательности. Было показано, что сотрудники ОВД склонны к искажению данных по самоотчетным методикам. Экспертные оценки адаптированности (по данным командиров) и субъективные оценки (по данным самоотчетов сотрудников) не согласуются между собой.

Не вызывает сомнения тот факт, что искажение оценок самоотчетов является общей методологической проблемой психологических исследований. Результаты применения эксплицитных (самоотчетных) методик диагностики эмоциональных состояний основываются на осознанной рефлексии индивида по поводу своего эмоционального состояния. Искажения по самоотчетным методикам происходят в соответствии с различными механизмами. Во-первых, далеко не все эмоциональные процессы доступны осознанию и рефлексии: в частности, амигдала (отдел мозга, связанный с генерацией эмоциональных реакций) может быть активирована в ответ на негативные стимулы, действующие за порогом восприятия. С другой стороны, сами люди имеют индивидуальные различия в способности к идентификации эмоций. Во-вторых, точность самоотчетов в диагностике эмоциональных состояний ограничена тем, что определенные связанные с эмоциями ментальные репрезентации являются угрозой для самоуважения и самооценки. Данные тенденции могут функционировать как на неосознанном, так и на осознанном уровне [4]. Например, сложности в том, чтобы принять в себе такие чувства, как гнев или печаль, приводят к подавлению и, соответственно, к искажению в самоотчетах. В-третьих, мотивация одобрения (желание нравиться другим) может быть усилена давлением факторов ситуации (например, при профессиональном отборе).

Для преодоления ограничений самоотчетных методик диагностики эмоциональных состояний немецкими учеными был разработан тест диагностики имплицитного аффекта [22]. Эти авторы считают, что *имплицитный аффект* — это автоматическая активация когнитивной репрезентации эмоционального опыта. Авторы рассматривают имплицитный аффект как следствие переработки эмоциональной информации на так называемом «схематическом уровне». На этом уровне перерабатываются репрезентации эмоционального опыта, в которых интегрируется информация, идущая от восприятия и моторной сферы, не прошедшая переработку сознательной рефлексией. В свою очередь, эксплицитный аффект является результатом переработки эмоциональной информации на «концептуальном уровне», который предполагает рефлексивность [4].

Особую значимость представляет проблема соотношения процессов регуляции эмоций и формирования искажений в представлениях о собственных эмоциях, исследование которой может привести к пониманию факторов риска девиантного поведения и других признаков дезадаптации у лиц с профессиональным риском психической травматизации.

Гипотеза: занятость в профессиональной деятельности, связанной с риском психической травматизации, сопряжена со специфическими паттернами регуляции эмоций, которые заключаются в подавлении выражения эмоций вовне и искажениях в представлениях о собственном эмоциональном самочувствии.

Частные гипотезы.

1. Сотрудники ОВД реже прибегают к регуляции эмоций и в большей степени склонны к подавлению эмоций, чем лица, не связанные с работой в системах с повышенным риском психической травматизации.
2. Сотрудники ОВД демонстрируют *большую* социальную желательность по сравнению с лицами, не связанными с работой в органах охраны правопорядка.
3. В группе сотрудников ОВД может быть выделена группа лиц, демонстрирующая расхождение в эксплицитных и имплицитных оценках эмоциональных состояний.
4. В подгруппе лиц, демонстрирующих расхождение в эксплицитных и имплицитных оценках эмоциональных состояний, могут быть выделены и описаны паттерны регуляции эмоций, отличные от таковых у лиц с согласованными имплицитными и эксплицитными оценками эмоциональных состояний.

Выборка

Основная группа в количестве 80 человек — сотрудники ОВД обоего пола, выполняющие служебные обязанности в различных подразделениях полиции (патрульно-постовая служба, дознание, конвойное подразделение, ГИБДД) Архангельской области в возрасте от 24 до 49 лет (53 мужчины).

Контрольная группа в количестве 74 человек — это лица от 20 до 45 лет (33 мужчины), соответствующие представителям экспериментальной группы по возрасту и образованию, чья профессиональная деятельность не связана с риском психической травматизации.

Методики

В качестве диагностического инструментария предполагается использование следующего комплекса методик.

1. *Шкала позитивного и негативного аффекта (ШПАНА)* [5; 23] — предназначена для определения уровня и направленности аффекта (позитивный/негативный).
2. *Шкала мотивации одобрения Кроуна—Марлоу* [16] – предназначена для изучения социальной желательности.
3. *Опросник когнитивной регуляции эмоций (ОКРЭ)* [17,18] — предназначен для оценки когнитивных стратегий в процессе регуляции эмоций. Шкалы опросника.
  - I. «Самообвинение» — мысли, в которых человек винит себя за случившееся (например: «Я чувствую, что именно я в ответе за это»).
  - II. «Принятие» — мысли о принятии того, что случилось («Я думаю, что должен принять то, что случилось»).

III. «Руминации» — постоянные размышления о мыслях и чувствах, связанных с пережитой трудной ситуацией («Я размышляю о своих чувствах по поводу того, что мне пришлось пережить»).

IV. «Позитивная перефокусировка» — отвлечение на мысли о других, более приятных событиях и ситуациях вместо размышлений о пережитых затруднениях («Я думаю о более приятных вещах, чем то, что я испытал»).

V. «Фокусирование на планировании» — размышления о том, какие следующие шаги лучше предпринять по отношению к случившемуся («Я думаю о том, как мне лучше всего справиться с этой ситуацией»).

VI. «Позитивная переоценка» — поиск положительного смысла в произошедшем событии в целях личностного роста или приобретения нового опыта («Я думаю, что я могу вынести что-то полезное из этой ситуации»).

VII. «Рассмотрение в перспективе» — снижение исключительной значимости события за счет его сравнения с другими ситуациями («Я думаю, все могло быть гораздо хуже»).

VIII. «Катастрофизация» — мысли о глобальных размерах произошедшего события и его отрицательных последствиях («Мне кажется, что то, что пережил я, намного хуже того, что довелось пережить другим»).

IX. «Обвинение других» — перекладывание вины за пережитое человеком событие на окружающих (например: «Я считаю, что виноваты другие»).

4. *Опросник регуляции эмоций (ОРЭ)* адаптированный И.Н. Дорофеевой, М.А. Падун [1, 20] — направлен на оценку двух стратегий регуляции эмоций: «подавление» и «когнитивная переоценка».

Для понимания закономерностей эмоциональных состояний сотрудников ОВД респондентам основной группы была дополнительно предложена методика *Тест Имплицитного позитивного и негативного аффекта (ИПАНАТ)* в апробации О.В. Митиной и др. [4; 22].

Результаты и их обсуждение

Самооценка эмоциональных состояний и социальная желательность. Анализ различий в характеристиках эмоциональных состояний показал, что сотрудники ОВД сообщают о меньшей выраженности негативных эмоций по сравнению с респондентами контрольной группы. Уровень позитивного аффекта в двух группах не различается (табл. 1).

Таблица 1

Различия в выраженности позитивного/негативного аффекта между группой сотрудников ОВД и контрольной группой

Субшкалы	Сотрудники ОВД				Контрольная группа				Z	U Манна — Уитни	p
	n	Me	Min	Max	n	Me	Min	Max			
Позитивный аффект (ШПАНА)	80	35	26	49	74	36	17	48	-0,71	2763,5	0,476
Негативный аффект (ШПАНА)	80	12	10	25	74	22	11	44	-8,57	594,5	0,000

Полученный результат дает различные основания для интерпретации. Во-первых, можно предполагать, что отбор сотрудников в структуры ОВД действительно предполагает, что люди с выраженными негативными эмоциональными состояниями в подобные организации не попадают. С другой стороны, деятельность сотрудников ОВД сопряжена с большим стрессом и риском травматизации, чем деятельность лиц неэкстремальных профессий, что повышает вероятность развития негативных эмоциональных состояний. Таким образом, неясно, каков механизм этих различий. Для его прояснения были определены различия в социальной желательности между сотрудниками ОВД и контрольной группой. Полученные различия ($U=850,5$; $p < 0,000$) говорят о том, что показатели социальной желательности у сотрудников ОВД значительно выше, чем в контрольной группе. Этот факт свидетельствует в пользу изначальных предположений о возможных эффектах искажения самоотчетной информации сотрудниками ОВД. Данный вывод также подтверждается тем, что именно выраженность негативного аффекта отрицательно коррелирует с социальной желательностью в обеих группах (табл. 2), что говорит об уязвимости этого показателя в плане достоверности ответов. Следует отметить, что связь между самооценкой негативного аффекта и социальной желательностью значительно больше выражена в группе сотрудников ОВД, чем в контрольной группе.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Спирмена между социальной желательностью (СЖ) и показателями позитивного/негативного аффекта

Субшкалы	СЖ (Сотрудники ОВД)		СЖ (Контрольная группа)	
	г	р	г	р
Позитивный аффект (ШПАНА)	0,11	0,371	0,11	0,371
Негативный аффект (ШПАНА)	-0,36	0,004	-0,24	0,035

Регуляция эмоций у сотрудников ОВД. Анализ стратегий регуляции эмоций «подавление» и «когнитивная переоценка» показал, что сотрудники ОВД в большей степени склонны к подавлению эмоций, чем лица, не связанные с работой в системах с повышенным риском психической травматизации (табл. 3). Расчет осуществлялся с применением t-критерия Стьюдента, так как распределение показателей по шкалам «подавление» и «когнитивная переоценка» соответствует нормальному.

Таблица 3

Различия в стратегиях регуляции эмоций «подавление» и «когнитивная переоценка» между сотрудниками ОВД и контрольной группой по t-критерию Стьюдента

Субшкалы	Сотрудники ОВД			Контрольная группа (			t	p
	n	M	SD	n	M	SD		
Когнитивная переоценка (ОРЭ)	80	29,23	6,71	74	30,5	6,67	1,13	0,259
Подавление (ОРЭ)	80	15,5	4,04	74	14,01	4,68	-2,11	0,036

Таким образом, сотрудникам ОВД в большей степени свойственна сдержанность в выражении эмоций, чем людям, чья деятельность не связана с риском. Понятно, что род занятий сотрудников ОВД в некоторой степени предполагает способность «отодвигать» эмоциональные переживания (особенно в экстремальных ситуациях), с другой стороны, подавление эмоций может выступать в качестве фактора риска психосоматических и поведенческих нарушений (например, неожиданной агрессивности по типу «парового котла»).

Анализ различий в когнитивных стратегиях регуляции эмоций показывает, что сотрудники ОВД в целом реже прибегают к регуляции эмоций, чем представители контрольной группы (табл. 4). Причем это касается не только дисфункциональных стратегий («самообвинение», «руминации», «катастрофизация», «обвинение других»), но и вполне конструктивных стратегий («рассмотрение в перспективе», «позитивная переоценка»).

Таблица 4

Различия в стратегиях когнитивной регуляции эмоций между сотрудниками ОВД и контрольной группой

Субшкалы ОКРЭ	Сотрудники ОВД (N=80)				Контрольная группа (N=74)				Z	U — Уитни	p
	Rank	Me	Min	Max	Rank	Me	Min	Max			
	Sum				Sum						
Самообвинение	7195,5	0	4	9	4739,5	13	8	19	5,28	1499,5	0,000
Принятие	6875,5	9	4	7	5059,5	12	5	19	4,12	1819,5	0,000
Руминации	7573,5		4	8	4361,5	13	5	20	6,65	1121,5	0,000
Позитивная перефокусировка	5237,5	11	4	0	6697,5	10	4	17	-1,80	2462,5	0,071
Фокусирование на планировании	5870,5	14	5	0	6064,5	15	7	19	0,49	2824,5	0,622
Позитивная переоценка	6418,5	14	6	0	5516,5	16	6	20	2,47	2276,5	0,013
Рассмотрение в перспективе	6489,0	10	4	9	5446,0	12	5	19	2,73	2206,0	0,006
Катастрофизация»	6905,0	5	4	2	5030,0	7	4	20	4,23	1790,0	0,000
Обвинение других»	6781,5	7	4	2	5153,5	8	4	16	3,78	1913,5	0,000

Соотнесение между собой феноменов социальной желательности и регуляции эмоций, а также принятие во внимание особенностей профессиональной деятельности сотрудников ОВД дает основания к более глубокому изучению особенностей эмоциональных состояний и их регуляции у сотрудников ОВД с использованием методов, позволяющих получить объективную информацию в обход социальной желательности.

Согласованность эксплицитных и имплицитных оценок негативных эмоциональных состояний. Наиболее важной для анализа переменной является выраженность негативного аффекта (она коррелирует с социальной желательностью и в своих высоких значениях является признаком неблагополучия). В связи с этим критерием для выделения подгрупп в выборке сотрудников ОВД стало соотношение эксплицитных и имплицитных показателей выраженности негативных эмоциональных состояний (НА — эксплицитный негативный аффект; ИНА — имплицитный негативный аффект). Кластерный анализ позволил выделить в группе сотрудников ОВД три подгруппы, между которыми были выявлены значимые различия в выраженности эксплицитных и имплицитных негативных аффектов (табл. 5).

Таблица 5

Средние значения и стандартные отклонения по кластерам согласованности оценок имплицитного и эксплицитного аффекта

Показатели	Кластер 1 (N=32)	Кластер 2 (N=15)	Кластер 3 (N=33)
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
НА (ШПАНА)	10,31 (0,47)	19,93 (2,40)	13,15 (1,25)
ИНА (ИПАНАТ)	1,47 (0,36)	1,98 (0,45)	1,95 (0,43)

Первый кластер был назван «Адаптивный баланс имплицитного и эксплицитного аффекта» (совпадение эксплицитных и имплицитных оценок благополучного эмоционального состояния — низкий имплицитный и низкий эксплицитный негативный аффект). Данная подгруппа включает 32 сотрудника, для которых характерна согласованность данных методик имплицитного и эксплицитного уровня переработки эмоциональной информации. С одной стороны, можно рассматривать эту группу в качестве контрольной по отношению к двум другим кластерам. С другой стороны, представителей данной подгруппы отличает высокий уровень социальной желательности в сравнении с двумя другими подгруппами (с кластером 2: $U=79,5$; $p<0,05$; с кластером 3: $U=213,5$; $p<0,05$). Данный факт может быть по-разному интерпретирован. Во-первых, есть современные данные о низкой валидности шкалы Марлоу—Кроун (Осин, 2011), в связи с чем можно поставить под вопрос значимость результатов по шкале социальной желательности. Во-вторых, нельзя исключить, что среди этой большой группы «благополучных» с точки зрения эмоциональной регуляции сотрудников есть часть тех, кто маскируется под данные личностные характеристики.

Второй кластер был назван «Неблагополучный баланс имплицитного и эксплицитного аффекта» (совпадение эксплицитных и имплицитных оценок неблагополучного эмоционального состояния — высокий эксплицитный и высокий имплицитный негативный

аффект. Данная подгруппа включает 15 сотрудников ОВД, для которых характерна осознанность и рефлексия своего состояния. Об этом свидетельствует не только согласованность данных методик имплицитного и эксплицитного уровня переработки эмоциональной информации, но и низкие показатели социальной желательности. «Неблагополучие» баланса — это объективная информация о своем состоянии субъективного дистресса, раздражительности, гнева, неудовлетворенности.

Представители данной подгруппы характеризуются как способные к рефлексии, осознанности и аутентичным ответам (не боятся признаваться в собственной уязвимости). Оценка эмоционального благополучия/неблагополучия у данной категории сотрудников возможна с использованием эксплицитных (самоотчетных) методов. При этом есть некоторые основания прогнозировать, что при длительном пребывании в условиях высокого риска психической травматизации сотрудники этой группы могут испытывать сильный дистресс.

Вместе с тем результаты по этой подгруппе можно рассматривать как проявление эмоционального неблагополучия только в рамках сравнения внутри данной выборки (с другими кластерами). Если же сравнивать их с нормативными [4; 5], полученными на больших выборках студентов, то значения эксплицитного и имплицитного негативного аффекта близки к средним.

Сотрудники, входящие в данную подгруппу, по сравнению с подгруппой эмоционально благополучных сотрудников имеют более высокие показатели по следующим стратегиям когнитивной регуляции эмоций: «руминации» (навязчивые размышления) ($U=79,5$; $p<0,001$), катастрофизация ($U=94,5$; $p<0,001$), «обвинение других» ($U=152,0$; $p<0,05$).

Третий кластер был назван «Дисбаланс имплицитного и эксплицитного аффекта» (несовпадение эксплицитных и имплицитных оценок негативного эмоционального состояния — высокий имплицитный — низкий эксплицитный негативный аффект). Данная подгруппа включает 33 сотрудника, особенности эмоциональной регуляции которых превращают их в «группу риска» из-за несогласованности данных об актуальном состоянии. Это значит, что оценка эмоционального неблагополучия у данной категории сотрудников невозможна с помощью эксплицитных (самоотчетных) методов, необходимо применение методов психофизиологической оценки (особенно при принятии решения о возможности направления сотрудника в условия высокого риска психической травматизации). Рассогласование имплицитных и эксплицитных показателей об особенностях своего эмоционального состояния можно интерпретировать как наличие у этой категории недостаточно осознаваемого (либо осознаваемого, но скрываемого) дистресса. У сотрудников, входящих в данную подгруппу, по сравнению с подгруппой эмоционально благополучных сотрудников также обнаруживаются различия по стратегиям когнитивной регуляции эмоций: «руминации» ($U=79,5$; $p<0,001$) и «катастрофизация» ($U=94,5$; $p<0,001$). Таким образом, по способам регуляции эмоций сотрудники ОВД из этой подгруппы мало чем отличаются от лиц с выраженным негативным аффектом (они так же склонны к повторяющимся навязчивым размышлениям по поводу эмоциогенной ситуации и преувеличению ее негативного значения) — с той разницей, что выраженный негативный аффект у данной подгруппы распознается только имплицитной методикой.

Проведенное исследование, с одной стороны, подтвердило выдвинутые гипотезы. С другой стороны, интерпретация и прояснение полученных данных требует дополнительных исследований. В частности, неясным остается вопрос, является ли «эмоционально благополучная» группа действительно таковой. Входящие в нее сотрудники ОВД обнаруживают согласование эксплицитных и имплицитных оценок, но имеют высокие показатели социальной желательности. Статус подгруппы с рассогласованием эксплицитных и имплицитных оценок, по всей видимости, требует дополнительного изучения с применением различных «неопросниковых» методов: психофизиологических, проективных, экспертных, экспериментальных.

Изучение социальной желательности у сотрудников ОВД мало проясняет запутанную ситуацию, существующую на данный момент в современной науке в связи с этим понятием. Искажение данных самоотчетных методик — методологическая проблема современной психологии, которая выглядит особенно актуальной в психодиагностике лиц опасных профессий. Использование имплицитных методов диагностики предполагает некоторый прогресс в направлении получения валидных данных. В дальнейших исследованиях предполагается использовать расширенные возможности методики ИПАНАТ, которая позволяет оценивать как выраженность имплицитного позитивного-негативного аффекта в целом, так и конкретные компоненты эмоциональных состояний по отдельным дескрипторам (например, «радостный» или «напряженный»).

Остается открытым вопрос об адаптивности подавления эмоциональной экспрессии у сотрудников ОВД. Известно, что в коллективистических культурах подавление эмоций является культурно нормативной стратегией и не демонстрирует корреляций с психологическим благополучием в отличие от индивидуалистических культур, где наблюдается отрицательная связь между подавлением эмоций и психологическим благополучием [14]. Наши исследования также дают основания предполагать, что подавление является для России культурно нормативной стратегией [12]. Вместе с тем в нашем предыдущем исследовании было показано, что для лиц с низким и средним нейротизмом (к которым принадлежат, по всей видимости, сотрудники ОВД) положительная связь между подавлением эмоций и выраженностью негативного аффекта все же существует, и пропадает она лишь у лиц с высоким нейротизмом [11]. Задачей будущих исследований может быть изучение психофизиологических механизмов подавления эмоций у лиц, работающих в условиях риска психической травматизации.

Финансирование

Работа выполнена по госзаданию ФАНО № 0159-2018-0007.

Литература

1. Дорофеева И.Н., Падун М.А. Особенности саморегуляции и профиль латеральной организации мозга // Психологический журнал. 2012. № 1. С. 101—111.
2. Мамонтова С.Н. Прикладная юридическая психология. М., «ЦДО МНЮИ», 2002. 898 с.
3. Марьин М.И., Котенев И.О., Киселева Л.Е. Методика экспертных оценок эффективности адаптации в управленческой деятельности выпускников Академии управления МВД России: учеб.-метод. пособие, М. «Академия МВД

России», 2011. 96 с.

4. Митина О.В., Падун М.А., Зелянина А.Н. Разработка русскоязычной версии методики «Тест имплицитного позитивного и негативного аффекта» // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 104—121.
5. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91—110.
6. Осинцева А.В. Изучение мотивации сотрудников органов внутренних дел» // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 9. С. 6—13.
7. Павленин В.С. Психолого-педагогические факторы проявления агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов»: дисс. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2004. 173 с.
8. Падун М. А. Регуляция эмоций: процесс, формы, механизмы // Психологический журнал. 2010. № 6. С. 57—69.
9. Падун М.А. Регуляция эмоций и ее нарушения [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 5. URL: <http://psystudy.ru>. (дата обращения: 30.01.2019).
10. Падун М.А. Регуляция эмоций после психической травмы // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 74—84.
11. Падун М.А., Зелянина А.Н. Регуляция эмоций у лиц с различным уровнем нейротизма // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1906—1913.
12. Падун М.А., Зелянина А.Н. Стратегии регуляции эмоций и эмоциональные состояния: кросскультурные аспекты // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М., «Институт психологии РАН». С. 1458—1467.
13. Падун М.А., Сорокко Е.А. Социальная желательность и подавление эмоций у сотрудников МВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 40—43.
14. Панкратова А.А. Подход Дж. Гросса к изучению эмоциональной регуляции: примеры кросс-культурных исследований // Вопросы психологии. 2014. № 1. Р. 147—155.
15. Пермогорская Е.М., Падун М.А. Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД — участников контртеррористических операций на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.01.2019).
16. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты, М.:

Психологические аспекты деструктивного информационно- психологического воздействия

Столяренко А.М., доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», Москва, Россия

Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», Москва, Россия (natalyaserduk@inbox.ru)

Вахнина В. В., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», Москва, Россия (vikavahnnina@mail.ru)

Грищенко Л.Л., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», профессор кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», Москва, Россия

Боева О. М., кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, Москва, Россия

В статье раскрывается сущность деструктивного психологического воздействия на личность и предлагаются направления и способы информационно-психологического противодействия. Изучается одно из направлений психологической практики — противодействие информационному психологическому воздействию. Выделяются наиболее эффективные методы и способы противодействия негативному информационно-психологическому влиянию. Описываются специфические особенности противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию, особенности своевременной психодиагностики и выработки эффективных мер противодействия. Обосновывается актуальность исследования данного направления психологической работы, продиктованная необходимостью, с одной стороны, оценки качества психологической защищенности сотрудников органов внутренних дел, с другой стороны — поиска и стимулирования внутриорганизационных и внутриличностных психологических ресурсов, в связи с чем возникает потребность в проработке теоретико-методологических и концептуальных подходов. В частности, по защите личного состава от негативного информационно-психологического воздействия. Авторы рассматривают деструктивное информационно-психологическое воздействие как одну из наиболее серьезных проблем современного общества, которая угрожает

психологической безопасности не только сотрудников органов внутренних дел, но и многих граждан, влечет существенные потери, оказывает сильное психологическое воздействие.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, личность, сотрудник органов внутренних дел, информационная безопасность, информационно-психологическое противодействие.

Для цитаты:

Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Вахнина В.В. и др. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 75-89. doi: 10.17759/psylaw.2019090406

For citation:

Stolyarenko A.M., Serduk N.V., Vakhnina V.V. et al. Psychological aspects of destructive information-psychological influence. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiia i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.75-89. doi: 10.17759/psylaw.2019090406

Деструктивное информационно-психологическое воздействие является одной из серьезных проблем современного общества, оно угрожает безопасности многих стран и граждан, влечет за собой весьма существенные политические и экономические потери, оказывает сильное психологическое воздействие на большие массы людей.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 5 декабря 2016 года [1], определяет понятие «информационная безопасность» как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства.

В деятельность по дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий, расширяются масштабы использования средств оказания информационно-психологического воздействия.

В связи с этим одним из основных направлений обеспечения информационной безопасности является нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Важным шагом в обеспечении информационной безопасности Российской Федерации явилось принятие федерального закона от 18 марта 2019 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации,

информационных технологиях и о защите информации», которым введено понятие недостоверной общественно-значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, а также определен порядок блокирования такой информации.

Теория информационного противоборства в психологической сфере уже сформировалась как самостоятельная часть науки о манипулировании поведением отдельных личностей и социальных групп. Ее дальнейшее развитие идет по пути конкретизации использования выявленных эффектов информационно-психологического воздействия в социальной, политической и иных сферах.

Обеспечение информационно-психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел является одной из важнейших задач, стоящих перед руководителями различного уровня. На индивидуально-личностном уровне эта задача реализуется посредством формирования целого комплекса защитных механизмов и технологии поведения, которые в полной мере отражают экстремальный характер правоохранительной деятельности.

Одним из характерных признаков новейшего времени можно считать развитие технологий массовых коммуникаций, которые сделали современный мир более компактным, более взаимосвязанным, но и более управляемым.

Под негативным информационно-психологическим воздействием на сотрудников органов внутренних дел следует понимать распространение информации, ведущей к дестабилизации обстановки среди сотрудников, расколу служебных коллективов по различным основаниям, снижению служебной активности.

Для формирования негативного образа сотрудника органов внутренних дел и распространения слухов, а также недостоверной общественно значимой информации используются различные каналы коммуникации — мессенджеры, социальные сети, паблики, различные сетевые группы и сообщества.

Появление и широкое распространение информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»¹, вытесняющей печатные СМИ, радио и телевидение, существенным образом изменило мировое информационное пространство, породило ряд важных тенденций:

– исчезла монополия на формирование общественного мнения. С развитием интернета распространять информацию и влиять на общественное мнение могут фактически любые лица, способные привлечь внимание к своей персоне;

– существенно вырос объем информационных потоков. На любой запрос можно моментально получить тысячи публикаций и различного медиаконтента. Современные интернет-браузеры используют превентивные технологии изучения интересов на основе анализа предыдущих действий оператора, предлагая различные ссылки, которыми он потенциально мог бы заинтересоваться. В результате пользователи зачастую изучают интересующий вопрос поверхностно, знакомясь только с тем контентом, который поисковые алгоритмы предлагают первым;

---

¹ Далее — Интернет, Глобальная сеть

– значительно увеличилась скорость распространения информации, что вызывает определенные сложности при проверке ее подлинности. Как следствие, увеличивается количество так называемых «фейков» (вымыслов), которые иногда подхватывают даже солидные информационные агентства.

Преимущества использования сетевых информационных ресурсов, в том числе в качестве источника негативного информационно-психологического воздействия, обусловлены представленными особенностями.

Важно отметить, что *оперативность*, своевременное обновление информации, в частности, размещение актуальных материалов в интернет-изданиях, новостных сайтах, различных форумах не требует большого количества временных ресурсов.

Важно, что субъект внушения или психологического воздействия имеет возможность изучать поступающую информация оперативно. Адресное психологическое воздействие на информационно-психологические ресурсы оппонента зачастую осуществляется в заранее запланированное время, по мере возникновения потребности.

Экономичность. Для решения поставленных задач привлекается минимальное количество персонала и материальных средств.

Интерактивность. Пользователь интернет-ресурсов не является пассивным потребителем информации, а активно взаимодействует с ней посредством гиперссылок, механизмов контекстного поиска и так далее.

Скрытность источника воздействия. В Глобальной сети редко кто публикуется под настоящим именем, а тем более когда речь идет об информационных «вбросах».

Дистанционный характер. Информационно-психологическое воздействие, как правило, осуществляется удаленно. Комментируя новостные каналы, манипулируя подачей и эмоциональным восприятием информации, можно легко обеспечить виртуальное присутствие в заданном месте в реальном времени.

Масштабность возможных последствий. Использование Глобальной сети для негативного информационно-психологического воздействия может привести к нарушению нормальной работы органов государственного управления, спровоцировать массовые протесты, акции гражданского неповиновения в отдельных регионах или целых странах.

Возможность обратной связи. У субъекта информационно-психологического воздействия появляется возможность живой обратной связи, недоступной при использовании традиционных СМИ, в форме комментариев пользователей, «лайков» и «ретвитов».

Доступность информации. Пользователи интернета могут получить доступ к информации, имеющейся на серверах различных стран, минуя пограничные, цензурные и иные барьеры.

Комплексность подачи информации и ее восприятия. В конкурентной борьбе информационных агрегаторов за внимание аудитории наметилась тенденция широкого использования мультимедийного контента.

В отличие от вербальных, визуальные средства позволяют практически мгновенно воспринимать запрограммированное информационно-психологическое воздействие, причем оно будет более глубоким и длительным, так как визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоциональную сферу человека. Поэтому использование современных технологий, позволяющих демонстрировать тексты, фото и видеоматериалы, оказывает на аудиторию дополнительное эмоциональное и психологическое воздействие.

Вместе с тем у большей части пользователей формируется так называемое «клиповое» (фрагментарное, блоковое) мышление, которое облегчает восприятие большого объема информации, одновременно снижая способность к ее осмыслению и критической проработке.

Современные средства коммуникации, поисковики и социальные сети могут быть использованы для манипулирования общественным мнением. Для достижения этих целей порой достаточно откровенного вымысла, главное, чтобы он затрагивал людей на эмоциональном уровне (так называемый «вброс»). Технологии информационного воздействия реализуются не только на уровне сознания, но и на подсознательном уровне, позволяя дезориентировать отдельного человека или целые социальные группы в происходящих событиях, незаметно управлять их поведением.

Нарастает информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1].

В силу особенностей развития психики, молодые люди являются наиболее уязвимой аудиторией для манипулирования, поскольку им свойственны повышенная внушаемость, некритичность восприятия, склонность безусловно принимать установки и мнения, доминирующие в значимых для них группах, и в то же время отрицание традиционных ценностей и авторитетов, противоречивость и бунтарство.

Кроме того, большой интерес для манипуляторов представляют государственные служащие и сотрудники правоохранительных органов (силовых структур), поскольку они наделены властными полномочиями и имеют доступ к информации ограниченного распространения. Поэтому особое значение придается проблеме обеспечения информационно-психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел.

В настоящее время достаточно подробно описаны такие методы воздействия, как суггестия (внушение), убеждение, заражение, подражание и другие, не только в сфере межличностного или межгруппового общения, но и в глобальных процессах информационного взаимодействия.

Способы информационно-психологического воздействия могут быть классифицированы с позиции методов воздействия.

Убеждение как метод открытого вербального (словесного) информационно-психологического воздействия на сознание индивида или группы людей, основу которого составляет система ясных, четко сформулированных доводов (аргументов), выстроенных по законам формальной логики и обосновывающих выдвигаемый субъектом воздействия тезис (точку зрения).

Эмоциональное заражение как социально-психологический механизм передачи психического настроения другим людям от одного человека или группы людей, эмоционального воздействия в условиях непосредственного контакта и включения личности в определенные психические состояния.

Подражание как следование образцу как следствие потребности в принадлежности к значимой группе.

Особый вид психологического воздействия — *внушение*, иначе говоря, *суггестия* как специально организованный процесс, что особенно важно отметить, неаргументированного психологического воздействия на сознание личности. Такой специально организованный процесс психологического воздействия характеризуется, прежде всего, снижением критичности восприятия сообщаемой информации, снижением ее осмысления. Отличительным признаком суггестии или внушения является снижение активного понимания и осмысления, а также отсутствие логического анализа и объективной оценки.

В процессе воздействия методом внушения искажается восприятие информации, которая включает сформулированные выводы, позднее на ее основе актуализируются реально-действующие мотивы, актуализируются потребности, формируются смыслозначимые установки, которые способствуют проявлению того или иного поведения.

Важно отметить, что пропаганда как распространение политических, философских, научных, художественных знаний (идей) и другой информации в обществе, т. е. осуществление пропаганды, способствует развитию и формированию определенного мировоззрения. Сформированная система взглядов, отражает систему мировоззрения на окружающий мир, определение места личности, меняет отношение людей к объективной реальности и друг к другу. Происходит трансформация имеющихся убеждений, принципов, смысложизненных мотивов и ценностных ориентаций.

Примерами способов информационно-психологического воздействия и манипулирования информацией могут являться:

- утаивание психологически важной информации или включение значимой информации в общий контекст информационного потока;
- намеренное упрощение и суггестия, выражающаяся в целенаправленном повторении;
- изменение смысла понятий: использование дефиниций, терминов, имеющих неоднозначный или искаженный смысл, который делает невозможным восприятие истинной картины произошедшего;
- намеренное включение широко известного образа — известных политических деятелей, представителей шоу-бизнеса, которые могут являться возможными участниками в различных мероприятиях, акциях, оказывая психологическое воздействие на оценку того или иного события, меняя личностные установки и систему ценностей;
- ангажированность в освещении событий, акцентирование и поиск негатива в абсолютно любом явлении, происходящем в обществе. Таким образом, при любом развитии

событий субъекты негативного информационно-психологического воздействия будут генерировать только отрицательный резонанс;

– использование «фейков», создающих эмоциональную волну. В информационное пространство «вбрасывается» откровенно ложная информация, и в ходе ее обсуждения подогревается общественное недовольство. Основной расчет на то, что лишь небольшая часть людей станет перепроверять «фейк», голоса здравомыслящих утонут в потоке возмущений, а когда ложь вскроется, пройдет время и это будет уже никому не интересно;

– вынесение абсурдной либо спорной мысли в заголовок в форме вопроса или предположения. После этого само содержание статьи становится второстепенным, заголовок уже сформулировал определенные настроения у читателей. Как правило, таким образом работают различные информационные «вбросы», в том числе направленные на дискредитацию органов внутренних дел и подрыв их авторитета в глазах населения;

– распространение негативных слухов среди отдельных социальных групп, в том числе среди силовых структур. Примером могут служить информационные «вбросы», касающиеся возможного ухудшения социального положения сотрудников органов внутренних дел (отмены части выплат, увеличение срока выслуги для получения права на пенсию, и др.).

Следует обратить внимание на то, что официальные опровержения слухов нередко интерпретируются модераторами негативного информационно-психологического воздействия как косвенное подтверждение своих вымыслов.

Можно выделить три характерные тенденции преобразования информационного потока в процессе распространения слуха:

– сглаживание состоит в том, что несущественные в глазах аудитории детали исчезают, сюжет становится короче. Сохранившиеся детали выдвигаются на первый план, становятся более масштабны и значимы;

– заострение проявляется в обрастании сохранившегося сюжета дополнительными деталями, которые придают ему эмоциональную окраску и смысловую наполненность;

– приспособление означает подстройку деталей сюжета под стереотипы, установки и ожидания аудитории. В результате психологическое содержание информации может в корне меняться.

Выясняя, почему один слух живет долго, а другой быстро затихает, психологи выделили два фактора, совокупность которых предопределяет устойчивость слуха. Первый фактор — интерес к теме. Слух возникает в той аудитории, где имеется интерес к данной теме, а траектория его перемещения и масштаб зависят от конфигурации данной аудитории. Второй фактор — дефицит надежной информации, при этом неудовлетворенная потребность в информации компенсируется обрывочными сведениями из сомнительных источников.

Распространение слухов нередко сопровождается ухудшением морально-психологического состояния личного состава и социально-психологического климата в служебных коллективах, ослаблением волевого самоконтроля сотрудников. Следствием

данного состояния становятся различные негативные социально-психологические процессы, вплоть до суицидальных происшествий.

Учитывая значительный психологический эффект слухов, следует принимать своевременные и исчерпывающие меры по их пресечению, выявлению источников распространения, разъяснению личному составу целей их действительных авторов. Приоритетными являются следующие меры:

- оперативность, своевременность, достоверность и систематичность официальных сообщений;
- наличие обратной связи между источником официальной информации и аудиторией;
- упреждающее предоставление информации по наиболее актуальным для аудитории вопросам и темам;
- поддержание оптимального морально-психологического состояния у сотрудников.

Различные социальные технологии реформирования общественного сознания используются для получения контроля над социумом путем его морального разложения, обесценивания его традиционных ценностей, уничтожения культуры и исторической памяти.

Данный процесс можно разделить на ряд стадий, которые последовательно продвигаются в информационном поле. Рассмотрим его на примере технологии, описанной руководителем центра общественной политики Maskinas Center Дж.П. Овертоном (1960—2003).

На начальном этапе совершенно неприемлемая тема начинает возникать в информационной повестке. При этом неважно, в каком ключе идет обсуждение — в негативном контексте, с осуждением; либо тема упоминается как бы невзначай. На данном этапе цель — приучить общество к самому факту существования этого явления.

На втором этапе происходит перевод поднятой темы из области радикальной и табуированной в область возможного (теоретически). Происходит важный сдвиг: негативному явлению придумывается новое красивое название (эвфемизм), лишенное неприятных ассоциаций. Задача изменения названия — исказить существо противоречий, проблемы от ее сути, изолировать форму слова от содержания. На втором этапе формируется, развивается значимый прецедент — исторического или мифологического, что важно, — легитимного. В информационном пространстве обсуждаются условия, при которых данное явление в принципе могло бы быть легализовано и ситуации, при которых оно было бы приемлемым.

Третий этап можно охарактеризовать переходом из области возможного в область рационального. Общество искусственно превращается в дискуссионную площадку на заданную тему, где полярные мнения представлены радикальными элементами — сторонниками и противниками спорного явления. Это делается для того, чтобы в общественном сознании, как правило испытывающем неприязнь к любым радикалам,

противники этого явления воспринимались бы такими же оголтелыми и безумными, как и его сторонники (стигматизация). Конструктивным и разумным противникам доступ в медиапространство по возможности перекрывается. Вскрываются различные факты, когда сторонники обсуждаемого негативного явления подвергались преследованиям и гонениям в прошлом.

На следующем этапе данное явление наполняется поп-контентом, юмором и позитивными ассоциациями. Упоминания о нем все чаще встречаются в развлекательной форме в фильмах и ток-шоу.

На пятом этапе начинаются перевод темы в область политики и ее законодательная проработка. Все чаще появляются результаты различных «соцопросов» неясного происхождения, подтверждающих высокий процент сторонников этого явления. В дальнейшем нужное явление (которое уже легализовано и не носит негативного оттенка) претворяется в жизнь и становится желательным в обществе. По такому сценарию продолжается нравственная деградация массового сознания в ряде цивилизованных обществ. Все это происходит под видом толерантности и либерализации общества и законодательства.

Если же государство принимает контрмеры по сохранению общественной нравственности, усилия субъектов негативного влияния трансформируются в возбуждение общественного недовольства с целью оказания давления на власть; при этом задействуются технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения [2], «управляемого хаоса» и др.

Для усиления своей позиции субъектами негативного информационно-психологического воздействия активно используются отдельные психологические приемы манипулирования сознанием масс и целевых групп.

Прием разрыва «шаблона». Принцип приема состоит в том, чтобы путем искусственного нагнетания создать напряженную ситуацию, которую затем неожиданно «разрядить» предъявлением нужного стимула. Данный прием чаще всего используется в рекламе и предвыборных технологиях.

Апеллирование к авторитетам. В качестве аргументов используются оторванные от контекста или откровенно вымышленные высказывания авторитетных личностей, либо ссылки на мнение обезличенного и абстрактного «большинства». Пример таких высказываний: «Ваши коллеги согласны, что ...» или «Результаты опросов показали, что большинство ...».

Прием накопления согласия. Суть приема — в постановке последовательного ряда очевидных вопросов (утверждений), с которыми объект воздействия с большой долей вероятности согласится. Такое свойство психики, как инертность, проявляется в том, что «цепочка согласий» скорее всего продолжится и после того, как в данной последовательности прозвучат неоднозначные вопросы или утверждения. Данный прием

используется не только в личной дискуссии, но и при написании статей (выдвижение автором в начале материала ряда бесспорных тезисов, а ближе к концу — сомнительных).

Иллюзия выбора. Прием иллюзии выбора состоит в том, чтобы вынудить объект воздействия принять выгодное для субъекта решение, но таким образом, чтобы данное решение казалось ему принятым самостоятельно. Достигается это специальной постановкой закрытого вопроса из искусственно ограниченного перечня вариантов ответа («Или это ..., или это ...») либо постановкой вопроса в абсурдной формулировке, не терпящей возражений («И Вы готовы это терпеть?!»).

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года относит к числу основных направлений государственной национальной политики формирование гражданского самосознания, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3].

Противодействие информационно-психологическому воздействию представляет собой систему согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам, объектам и времени информационно-психологических и оперативно-профилактических мероприятий [4].

Принципами организации противодействия негативному информационно-психологическому воздействию являются системность, адекватность, целеустремленность, последовательность, активность, комплексность, оперативность [5].

Залогом успешного противодействия попыткам информационно-психологической дестабилизации личного состава органов внутренних дел является формирование благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах и поддержание оптимального морально-психологического состояния личного состава, которое определяется, в частности, глубоким осознанием сотрудниками важности деятельности по обеспечению правопорядка, моральной готовностью к выполнению служебных задач, высоким профессионализмом, психологической устойчивостью. [16; 17; 18].

Необходимо проводить работу по формированию умений и навыков, которые обеспечивают устойчивость личного состава к манипуляциям: способность выявлять и распознавать его признаки, знание методов и приемов противодействия манипуляциям, навыки саморегуляции и мобилизации ресурсов личности для успешного выполнения служебных задач в условиях негативного информационно-психологического воздействия. [19; 20; 21].

В настоящее время учеными выделяются наиболее значимые методы информационно-психологического противодействия: [12; 13; 14; 15].

– определение возможных и существующих источников деструктивного информационно-психологического воздействия, выявление методов и приемов их нейтрализации, минимизации психологических последствий;

– превентивное информирование сотрудников по наиболее актуальным для них темам и вопросам. Следует учитывать, что первое сообщение на интересующую тему обычно оказывает влияние на восприятие последующих [6; 10; 11];

– обучение сотрудников приемам защиты от негативного информационно-психологического воздействия, различных форм манипулирования, основам информационной безопасности; разъяснение личному составу приемов и техники ведения деструктивной пропаганды; [7; 8; 9].

– сохранение индивидуальности и собственного мнения, основанного на базовом наборе ценностей; защита своих культурных границ и традиций; умение связать разрозненные публикации в единую смысловую цепочку; навыки критического восприятия услышанного (прочитанного), даже если это мнение специалистов; опора на единомышленников;

– выработка у сотрудников психологической готовности к выполнению задач в условиях негативного информационно-психологического воздействия;

– индивидуальная работа с лицами, наиболее подверженными негативному воздействию.

Самый же надежный метод противодействия подобным технологиям заключен в древней мудрости: «сложно сломать то, что имеет стержень». Четкое следование служебному долгу, знание и строгое соблюдение сотрудником требований законодательства нейтрализует подавляющее большинство манипулятивных техник, помогает сделать осознанный и безошибочный выбор в ситуации неуверенности и сомнения.

Литература

1. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19 февраля 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства РФ. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477.
2. Вахнина В.В. Изучение переговорной деятельности в зарубежных исследованиях // Психология и право. 2016. Т. 6. № 2. С. 120—127.
3. Вахнина В.В. Психология переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления // Психология и право. 2016. Т. 6. № 4. С. 16—23.
4. Вахнина В.В., Майдыков А.Ф., Ульянина О.А. Концептуальные основы формирования и развития антикризисной переговорной компетентности руководителей органов внутренних дел // Психологическая наука и образование. 2017. № 4. С. 85—93.
5. Вахнина В.В., Демин Г.И., Ульянина О.А. Психологический подход к компетентностной модели руководителя ОВД в контексте тайм-менеджмента // Психологическая наука и образование. 2017. № 5. С. 94—100.
6. Выготский Л.С., Геллерштейн С.Г., Фингерт Б.А., Ширвиндт М.Л. Основные течения современной психологии [Электронный ресурс]. URL: <https://psychojournal.ru/books/1757-vygotskiy-l-s-gellershteyn-s-g-fingert-b-a-shirvindt-m-l-osnovnye-techeniya-sovremennoy-psihologii.html#t20c/>, свободный (дата обращения: 28.11.2019).
7. Енина В.В., Енин К.А. К вопросу о психологическом обеспечении

- профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов с психическими дисфункциональными состояниями // Психология и право. 2017. № 1. С. 80—88.
8. Кубышко В. Л., Крук В. М., Федотов А.Ю. Интеграция психологических и информационных технологий в рамках метода ситуативно-образного моделирования проблемных ситуаций специалистов силовых структур // Психология и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 128—141.
  9. Лазурский А.Ф. Избранные труды по общей психологии. К учению о психической активности. Программа исследования личности. М.: Алетейя, 2001. 192 с.
  10. Грачев Г.В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: ИНФАН, 1999. 235 с.
  11. Грызова У.И. Социальные технологии: информационно-коммуникационная типология // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 3. С. 80—83.
  12. Кара-Мурза С.Г. Манипуляции сознанием. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 832с.
  13. Караяни А.Г., Зинченко Ю.П. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика: учебник. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. 172 с.
  14. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
  15. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов. М.: МГУ, 2014. 111с.
  16. Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века: монография. СПб: Наукоемкие психотехнологии, 2017. 546 с.
  17. Психология управления: учебник / Под ред. В.И. Черненилова. М.: Академия управления МВД России. 2011. 352 с.
  18. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефел-бук, К.: Веклер, 2000. 209 с.
  19. Сердюк Н.В., Грищенко Л.Л., Столяренко А.М. Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде // Психология и право. 2018. № 3. С. 167—178.
  20. Щекочихин В. М., Королев А.В., Королева В.В. Информационная война. Информационное противоборство: теория и практика: монография. М.: Академия ФСО России, ЦАГЦ, 2010. 999 с.

Psychological Aspects of Destructive Information-Psychological Influence

Stolyarenko A.M., *Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Psychology, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Senior Researcher, Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia*

Serdyuk N.V., *Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia (natalyaserduk@inbox.ru)*

Vakhnina V.V., *Doctor of psychological sciences, Associate Professor, Professor of the department of psychology, pedagogy and organization of work with personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia (vikavahnina@mail.ru)*

Grishchenko L.L., *Doctor of juridical sciences, Professor, State university of management, The Ministry of internal affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Boeva O.M., *PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article exposes the identity of the destructive psychological influence on the personality and offers directions and methods of information-psychological counteraction. One of the areas of psychological practice is being studied - counteraction to informational psychological influence. The most effective methods and practices of counteracting negative information-psychological influence are highlighted. The specific features of counteracting the destructive information-psychological influence, the features of timely psychodiagnostics and the development of effective countermeasures are described. The relevance of the study of this area of psychological work is imposed by the need on the one hand in assessing the quality of psychological protection of employees of internal affairs bodies, and on the other, in searching and stimulating intraorganizational and intrapersonal psychological resources, which necessitates the development of theoretical, methodological and conceptual approaches to the implementation of approaches to protect personnel from negative psychological information influence. The authors consider the destructive informational and psychological influence as one of the most serious problems of modern society, which threatens the psychological safety of not only employees of the internal affairs bodies, but also citizens, entails significant losses, and has a strong psychological effect.

Keywords: information and psychological influence, personality, employee of internal affairs bodies, information security, information and psychological opposition.

References

1. About the statement of the Doctrine of information security of the Russian Federation: the Decree of the President of the Russian Federation of December 05, 2016 No. 646 p.
2. About strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period till 2025: the Decree of the President of the Russian Federation of February 19, 2012 No. 1666 / / Collection of the legislation of the Russian Federation. 24.12.2012. No. 52. 7477 p.
3. Vakhnina V.V. The study of negotiation activities in foreign studies [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016. Vol. 6, no. 2, pp. 120–127. doi:10.17759/psylaw.2016060209. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Vakhnina V.V. Psychology of negotiating activity of employees of internal affairs agencies in situations related to the fact of committing a crime [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016. Vol. 6, no. 4, pp. 16–23. doi:10.17759/psylaw.2016060403. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Vakhnina V.V., Mailykov A.F., Ulyanina O.A. Conceptual Framework of Crisis Negotiation Competency Development in Managers of Internal Affairs Bodies. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2017. Vol. 22, no. 4, pp. 85–92. doi:10.17759/pse.2017220412. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Vakhina V.V., Demin G.I., Ulyanina O.A. Psychological Approach to the Competency Model of the Head of Department of Internal Affairs in the Context of Time Management. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2017. Vol. 22, no. 5, pp. 94–102. doi:10.17759/pse.2017220511. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Vygotsky L. S., Gellerstein S. G., Fingert B. A., Shirvindt M. L. Osnovnyie techeniya sovremennoy psihologii [Basic currents of modern psychology]. [Electronic resource]. URL: <https://psychojournal.ru/books/1757-vygotskiy-l-s-gellershteyn-s-g-fingert-b-a-shirvindt-m-l-osnovnye-techeniya-sovremennoy-psihologii.html#t20c/>, free (accessed 28.11.2017).
8. Enina V. V., Enin K. A. K voprosu o psihologicheskom obespechenie professionalnoy deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nykh organov s psihicheskimi disfunktsionalnyimi sostoyaniyami [To the question of psychological support of professional activity of law enforcement officers with mental dysfunctional States]. // *Psychology and law*. 2017. No. 1. Pp. 80-88.
9. Kubyshko V., Kruk V., Vakhnina V.V., Fedotov A.Yu. Integration of psychological and information technologies within the framework of the method of situational-shaped modeling of problem situations of specialists of power structures [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 128–141. doi:10.17759/psylaw.2018080412. (In Russ., abstr. in Engl.)
10. Lazursky A. F. Izbrannyye trudyi po obshchey psihologii. K ucheniyu o psihicheskoy aktivnosti. Programma issledovaniya lichnosti [Selected works on General psychology. To the doctrine of mental activity. The program for the study of personality]. Moscow: Aleteia, 2001. 192 p.

11. Grachev G. V., Melnik I. K. Manipulirovanie lichnostyu: organizatsiya, sposoby i tehnologii informatsionno—psihologicheskogo vozdeystviya [Manipulation of personality: organization, methods and technologies of information and psychological impa].ct. Moscow: INFAN, 1999. 235 p.
12. Gryzov U. of I. Sotsialnyie tehnologii: informatsionno-kommunikatsionnaya tipologiya [Social technologies: information and communication typology] // Intelligence. Innovations. Investment. 2012 No. 3. P. 80-83.
13. Kara-Murza S. G. Manipulyatsii soznaniem [Manipulations of consciousness]. M., 2000. 832 p.
14. Karayani A. G., Zinchenko Yu. P. Informatsionno-psihologicheskoe protivoborstvo v voyne: istoriya, metodologiya, praktika [Information and psychological confrontation in the war: history, methodology, practice: textbook]. M.: Moscow state University, 2007. 172 p.
15. Manoilo A.V. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobyykh usloviyakh [State information policy in special conditions]: monograph. Moscow: MEPhI, 2003. 388 p.
16. Manoylo A. V. Tsvetnyie revolyutsii i tehnologii demontazha politicheskikh rezhimov [Color revolutions and the technology of dismantling of political regimes] Moscow state University, 2014. 111 p.
17. Makarenko S. I. Informatsionnoe protivoborstvo i radioelektronnaya borba v setetsentricheskikh voynah nachala XXI veka [Information confrontation and electronic warfare in network-centric wars of the beginning of the XXI century]. Monograph. St. Petersburg: science-Intensive psychotechnologies, 2017. 546 p.
18. Psihologiya upravleniya [Psychology of management: textbook] / ed. Moscow: Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2011. 352 p.
19. Pocheptsov G. G. Informatsionnyie voynyi [The Information war.]. M.: Refel-book, K.: Weckler, 2000. 209 p.
20. Serdyuk N.V., Grishenko L.L., Stolyarenko A.M. Psychological and pedagogical aspects of the prevention of extremism in youth [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 167–178. doi:10.17759/psylaw.2018080312. (In Russ., abstr. in Engl.)
21. Shchekochikhin V. M., Korolev A.V., Koroleva V. V. Informatsionnaya vojna. Informatsionnoe protivoborstvo: teoriya i praktika: [Information war. Information confrontation: theory and practice: monograph]. Moscow: Academy of FSO of Russia, TSAGTS-2010. 999 p.

Права человека в условиях цифровизации общества

Чернышева Ю.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина» (E-mail: lavytrans@mail.ru)

Целью научной работы является комплексное теоретико-правовое исследование содержания и особенностей, проблем реализации прав человека в условиях цифровизации общества и разработка на этой основе научно-обоснованных рекомендаций, действенных механизмов, направленных на эффективную защиту прав и свобод человека в современной России.

Методологическую основу исследования представляют общенаучный диалектический метод и комплекс научных методов познания (формально-юридический, системно-структурный, формально-логический).

Результаты, к которым пришел автор, говорят о том, что на современном этапе развития нашего общества от государства требуется защита прав и интересов человека в условиях глобальной цифровизации. Законодатель должен определить формы оборота информации; установить права и обязанности участников «цифровых» правоотношений; пределы применения цифровых технологий и многое другое.

В заключение сформулирован вывод о том, что развитие информационных технологий сопровождается злоупотреблением ими в преступных целях, а также подчеркивается необходимость разработки правовых мер по противодействию правонарушениям и преступлениям в области цифровизации всех сфер жизнедеятельности нашего государства.

Ключевые слова: цифровизация общества, «цифровые права», квалифицированная электронная подпись, информационная безопасность, «электронное правительство», система идентификации и аутентификации, персональные данные, электронное правосудие, право цифровых денег, программное право, право цифровых споров.

Для цитаты:

Чернышева Ю.А. Права человека в условиях цифровизации общества. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019 (9). № 4. С. 90-102. doi: 10.17759/psylaw.2019090407

For citation:

Chernysheva Yu.A. Human rights in a digitalized society. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i

pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.90-102. doi: 10.17759/psylaw.2019090407

I. Введение

Проблема обеспечения и защиты прав человека сложна, комплексна и динамична. Права человека развиваются, обогащаются, их состав и содержание расширяются под воздействием различных факторов. Причем если некоторые факторы действуют эволюционно, то Интернет способствует гораздо более ощутимым изменениям права в целом и прав человека в частности [5, с. 117—149].

Российская Федерация является демократическим правовым государством, где за долгие годы реформ были созданы условия для формирования гражданского общества, признающего человека, его права и свободы высшей ценностью [2, с. 4—5].

Основные права человека, гарантированные Конституцией РФ и международно-правовыми актами, варьируются законодательством в зависимости от определенного исторического этапа развития страны. Законодатель при этом должен обеспечить оптимальный уровень конкретизации конституционных прав и свобод.

Цифровизация жизни граждан постепенно привела к появлению «цифровых прав», под которыми В. Зорькин предлагает понимать «...права граждан на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, коммуникационных сетей и сети Интернет, а также право свободно общаться и выражать свое мнение в Сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность его оцифрованной персональной информации» [1].

Эпоха информационных технологий диктует необходимость ревизии универсальных прав человека и их расширения. Сегодня одной из основных задач государства является признание и защита цифровых прав граждан от возможных нарушений с одновременным обеспечением конституционно-правовой безопасности личности, общества и государства на основе Конституции и с учетом необходимых международных документов.

При внедрении в жизнь современных цифровых технологий при широком декларировании Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина юридическая незащищенность индивидуума остается очевидной. Существующая на сегодняшний день ситуация требует разработки концепции по развитию системы российского законодательства в области защиты прав человека в сфере цифровых технологий.

Защите прав человека в цифровую эпоху посвятили свои труды Зорькин В., Коршунова О.Н., Ломакин А., Талапина Э.В. и др.

О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики пишет в своей работе Степанов О.А.

Вопросам применения информационных технологий посвящено достаточно большое количество трудов на международном уровне: Pachis J.A., Zonneveld K.L.M., Mertens A., Schäfer

K., Rasche P., Bröhl C., Theis S., Seinsch T., Brandl C., Wille M., Jovanović M., Dlačić J., Okanović M. и др.

Anderson C., Baskerville R.L., Kaul M. в своей работе акцентировали внимание на выработке политики информационной безопасности, защите прав человека.

2. Методология

В настоящей работе использован общенаучный диалектический метод, а также формально-юридический, системно-структурный, формально-логический методы познания.

Общенаучный диалектический метод дал возможность комплексно исследовать сущность прав человека в условиях развития цифровых технологий, проанализировать наиболее важные проблемы защиты прав, возникших на современном этапе развития общества, сформулировать предложения, которые могут способствовать созданию наиболее продуманной и эффективной системы защиты прав человека.

При анализе действующего законодательства РФ использовался формально-юридический метод.

С помощью системно-структурного метода описано и проанализировано правовое обеспечение реализации прав в условиях цифровизации социальной жизни общества.

Формально-логический метод помог обратиться к уже существующим формам мышления и логическим законам при выявлении пробелов в действующем законодательстве.

3. Результаты исследования

В широком смысле под цифровизацией можно понимать современный общемировой тренд развития общества и экономики, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни.

К цифровым правам человека относятся право на публикацию цифровых произведений, право на использование компьютеров и других электронных устройств. Подотраслями цифрового права являются авторское и программное право, право цифровых денег и цифровых споров, право доступа к различным данным и защиты при доступе и др. Данные права могут быть нарушены со стороны государства правоохранительными органами, а также Интернет-провайдером при навязывании цифровых услуг.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» одним из основных цифровых прав граждан считает конфиденциальность и анонимность персональной информации. Под защитой государства находятся цифровые права граждан и организаций, например, в области применения соответствующего законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации. Как физические, так и юридические лица могут осуществлять поиск и получать информацию в любых формах и из любых источников, но только при соблюдении требований закона. Также они могут получать от государственных органов информацию, затрагивающую их права и

обязанности, а государственные органы и органы местного самоуправления должны предоставить доступ к информации о своей деятельности.

Информацию необходимо предоставлять в форме электронного документа, который подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью, и (или) документа на бумажном носителе. Юридические и физические лица предоставляют государственным органам информацию в форме электронных документов, подписанных электронной подписью, если иное не установлено законом [3, с. 65—74].

Данное взаимодействие регламентируется Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [7]

С начала 2017 г. действуют поправки в гражданское, уголовное административное законодательство о том, что участники судебного производства могут направлять в суд документы и доказательства по делу в электронном виде, подписанные электронной подписью через сайт суда. Необходимо также создать аккаунт на Портале государственных услуг для того, чтобы можно было зайти в свою учетную запись в информационной системе для подачи документов в суд.

Согласно новым поправкам, в электронном виде могут быть представлены и судебные решения, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, за исключением особой категории дел.

Недавно вступил в силу законопроект, который предусматривает онлайн-трансляции судебных заседаний и устанавливает сроки размещения судебных актов в сети Интернет.

При внедрении данной системы будет обеспечена доступность правосудия для общества, но при этом не стоит забывать о безопасности в сохранности информации через защиту логина пользователя личным паролем на сайте Госуслуг и подписание документов личной электронной подписью. С каждым днем растет число личных кабинетов в сервисе «Электронное правосудие», а также увеличивается объем документов, поступающих в электронном виде в суды.

К отрицательным сторонам электронного документооборота необходимо отнести то, что часть текстов судебных актов не публикуются или появляются на судебных сайтах несвоевременно.

Необходимо сказать и об Электронном правительстве, т.е. пакете технологий и наборе сопутствующих мер, нормативно-правового обеспечения для осуществления цифрового обмена между органами государственной власти, гражданами, организациями и другими субъектами экономики.

Главными задачами программы российской модели электронного правительства являются повышение эффективности функционирования экономики, государственного и местного управления, создание условий для свободного доступа к информации и получения необходимых услуг.

Необходимо отметить, что сегодня в нашей стране работает единая информационная система идентификации и аутентификации (ЕСИА), которая обеспечивает доступ граждан-заявителей и должностных лиц к информации, содержащейся в государственных и иных

информационных системах. С ее помощью проходит авторизация на сайте Российской общественной инициативы и на Портале госуслуг.

Российская общественная инициатива (РОИ) – это Интернет-ресурс, при помощи которого граждане Российской Федерации, авторизованные через ЕСИА, вправе выдвигать различные гражданские инициативы или голосовать за них [3, с. 65—74].

Государство предпринимает меры по защите информации от неправомерного доступа, изменения, уничтожения, блокировки, копирования, предоставления или распространения, а также от других неправомерных действий. Закон предусматривает дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность.

К основным вопросам информационной безопасности государства относятся защита информации, сохранность информации, а также реализация гарантий конституционных прав и свобод гражданина, касающихся деятельности в информационной сфере.

Государство, в целях защиты информации, обеспечивает гражданам, кроме гарантированных Конституцией РФ прав и свобод, право на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и других сообщений, защиту чести и достоинства. Необходимо заботиться и о повышении безопасности информационных систем государственных органов, финансовой и банковской отраслей, а также о защите сведений, составляющих государственную тайну.

Если говорить о правоотношении физических, юридических лиц и государства, необходимо отметить, что Федеральный закон 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» гласит, что «...информационные ресурсы подлежат обязательному учету и защите как материальное имущество собственника» [8].

Законодательство рассматривает заключение гражданско-правовых договоров или оформление иных правоотношений, где происходит обмен электронными сообщениями, подписанными электронной подписью, как обмен документами.

С точки зрения права выделяется информация без ограниченного права доступа и информация с ограниченным доступом (коммерческая, государственная, банковская, профессиональная тайна и персональные данные), запрещенная к распространению информация, объекты интеллектуальной собственности и прочая информация.

Незаконное засекречивание, нарушение содержания предоставляемых сведений, неопубликование сведений, нарушение прав граждан на бесплатное получение информации, непредоставление сведений об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, искажение или несвоевременное предоставление сведений, сокрытие информации или сообщение о недостоверных сведениях и в других случаях предусматривает ответственность по закону.

Защита права лица на доступ к информации происходит путем направления жалобы на должностное лицо или государственный орган в Судебную палату по информационным спорам при Президенте РФ или путем представления искового заявления или жалобы для рассмотрения в гражданском, административном или уголовном судопроизводстве.

Необходимо отметить, что помимо информационной безопасности государства, существует и информационная безопасность предприятия. Каждое предприятие заинтересовано в защите корпоративных сведений, сохранении их конфиденциальности [3, с. 65—74].

Принципиально новые возможности использования цифровых технологий открываются и для оптимизации государственных функций на основе конституционных принципов верховенства права и народовластия.

В скором времени IT-технологии позволят с помощью программного кода обеспечить однозначность содержания законов и нормативных правовых актов. Сторонники подобных разработок пока преувеличивают возможности кодирования и недооценивают вариативность общественных отношений, подлежащих регулированию. В настоящее время возникла потребность создания благоприятных условий для безопасного функционирования информационных систем.

Повсеместная цифровизация создала необходимость развития эффективного механизма защиты частной жизни человека и гражданина, включая обработку персональных данных.

Активное внедрение средств обеспечения безопасности и достоверности операций требует дальнейшего совершенствования.

Применение современных информационных технологий требует от законодателя определения форм оборота информации, установления прав и обязанностей участников «цифровых» правоотношений, пределов применения цифровых технологий и многое другое.

4. Обсуждение

В последние годы практически все государства, а также межгосударственные объединения и организации уделяют значительное внимание проблемам цифровизации. Анализ их актов создает достаточно целостную картину, адекватно отражающую мировые процессы.

Известно, что в европейских странах право на защиту персональных данных «выводится» из права на защиту частной жизни [12, с. 135—153]. Право на частную жизнь — одна из азбучных истин континентального права [21, с. 19]. Например, французская доктрина различает две составляющие частной жизни — личная частная (персонально-интимная) жизнь и социальная частная жизнь. Именно в логику социальной частной жизни отлично вписываются социальные сети, в то время как с личной частной жизнью они скорее находятся в антагонистических отношениях. Европейский суд по правам человека подтвердил право любого индивида строить отношения с другими людьми, охватив впоследствии этим правом и электронную переписку. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 15 декабря 1997 г. № 97/66/ЕС [13, с. 1—8], касающаяся обработки персональных данных и защиты неприкосновенности частной жизни в области телекоммуникации, обязывает «...государства на уровне национального законодательства обеспечивать конфиденциальность коммуникаций, осуществляемых посредством общедоступной телекоммуникационной сети и общедоступных телекоммуникационных услуг» (п. 1 ст. 5). Все это — право на частную жизнь.

В определенной мере данная «связка» частной жизни и персональных данных используется и на более высоком уровне — в деятельности Организации Объединенных Наций. Так, 24.03.2015 г. Комитет по правам человека принимает решение об учреждении на трехлетний период должности Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни, в сферу компетенции которого входит и защита персональных данных. Этому предшествовал доклад Верховного комиссара ООН по правам человека о праве на неприкосновенность личной жизни в цифровой век (30 июня 2014 г.). В докладе подчеркивается, что государство как таковое обеспечивает охрану частной жизни, соблюдение прав человека. Но исходя из разделения ответственности с частным сектором, определенные обязательства несут и бизнес-структуры. В частности, на их уровне должна обеспечиваться защита персональных данных. Заметим, что различается защита персональных данных вообще и защита данных при автоматизированной обработке [5, с. 117—149].

Поскольку в правовом пространстве России действуют, как правило, правовые нормы общего характера, потребность в конкретизации их содержания в современных условиях обусловлена необходимостью учета технологических особенностей цифровизации. Вместе с тем на современном этапе теоретического осмысления данной проблемы, юридическая наука отстает от потребностей юридической практики. Так, в должной мере проблема конкретизации права применительно к сфере цифровизации сетей и технологий, связанная с противодействием терроризму, пока не изучена ни на теоретическом, ни на практическом уровне.

Переход на электронное управление технологическими процессами в производстве, по мнению российских и зарубежных экспертов, является предпосылкой террористических действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. По оценкам ФСБ России, подготовка всех террористических атак на территории России в 2017 г. координировалась через мессенджеры. Такие действия вполне объективно подпадают под ст. 205 УК РФ [6], в соответствии с которой «... совершение действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями», т.е. террористические деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей носят характер «иных действий», что является достаточным для правовой квалификации таких действий.

При рассмотрении конкретизации как фактора придания праву (в субъективном смысле) максимальной определенности в процессе правоприменительной деятельности следует обратить внимание и на систему взглядов на угрозы в сфере компьютерной информации [4, с. 4—23].

Исследование наиболее актуальных проблем, возникающих при применении современных информационных средств, позволило обосновать необходимость совершенствования норм российского законодательства. Учитывая важность соблюдения прав человека в современном мире, мы считаем, что опасность для общества и государства посягательств на права человека в области цифровизации диктует необходимость их

криминализации, а также разработки мер по предупреждению подобного рода преступлений и правонарушений.

5. Заключение

Общество сегодня живет в новой цифровой реальности, созданной информационными технологиями [1]. Цифровые технологии проникли во все сферы деятельности человека и уже сегодня идет речь о создании новой реальности, которая не будет иметь аналогов в прежнем мире. Цифровизация общества, его политической и экономической составляющих говорит о том, что назрела необходимость наполнения национальных правовых систем стандартами, которые приобретут иную степень совместимости в рамках формирования макросреды правового регулирования [4, с. 4—23].

Задачей государства является защита цифровых прав граждан от различных нарушений, но существующее сегодня законодательство не в полной мере отвечает современным реалиям. Поэтому законодательство, касающееся регулирования цифровых прав граждан, нуждается в модернизации и систематизации, приведении его понятийного аппарата в стройное, непротиворечивое состояние [1].

Важной проблемой взаимоотношения власти и гражданина в цифровом обществе является определение возможных ограничений цифровых прав федеральным законом, в том числе допустимых пределов контроля информационной среды со стороны правоохранительных служб с целью обеспечения эффективной защиты общества от киберпреступлений. Поэтому необходим поиск оптимального правового компромисса между возможностью доступа правоохранительных служб к компьютерной информации и правом граждан на ее конфиденциальность.

Методологическим ориентиром и отправной точкой здесь должны стать конституционные принципы и нормы. Независимо от того, насколько сегодня развита цифровая реальность, она должна подпадать под действие Конституции РФ как нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу в правовой системе России, в том числе по отношению к законоположениям, регулирующим рассматриваемую сферу новых отношений.

Все сказанное говорит о том, что сегодня необходим поиск оптимального правового компромисса между возможностью доступа спецслужб и правоохранительных органов к компьютерной информации и правом граждан на ее конфиденциальность [1].

Сегодня в любом государстве можно наблюдать нарушение прав человека и гражданина. Не соблюдается тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, нарушаются свобода слова и печати, права авторов и изобретателей и другие конституционные права и свободы.

Общий объем преступлений и правонарушений против конституционных прав и свобод человека, совершаемых в Российской Федерации в сфере цифровых технологий, из года в год возрастает.

Актуальность вопроса защиты прав человека в условиях развития информационного общества заключается, прежде всего, в отсутствии целостной концепции правовых мер противодействия посягательствам на права человека и недостаточного законодательного

регулирования и единообразного понимания правовых норм в доктрине и правоприменительной практике.

Литература

1. Зорькин В. Право в цифровом мире // Российская газета: Столичный выпуск. №7578 (115).
2. Коршунова О.Н. Защита прав человека в современном демократическом государстве: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2008. 170 с.
3. Ломакин А. Цифровизация права // Трудовое право. 2017. № 9. С. 65—74.
4. Степанов О.А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 4—23.
5. Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 5. С. 117—149.
6. Уголовный кодекс РФ от 13 июня № 63-ФЗ // Российская газета от 18 июня 1996 г. № 113, 114, 115, 118.
7. ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Российская газета от 8 апреля 2011 г. № 75.
8. ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Российская газета от 29 июля 2006 г. № 165.
9. Anderson C., Baskerville R.L., Kaul M. Information Security Control Theory: Achieving a Sustainable Reconciliation Between Sharing and Protecting the Privacy of Information // Journal of Management Information Systems. 2017. Vol. 34. Iss. 4. P. 1082—1112. doi:10.1080/07421222.2017.1394063.
10. Baskerville R. Information security: Going digital (invited lecture) // Communications in Computer and Information Science. 2019. Vol. 963. P. 3. 1447 th Annual Conference of the Southern African Computing Lecturers Association, SACLA 2018; Gordon's Bay; South Africa; 18 June 2018 до 20 June 2018. doi: 10.1007/978-3-030-05813-5_1.
11. Burukina O., Karpova S., Koro N. Ethical Problems of Introducing Artificial Intelligence into the Contemporary Society // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 876. P. 640-6461. doi: 10.1007/978-3-030-02053-8_98.
12. Bouhadana I. The right to the respect of privacy in digital age in the French law system // Эволюция государственных и правовых институтов в условиях развития информационного общества / Сборник научных работ. М.: ИГП РАН, юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ», 2012. С. 135—153.
13. Directive 97/66/EC of the European Parliament and of the Council of 15 December 1997 concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the

telecommunication sector // OJ. L 24. 30 January 1998. Vol. 41. P. 1—8.

14. *Dneprovskaya N.V., Bayaskalanova, T.A., Ruposov, V.L., Shevtsova, I.V.* Study of Digitization of Russian Higher Education as Basis for Smart Education // Proceedings of the 2018 International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies", IT and QM and IS 2018 5 November 2018, Номер статьи 8524945, Pages 607-611 2018 IEEE International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies", IT and QM and IS 2018; St. Petersburg; Russian Federation; 24 September 2018 до 28 September 2018; Номер категории CFP18J17-ART; Код 142117. doi: 10.1109/ITMQIS.2018.8524945.
15. *Frolova E.E., Polyakova, T.A., Dudin, M.N., Rusakova, E.P., Kucherenko, P.A.* Information security of Russia in the digital economy: The economic and legal aspects // Journal of Advanced Research in Law and Economics. Spring 2018. Vol. 9. Iss. 1. P. 89—95. doi: 10.14505/jarle.v9.1(31).12.
16. *Heaton J., Parlikad, A.K.* A conceptual framework for the alignment of infrastructure assets to citizen requirements within a Smart Cities framework // Cities Volume 90, July 2019. P. 32-41. doi 10.1016/j.cities.2019.01.041
17. *Isa W.M.W., Zin, N.A.M., Rosdi, F., Sarim, H.M.* Digital preservation of intangible cultural heritage // Indonesian Journal of Electrical Engineering and Computer Science Volume 12, Issue 3, December 2018. P. 1373—1379. doi: 10.11591/ijeecs.v12.i3.pp1373-1379.
18. *Jovanović M., Dlačić, J., Okanović, M.* Digitalization and society's sustainable development — Measures and implications.[Digitalizacija i održivi razvoj društva — Mjere i implikacije] // Zbornik Radova Ekonomskog Fakultet au Rijeci Volume 36, Issue 2, December 2018. P.905—928. doi: 10.18045/zbefri.2018.2.905.
19. *Mertens A., Schäfer, K., Rasche, P., Bröhl, C., Theis, S., Seinsch, T., Brandl, C., Wille, M.* Shaping Ethical, Legal and Social Implications of the Digital Revolution Through Participation: The New Interdisciplinary Research Paradigm of Aachener DenkfabrEthik // Advances in Intelligent Systems and Computing Volume 824, 2019, Pages 1493-1497 20th Congress of the International Ergonomics Association, IEA 2018; Florence; Italy; 26 August 2018 до 30 August 2018; Код 216789. doi: 10.1007/978-3-319-96071-5_152.
20. *Pachis J.A., Zonneveld K.L.M.* Comparison of prompting procedures to teach internet skills to older adults // Journal of Applied Behavior Analysis. Vol.52. Iss. 1, Winter 2019, Pages 173—187. doi: 10.1002/jaba.519
21. *Pailler L.* Les ryeaux sociaux sur Internet et le droit au respect de la vie privye. Bruxelles, 2012. P. 19.
22. *Sousa M.J., Rocha Á.* Digital learning: Developing skills for digital transformation of organizations // Future Generation Computer Systems. February 2019. Vol.91. P. 327—334. doi: 10.1016/j.future.2018.08.048.

Human Rights in a Digitalized Society

***Chernysheva Y.A.,** Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology Elets State University I.A. Bunina, Elets, Russia (lavytrans@mail.ru)*

The article focuses on a comprehensive theoretico-legal study of the content, features and problems of human rights realization in the context of digitalization of society as well as on following development of evidence based recommendations, practical mechanisms aimed at the viable defence of human rights and freedoms in modern Russia.

The methodological basis of the study is represented by the general scientific dialectic method and a set of scientific methods of understanding (technical, systemic structural, aristotelian method).

The results show that at the current stage of the development of society, the state is required to protect human rights and interests in the context of global digitalization. The legislator should determine the forms of information turnover; establish the rights and duties of participants in "digital" legal relations; the limits of digital technology application.

It is concluded that the development of information technology is accompanied by the abuse of such means for criminal purposes, and also emphasizes the development needs of legal measures to counter offenses and crimes in the field of digitalization of all areas of society.

Keywords: digitalization of society, digital rights, qualified electronic signature, information security, electronic government, identification and authentication system, personal data, e-justice, digital money law, software law, digital disputes law.

References

1. Zor'kin V. Pravo v tsifrovom mire [Right in a digital world] *Rossiiskaya gazeta - Stolichnyi vypusk*. [the Russian newspaper - Capital release], №7578 (115).
2. Korshunova O.N. Zashchita prav cheloveka v sovremennom demokraticheskom gosudarstve: Diss ... kand. jur. nauk. [Protection of human rights in a modern democratic state]. Moscow, 170 s.
3. Lomakin A. Tsifrovizatsiya prava [Digitalization of law]. *Trudovoe pravo*. [Labor law], № 9. 2017. S. 65-74.
4. Stepanov O.A. O probleme konkretizatsii prava v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestvennoi praktiki [On the problem of concretization of law in the conditions of digitalization of public practice]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. [Journal of Higher School of Economics], 2018.S. 4-23.
5. Talapina E.V. Zashchita personal'nykh dannykh v tsifrovuyu epokhu: rossiiskoe pravo v evropeiskom kontekste [Protection of personal data in the digital age: Russian law in the European context]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. [Proceedings of the Institute of state and law], 2018. № 5. P. 117-149.

6. Ugolovnyi kodeks RF ot 13 iyunya № 63-FZ [Criminal code of the Russian Federation of June 13 № 63-FZ]. *Rossiiskaya gazeta ot 18 iyunya 1996 g. № 113, 114, 115, 118. [Rossiyskaya Gazeta of June 18], № 113, 114, 115, 118.*
7. FZ ot 6 aprelya 2011 g. № 63-FZ «Ob elektronnoi podpisi» [FZ of April 6, 2011 № 63-FZ "On electronic signature"], *Rossiiskaya gazeta ot 8 aprelya 2011 g. № 75 [Rossiyskaya Gazeta of April 8], 2011 № 75.*
8. FZ ot 27 iyulya 2006 g. N 149-FZ «Ob informatsii, informatizatsii i zashchite informatsii» [FZ of July 27, 2006 N 149-FZ "On information, Informatization and protection of information"] *Rossiiskaya gazeta ot 29 iyulya 2006 g. N 165 [Rossiyskaya Gazeta of July 29], 2006 N 165.*
9. Anderson C., Baskerville R.L., Kaul M. Information Security Control Theory: Achieving a Sustainable Reconciliation Between Sharing and Protecting the Privacy of Information. *Journal of Management Information Systems. Vol. 34, Issue 4, 2 October 2017, P. 1082-1112. DOI: 10.1080/07421222.2017.1394063.*
10. Baskerville R. Information security: Going digital (invited lecture). *Communications in Computer and Information Science. Vol. 963, 2019, P. 3-1447th. Annual Conference of the Southern African Computing Lecturers Association, SACLA 2018; Gordon's Bay; South Africa; 18 June 2018 do 20 June 2018. DOI: 10.1007/978-3-030-05813-5_1.*
11. Burukina O., Karpova, S., Koro, N. Ethical Problems of Introducing Artificial Intelligence into the Contemporary Society. *Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 876, 2019, P. 640-6461. DOI: 10.1007/978-3-030-02053-8_98.*
12. Bouhadana I. *Ledroitairespectdelavieprivee a l'eredunumeriquedanslesystemefrancais. Evolyutsiya gosudarstvennykh i pravovykh institutov v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva.. Moscow, 2012. P. 135-153.*
13. Directive 97/66/EC of the European Parliament and of the Council of 15 December 1997 concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the telecommunication sector. *OJ. L 24.Vol. 41. 30 January 1998. P. 1-8.*
14. Dneprovskaya N.V., Bayaskalanova, T.A., Ruposov, V.L., Shevtsova, I.V. Study of Digitization of Russian Higher Education as Basis for Smart Education. *Proceedings of the 2018 International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies", IT and QM and IS 20185 November 2018, P. 607-6112018. IEEE International Conference ""Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies"", IT and QM and IS 2018; St. Petersburg; Russian Federation; 24 September 2018 do 28 September 2018. DOI: 10.1109/ITMQIS.2018.8524945.*
15. Frolova E.E., Polyakova, T.A., Dudin, M.N., Rusakova, E.P., Kucherenko, P.A. Information security of Russia in the digital economy: The economic and legal aspects. *Journal of Advanced Research in Law and Economics. Vol. 9, Issue 1, Spring 2018, P. 89-95. DOI: 10.14505/jarle.v9.1(31).12.*
16. Heaton, J., Parlikad, A.K. A conceptual framework for the alignment of infrastructure assets to citizen requirements within a Smart Cities framework. *Cities* Volume 90, July 2019, P. 32-41. DOI: 10.1016/j.cities.2019.01.041

17. Isa W.M.W., Zin, N.A.M., Rosdi, F., Sarim, H.M. Digital preservation of intangible cultural heritage. Indonesian Journal of Electrical Engineering and Computer Science. Vol. 12, Issue 3, December 2018, P. 1373-1379. DOI: 10.11591/ijeecs.v12.i3.pp1373-1379.
18. Jovanović M., Dlačić, J., Okanović, M. Digitalization and society's sustainable development — Measures and implications. Digitalizacija i održivi razvoj društva — Mjere i implikacije. Zbornik Radova Ekonomskog Fakultet au Rijeci. Vol. 36, Issue 2, December 2018, P. 905-928. DOI: 10.18045/zbefri.2018.2.905.
19. Mertens A., Schäfer, K., Rasche, P., Bröhl, C., Theis, S., Seinsch, T., Brandl, C., Wille, M. Shaping Ethical, Legal and Social Implications of the Digital Revolution Through Participation: The New Interdisciplinary Research Paradigm of Aachener Denkfabrik. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 824, 2019, P. 1493-1497 20th Congress of the International Ergonomics Association, IEA 2018; Florence; Italy; 26 August 2018 do 30 August 2018; Kod 216789. DOI: 10.1007/978-3-319-96071-5_152.
20. Pachis J.A., Zonneveld, K.L.M. Comparison of prompting procedures to teach internet skills to older adults. Journal of Applied Behavior Analysis. Vol. 52, Issue 1, Winter 2019, P. 173-187. DOI: 10.1002/jaba.519
21. Paillet L. Les réseaux sociaux sur Internet et le droit au respect de la vie privée. Bruxelles, 2012. R. 19.
22. Sousa M.J., Rocha, Á. Digital learning: Developing skills for digital transformation of organizations. Future Generation Computer Systems. Vol. 91, February 2019, P. 327-334. DOI: 10.1016/j.future.2018.08.048.

Нормативно-правовые и этические основания первичной профилактики наркомании в системе образования

Милёхин А.В., кандидат психологических наук, первый проректор ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия (milehinav@mgppu.ru)

Умняшова И.Б., кандидат психологических наук, председатель регионального отделения г. Москвы Общероссийской общественной организации «Федерация психологов образования России», Москва, Россия (tofpor@gmail.com)

Егоров И.А., начальник отдела по работе с персоналом ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия (egorovpravo@mail.ru)

Наркомания является психическим заболеванием и входит в перечень социально значимых заболеваний, приносящих значительный ущерб обществу. С точки зрения экспертного сообщества, юношеский возраст является одним из сензитивных периодов для начала развития данного заболевания. Профилактика наркомании в студенческой среде является одним из направлений деятельности вуза, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья обучающихся. Основная задача первичной профилактики наркомании в вузе — формирование и развитие у студентов ценности собственного здоровья и мотивации к ведению здорового образа жизни. В статье приводится анализ нормативных правовых документов Российской Федерации, регламентирующих организацию первичной профилактики наркомании в образовательной организации высшего образования. Подчеркивается необходимость комплексного подхода при организации профилактической деятельности в вузе, основанного на требованиях законодательства РФ в области профилактики наркомании в молодежной среде и с учетом этических принципов организации психолого-педагогического сопровождения в образовательной организации.

Ключевые слова: первичная профилактика, профилактика наркомании в студенческой среде, нормативные правовые основания профилактики наркомании в вузе, этические принципы профилактики наркомании.

Для цитаты:

Милёхин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А. Нормативно-правовые и этические основания первичной профилактики наркомании в системе образования. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 103-119.

doi: 10.17759/psylaw.2019090408

For citation:

Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A. Regulatory and ethical basis of primary prevention of drug addiction in the education system. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.103-119.
doi: 10.17759/psylaw.2019090408

Наркомания относится к типу заболеваний «психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ» и входит в перечень «социально значимых заболеваний», утвержденных Правительством РФ [7]. Социально значимые заболевания характеризуются «... высоким уровнем первичной инвалидности и смертности населения, а также снижением продолжительности жизни заболевших» [22, ст. 43]. Социально значимые заболевания обусловлены «... преимущественно социально-экономическими условиями, приносящими ущерб обществу и требующими социальной защиты человека» [13].

Наркомания, как и другие виды зависимого поведения, требует длительного лечения и процесса реабилитации в течение всей жизни после отказа от употребления наркотических и психотропных веществ, и поэтому профилактика данного заболевания является наиболее эффективной мерой, поддерживаемой государственной политикой РФ.

Официальной общедоступной статистики употребления психоактивных и наркотических веществ среди российской молодежи нет. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) ежегодно публикует статистические данные о заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психотропных веществ, выделяя при этом отдельно данные по детям и подросткам в возрасте 0—14 и 15—17 лет, без указания детализированной статистики употребления наркотиков и психотропных веществ другими возрастными категориями. По данным Росстата, только за 2017 год в Российской Федерации было зафиксировано 16,5 тыс. пациентов с диагнозом «наркомания и токсикомания», взятых под наблюдение впервые, а на профилактический учет в связи с употреблением наркотических и ненаркотических веществ было взято 48,3 тыс. и 3,3 тыс. человек соответственно [16, с. 215]. При этом экспертные оценки специалистов указывают на то, что число людей, употребляющих наркотические и психотропные вещества, составляет от 3 до 8 млн человек, при этом многие отмечают, что 60—75% из них — это молодые люди в возрасте 15—30 лет [например: 1; 3].

Во Всемирном докладе о наркотиках (ООН, 2016) отмечается развитие мирового рынка новых наркотических и психотропных веществ, которых только в 2008—2016 гг. было выявлено более 100 новых видов [19, с. 98]. Правительства различных государств чаще всего не успевают своевременно вносить все виды новых наркотических и психоактивных веществ в перечни, запрещающие их распространение и немедицинское употребление. При этом обращается внимание на появление новых форм распространения наркотических средств: за последние 10 лет значительно вырос объем предложений наркотиков через так называемую «темную сеть» — Интернет, в том числе анонимные онлайн-рынки [19, с. 15]. Несмотря на огромные усилия государственной власти (в том

числе в РФ) по сокращению предложения наркотиков и спроса на них, увеличению расходов на антинаркотическую политику, приоритетным остается проведение научно обоснованных программ профилактики для подростков и молодежи как наиболее эффективного метода предупреждения и предотвращения наркомании в молодежной среде [19, с. 33].

Профилактика незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ (наркомании, алкоголизма, токсикомании, табакокурения) является одной из задач, способствующих достижению целей устойчивого развития до 2030 г. (ООН, 2015), в частности цели № 3 — обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте [8, с. 17]. Создание положительного образа молодежи, ведущей здоровый образ, а также увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, являются приоритетными задачами российского общества и отражены в национальных проектах РФ «Образование» и «Демография» [4; 5].

Предупреждение наркотизации детей и молодежи — глобальная государственная задача, требующая комплексного подхода в области совершенствования правовых мер по борьбе с незаконным оборотом психоактивных и наркотических веществ (расширение сети центров медико-социально-психологической помощи для лиц, употребляющих наркотики без назначения врача, активная антинаркотическая профилактика и пропаганда). С точки зрения экспертов, одной из главных государственных задач, решение которой будет способствовать значительному снижению наркотизации в детской и молодежной среде, является «... решение комплексных социально-правовых задач, к которым относятся проблемы досуга несовершеннолетних и молодежи; формирование ценностных ориентаций, психологической устойчивости; формирование правовой культуры» [24, с. 2].

Актуальность проведения первичной профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании в системе образования РФ обусловлена положениями следующих нормативных правовых документов:

- Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» (ред. от 23.02.2018);
- Концепция государственной антинаркотической политики Российской Федерации (утверждена ФСКН России 16.10.2009);
- Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2019);
- Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 27.06.2018);
- Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 29.12.2017);
- Распоряжение Правительства РФ от 06.07.2018 № 1375-р «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства»;

- Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»;
- Приказ Минобразования РФ от 28.02.2000 № 619 «О Концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде»;
- Приказ Минобрнауки России от 16.06.2014 № 658 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в образовательных организациях высшего образования» (ред. от 14.02.2018);
- Приказ Минздрава России от 06.10.2014 № 581н «О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ»;
- Приказ Минздрава России от 14.07.2015 № 443н «О Порядке направления обучающегося в специализированную медицинскую организацию или ее структурное подразделение, оказывающее наркологическую помощь, в случае выявления незаконного потребления обучающимся наркотических средств и психотропных веществ в результате социально-психологического тестирования и (или) профилактического медицинского осмотра».

Охрана здоровья обучающихся — одно из приоритетных направлений деятельности любой образовательной организации в Российской Федерации. В статье 41 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» указано, что «в образовательной организации:

- должны быть организованы профилактика и запрещение курения, употребления алкогольных, слабоалкогольных напитков, пива, наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов и других одурманивающих веществ;
- должны проводиться санитарно-гигиенические, профилактические и оздоровительные мероприятия, обучение и воспитание в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [23].

В соответствии с планом основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства в РФ, в образовательных организациях должны быть реализованы «... мероприятия, направленные на формирование здорового образа жизни у детей и молодежи» [14, п. 32]. Среди ожидаемых результатов реализации данного плана — «... увеличение числа детей и молодежи, которые охвачены мероприятиями, направленными на формирование здорового образа жизни» и «... рост вовлеченности обучающихся в деятельность общественных организаций, ориентированных на формирование здорового образа жизни (включая волонтерские отряды)» [там же].

Профилактика незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании — одно из направлений деятельности образовательной организации, обеспечивающее сохранение и укрепление здоровья обучающихся. Формирование культуры здоровья является одним из направлений «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Данное направление предполагает решение определенных задач, таких как: формирование позитивного отношения к своему здоровью, потребности и мотивации в здоровом образе жизни; создание условий для регулярных занятий физической культурой и спортом, развивающего отдыха и оздоровления; развитие культуры безопасной жизнедеятельности [15, с. 8].

Профилактика незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании является также частью общей профилактической работы образовательной организации, направленной на предотвращение или минимизацию различных форм девиантного (отклоняющегося) поведения обучающихся. Незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ в ряде случаев связано с нарушением законодательства, действующего на территории РФ, оно может быть следствием правовой безграмотности или низкого уровня развития правовой культуры у студентов, что отражается в поведении, связанном с нарушением положений нормативных правовых документов. Также незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ может быть следствием и признаком наличия зависимого поведения, что является болезненным и трудноизлечимым состоянием.

Концепция государственной антинаркотической политики РФ, утвержденная Федеральной службой РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) в 2009 г., определяет цель профилактики как «... предупреждение возникновения и распространения наркомании и формирование в обществе негативного отношения к наркомании» [2]. Первичная профилактика является приоритетным направлением государственной политики. Стратегия государственной антинаркотической политики РФ до 2020 г. определяет целью профилактики немедицинского потребления наркотиков в РФ сокращение масштабов немедицинского потребления наркотиков, формирование негативного отношения к незаконному обороту и потреблению наркотиков и существенное снижение спроса на них [18]. Это предполагает:

- раннее выявление лиц, предрасположенных к употреблению наркотиков;
- формирование способности сохранять или укреплять здоровье, в том числе мотивации на ведение здорового образа жизни, гигиенически целесообразных навыков и привычек поведения;
- формирование у всех возрастных групп населения РФ негативного отношения к наркотикам;
- формирование личной ответственности за свое поведение, обуславливающее снижение спроса на наркотики [18].

В соответствии со Стратегией государственной антинаркотической политики РФ до 2020 г. Министерство образования и науки РФ разработало Концепцию профилактики употребления психоактивных веществ в образовательной среде, представляющей собой «... систему принципов, организационных подходов и мер, направленных на исключение

причин и условий, способствующих распространению и употреблению ПАВ в образовательной среде, с конечной целью максимального исключения ПАВ из жизни несовершеннолетних» [6, с. 3]. Задачами профилактики зависимости от психоактивных и наркотических веществ в образовательной среде являются:

- формирование единого профилактического пространства в образовательной среде;
- мониторинг состояния и эффективности профилактической деятельности;
- исключение влияния условий и факторов, способных провоцировать вовлечение обучающихся в незаконное употребление психотропных и наркотических веществ;
- развитие личностных, социально-средовых и этико-правовых ресурсов, обеспечивающих снижение риска употребления психоактивных веществ обучающимися [6, с. 5].

Принципы профилактической работы в образовательной среде: системность, стратегическая целостность, многоаспектность, ситуационная адекватность, динамичность, эффективное использование ресурсов участников профилактики и легитимность [6, с. 5—6].

Для эффективной профилактики зависимости от психотропных и наркотических веществ в образовательной организации должны использоваться различные виды технологий — социальные, педагогические и психологические. Применение социальных технологий должно способствовать обеспечению условий эффективной социальной адаптации обучающихся, они могут реализовываться в форме информационно-просветительского, социально-поддерживающего и организационно-досугового направлений. Использование педагогических технологий предполагает формирование у всех субъектов профилактического воздействия представлений о нормах поведения, способствующих снижению риска вовлеченности обучающихся в незаконное употребление психотропных и наркотических веществ, а также развитие личностных ресурсов обучающихся, обеспечивающих их эффективную социальную адаптацию. Психологические технологии профилактики применяются по отношению к тем обучающимися, которые испытывают трудности в социальной адаптации и, соответственно, находятся в зоне риска вовлеченности в различные формы девиантного поведения. Основным смыслом применения психологических технологий — формирование у обучающихся психологических и социальных навыков, необходимых для здорового образа жизни, а также создание благоприятного психологического климата в образовательной организации [6, с. 7—8].

Раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ является одной из эффективных форм профилактической работы и включает в себя социально-психологическое тестирование и ежегодные профилактические осмотры обучающихся (с 13 лет) [20, ст. 53.4]. Порядок проведения социально-психологического тестирования в образовательных организациях устанавливается Министерством образования и науки РФ [12; 20]. Порядок проведения профилактических медицинских осмотров устанавливается Министерством здравоохранения РФ [9; 20]. Оба вида диагностического обследования проводятся при наличии письменного согласия обучающегося (начиная с 15 лет) или одного из его родителей (законных представителей).

Организация, проводящая обследование, обязана обеспечить конфиденциальность полученных сведений. В случае выявления в результате обследования незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ и при наличии письменного информационного согласия обучающийся направляется в специализированную медицинскую организацию для оказания соответствующей помощи [9; 10; 12; 20].

Всемирной организацией здравоохранения принята классификация профилактического воздействия, в рамках которой профилактика подразделяется на первичную, вторичную и третичную. *Первичная профилактика* направлена на людей, ранее не имеющих опыта употребления наркотических и психотропных веществ, ее основная цель — формирование у субъектов профилактической деятельности способности сохранить или укрепить собственное здоровье. *Вторичная профилактика* зависимости ориентирована на лиц, имеющих эпизоды употребления наркотических и психотропных веществ, а также на лиц, имеющих признаки формирующейся зависимости в ее начальной стадии. *Третичная профилактика* является преимущественно медицинской, индивидуальной и ориентирована на контингенты больных, зависимых от психоактивных веществ. Третичная профилактика делится на 2 типа: 1) «А», направленная на предупреждение дальнейшего злоупотребления наркотическими веществами, оказание помощи больным в преодолении зависимости; 2) «Б», направленная на предупреждение рецидива заболевания у больных, прекративших употреблять психоактивные вещества (реабилитация на этапе выздоровления) [17, с. 9—10]. В Концепции комплексной активной профилактики и реабилитации, утвержденной Минобразования России в 2000 г., отмечается, что важнейшими составляющими вторичной и третичной профилактики в системе образования является «... обеспечение доступности комплексного обследования и оказание квалифицированной психологической, медицинской, педагогической и социальной помощи» [11, с. 13]. В связи с этим данные уровни профилактической работы более эффективно могут быть реализованы в специализированных учреждениях (центры психолого-медико-социального сопровождения, учреждения здравоохранения, реабилитационные центры и т. д.). В образовательной организации (в том числе высшего образования) возможны проведение социально-психологического тестирования и предоставление информации о способах получения квалифицированной психолого-медико-социальной помощи, но наиболее эффективной является организация *первичной профилактической деятельности*, направленной на:

- «формирование у обучающихся личностных ресурсов, обеспечивающих развитие социально-нормативного жизненного стиля с доминированием ценностей здорового образа жизни и установки на отказ от приема наркотических и психотропных веществ;
- формирование ресурсов семьи, помогающих развитию у молодежи законопослушного, успешного и ответственного поведения, а также ресурсов семьи, обеспечивающих поддержку молодому человеку, начавшему употреблять наркотики, сдерживающих его разрыв с семьей и помогающих ему на стадии социально-медицинской реабилитации при прекращении приема наркотиков;
- внедрение в образовательной среде инновационных педагогических и психологических технологий, обеспечивающих развитие ценностей здорового образа жизни и мотивов отказа от "пробы" и приема наркотиков, а также технологий раннего обнаружения случаев употребления наркотиков учащимися;

- развитие социально-поддерживающей инфраструктуры, включающей семью в микросоциальное окружение ребенка "группы риска наркотизации" и ребенка, заболевшего наркоманией» [11, с. 12].

К основным результатам первичной профилактики в вузе стоит отнести снижение спроса на наркотические и психотропные вещества в студенческой среде и формирование у обучающихся развитых антинаркотических установок, обеспечивающих сдерживание вовлечения молодежи в прием наркотиков [там же].

Профилактическая деятельность в вузе должна проводиться с учетом этических принципов организации психолого-педагогического сопровождения в образовательной организации. В отличие от системы здравоохранения РФ, в сфере образования нет единых этических принципов, регулирующих профессиональную деятельность педагогических работников в области организации и реализации профилактических программ в образовательной организации. Вместе с тем стоит отметить, что этические вопросы организации психолого-педагогического сопровождения отражены в ряде нормативных документов и документах профессиональных сообществ специалистов, осуществляющих психолого-педагогическое сопровождение в системе образования, таких как:

- Этический кодекс педагога-психолога Службы практической психологии образования (принят на Всероссийском съезде практических психологов образования 26—28 мая 2003 г);
- Этический кодекс психолога (принят 14 февраля 2012 г. V съездом Российского психологического общества);
- Письмо Минобрнауки России от 06.02.2014 № 09-148 «О направлении материалов» (вместе с «Рекомендациями по организации мероприятий, направленных на разработку, принятие и применение Кодекса профессиональной этики педагогическим сообществом»);
- Письмо Минпросвещения России и Общероссийского Профсоюза образования от 20 августа 2019 г. № ИП-941/06/484 «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников».

Основными этическими принципами, регулирующими деятельность специалистов в области организации профилактики наркомании в вузе, являются:

- **принцип компетентности**, заключающийся в обеспечении высокого уровня профессионализма специалиста при реализации профилактической деятельности и соблюдении границ профессиональной компетентности;
- **принцип ответственности**, недопустимости причинения вреда и обеспечения благополучия всех участников профилактических программ;
- **принцип конфиденциальности**, т. е. сохранение профессиональной тайны в отношении всех сведений, полученных в ходе профилактической деятельности (диагностической, консультативной, просветительско-развивающей и т. д.),

кроме случаев угрозы для жизни и здоровья обучающихся и/или других людей [21, ст. 3451];

- **принцип этической и юридической правомочности**, строгое соблюдение действующего на территории РФ законодательства и требований к проведению профилактической деятельности, определенных профессиональным сообществом [25; 26].

Профессиональная этика требует от специалиста, реализующего в организации высшего образования профилактические программы, специальной профессиональной подготовки и владения знаниями, умениями и навыками, обеспечивающими эффективность реализуемой деятельности. Такой специалист **должен знать** особенности возрастного развития в юношеском возрасте; научные основания и принципы организации первичной профилактики в сфере образования; нормативно-правовые основания проведения профилактических мероприятий в сфере образования в РФ; этические принципы реализации профилактических программ; методы и технологии, эффективные для реализации профилактической деятельности в вузе. Специалист, реализующий программы профилактики наркомании в вузе **должен уметь** проектировать сценарии профилактических мероприятий с учетом особенностей группы студентов — участников занятий; осуществлять отбор адекватных и эффективных методов и методик профилактического воздействия в зависимости от цели мероприятия и психологических особенностей обучающихся; реализовывать интерактивные формы просветительско-развивающих мероприятий; проводить оценку эффективности реализованного мероприятия; организовывать межведомственное и междисциплинарное взаимодействие специалистов по вопросам незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в студенческой среде; оказывать информационную и психолого-педагогическую поддержку всем субъектам профилактических программ.

Первичная профилактика наркомании в студенческой среде является одним из направлений, обеспечивающих охрану здоровья обучающихся организаций высшего образования. Основная задача профилактической деятельности — формирование и развитие у студентов установки ценностного отношения к собственному здоровью и мотивации к ведению здорового образа жизни. Профилактика наркомании в студенческой среде предполагает информированность обучающихся о правовых последствиях незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, развитие личной ответственности за свое поведение; развитие у студентов способности сохранять и укреплять собственное здоровье; раннее выявление лиц, предрасположенных к употреблению наркотиков и/или склонных к зависимому поведению. Организация профилактики наркомании в вузе предполагает наличие специалистов, компетентных в области организации профилактических программ в студенческой среде, способных организовать данный процесс с учетом психологических особенностей контингента обучающихся конкретной образовательной организации.

Литература

1. Антинаркотическая политика современной России: словарь-справочник. 2-е изд., перераб. и доп. / Авт.-сост. А.В. Малько, И.Н. Коновалов, Н.А. Фролов [и др.]. М.: Проспект, 2017. 351 с.

2. Концепция государственной антинаркотической политики Российской Федерации (утверждена ФСКН России 16.10.2009) [Электронный ресурс] // Правовой Сервер КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153923/ (дата обращения: 20.08.2019).
3. Красильникова Т.М., Голубева О.В., Миронов Р.Г. Профилактика наркомании в среде обучающейся молодежи как основа обеспечения социальной безопасности региона // Актуальные проблемы безопасности современной России: региональный аспект: сб. науч. статей / Отв.ред. Е.К. Миннибаев. Уфа, 2017. С. 122—129.
4. Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) [Электронный ресурс] // Сайт Правительства Москвы. URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 20.08.2019).
5. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) [Электронный ресурс] // Сайт Правительства Москвы. URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 20.08.2019).
6. Письмо Минобрнауки РФ от 05.09.2011 № МД-1197/06 «О Концепции профилактики употребления психоактивных веществ в образовательной среде» // Администратор образования. 2011. № 21, ноябрь.
7. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Российская газета. 07.12.2004. № 271.
8. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 25 сентября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 20.08.2019).
9. Приказ Минздрава России от 06.10.2014 № 581н «О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ» // Российская газета. 30.12.2014. № 298.
10. Приказ Минздрава России от 14.07.2015 № 443н «О Порядке направления обучающегося в специализированную медицинскую организацию или ее структурное подразделение, оказывающее наркологическую помощь, в случае выявления незаконного потребления обучающимся наркотических средств и

психотропных веществ в результате социально-психологического тестирования и (или) профилактического медицинского осмотра» // Российская газета. 17.08.2015. № 181.

11. Приказ Минобразования России от 28.02.2000 № 619 «О Концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде» [Электронный ресурс] // Правовой Сервер КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=339719#0985052400152064> (дата обращения: 20.08.2019).
12. Приказ Минобрнауки России от 16.06.2014 № 658 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в образовательных организациях высшего образования» (ред. от 14.02.2018) // Российская газета. 20.08.2014. № 187.
13. Приказ Росстата от 22.11.2010 № 409 «Об утверждении Практического инструктивно-методического пособия по статистике здравоохранения» [Электронный ресурс] // Правовой Сервер КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=495480#0830631902470305> (дата обращения: 20.08.2019).
14. Распоряжение Правительства РФ от 06.07.2018 № 1375-р «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства» // Собрание законодательства РФ. 16.07.2018. № 29, ст. 4475.
15. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. 08.06.2015. № 122.
16. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2018. 694 с.
17. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Эффективные программы профилактики зависимости от наркотиков и других форм зависимого поведения. М: ООО Центр полиграфических услуг «Радуга», 2004. 192 с.
18. Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» (ред. от 23.02.2018) // Российская газета. 15.06.2010. № 128.
19. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, Всемирный доклад о наркотиках, 2016 год (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.16.XI.7).
20. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 29.12.2017) // Российская газета. 15.01.1998. № 7.
21. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от

31.12.2017) // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006. N 31 (1 ч.).

22. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 23.11.2011. № 263.
23. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2019) // Российская газета. 31.12.2012. № 303.
24. Чирков Д.К. К вопросу о стратегических мерах государственной политики по предупреждению наркотизма несовершеннолетних и связанных с ним преступлений // Наркоконтроль. М.: Юрист. 2011. № 4. С. 26—30.
25. Этический кодекс педагога-психолога Службы практической психологии образования. [Электронный ресурс] // Детская психология для специалистов. URL: <http://practic.childpsy.ru/document/detail.php?ID=22885> (дата обращения: 20.08.2019).
26. Этический кодекс психолога [Электронный ресурс] // официальный сайт Российского психологического общества. URL: <http://рпо.рф/рпо/documentation/ethics.php> (дата обращения: 20.08.2019).

Regulatory and Ethical Basis of Primary Prevention of Drug Addiction in the Education System

Milekhin A.V., Candidate of Psychological Sciences, First Vice-Rector, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia (milehinav@mgppu.ru)

Umnyashova I.B., Candidate of Psychological Sciences, Chairman of the regional office of the public organization "Federation of educational psychologists of Russia" of Moscow, Moscow, Russia (mofpor@gmail.com)

Egorov I.A., Human Resources Department Head, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia (egorovpravo@mail.ru)

Drug addiction is a mental illness and is included in the list of socially significant diseases that cause significant damage to society. From the expert point of view, adolescence is one of the sensitive periods for the contraction of the disease development. Prevention of drug addiction in the student community is one of the activities of the university, ensuring the preservation and strengthening of the health of students. The main concern of primary prevention of drug addiction in the university is the construction and development of students' values of their own health and motivation to maintain a healthy lifestyle. The article provides an analysis of the regulatory legal documents of the Russian Federation governing the organization of primary prevention of drug addiction in the educational institution of higher education. The necessity of an integrated approach to the organization of preventive activities at the university is emphasized, based on the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of drug prevention in the youth environment and taking into account the ethical principles of the organization of psychological and pedagogical support in an educational organization.

Keywords: primary prevention, drug abuse prevention in the student community, regulatory legal framework for drug abuse prevention in a university, ethical principles of drug abuse prevention.

References

1. Antinarkoticheskaja politika sovremennoj Rossii : slovar'-spravochnik [Anti-drug policy of modern Russia]. In Mal'ko A.V. (eds). 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Publ. Prospekt, 2017. 351 p.
2. Konceptija gosudarstvennoj antinarkoticheskoy politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena FSKN Rossii 16.10.2009) [Elektronnyj resurs] [Concept of state anti-drug policy of the Russian Federation]. Pravovoj Server Konsul'tanPljus. [Legal Server Consulting Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153923/ (Accessed 20.08.2019).

3. Krasil'nikova T.M., Golubeva O.V., Mironov R.G. Profilaktika narkomanii v srede obuchajushhejsja molodezhi kak osnova obespechenija social'noj bezopasnosti regiona [Prevention of drug abuse among young students as a basis for ensuring the social security of the region]. Aktual'nye problemy bezopasnosti sovremennoj Rossii : regional'nyj aspekt : sbornik nauchnyh statej [Current security problems of modern Russia: regional aspect]. In E.K. Minnibaev (ed). Ufa, 2017. pp. 122- 129.
4. Pasport nacional'nogo proekta "Demografija" (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16) [Passport of the national project Demography] [Elektronnyj resurs]. Sajt Pravitel'stva Moskvy [Website of the Government of Moscow]. URL: <http://government.ru/info/35559/> (Accessed 20.08.2019).
5. Pasport nacional'nogo proekta "Obrazovanie" (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16) [Passport of the national project "Education"] [Elektronnyj resurs]. Sajt Pravitel'stva Moskvy [Website of the Government of Moscow]. URL: <http://government.ru/info/35559/> (Accessed 20.08.2019).
6. Pis'mo Minobrnauki RF ot 05.09.2011 № MD-1197/06 «O Konceptii profilaktiki upotreblenija psihoaktivnyh veshhestv v obrazovatel'noj srede» [Letter from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 05.09.2011 number MD-1197/06 "On the Concept of Preventing the Use of Psychoactive Substances in the Educational Environment"]. Administrator obrazovanija [Administrator of education], no. 21, nojabr', 2011.
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 1 dekabrja 2004 g. № 715 «Ob utverzhdenii perechnja social'no znachimyh zabolevanij i perechnja zabolevanij, predstavljajushhijh opasnost' dlja okruzhajushhijh» [Russian Federation Government Decree of 1 December 2004 number 715 "On Approval of the List of Socially Significant Diseases and the List of Diseases Posing Danger to Others"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 07.12.2004, no. 271.
8. Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnja v oblasti ustojchivogo razvitija na period do 2030 goda. Rezoljucija, prinjataja General'noj Assambleej Organizacii Ob'edennyh Nacij 25 sentjabrja 2015 goda [Transforming Our World: The Sustainable Development Agenda 2030. Resolution adopted by the General Assembly of the United Nations on 25 September 2015] [Elektronnyj resurs]. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (Accessed 20.08.2019).
9. Prikaz Minzdrava Rossii ot 06.10.2014 № 581n «O Porjadke provedenija profilakticheskih medicinskih osmotrov obuchajushhijsja v obshheobrazovatel'nyh organizacijah i professional'nyh obrazovatel'nyh organizacijah, a takzhe obrazovatel'nyh organizacijah vysshego obrazovanija v celjah rannego vyjavlenija nezakonno go potreblenija narkoticheskijh sredstv i psihotropnyh veshhestv» [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 06.10.2014 number 581n "On the Procedure for Conducting Preventive Medical Examinations of Students in General Education Organizations and Professional Educational Organizations, as well as Educational Organizations of Higher Education for the Purpose of Early Detection of Illegal

Consumption of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 30.12.2014, no. 298.

10. Prikaz Minzdrava Rossii ot 14.07.2015 № 443n «O Porjadke napravlenija obuchajushhegosja v specializirovannuju medicinskuju organizaciju ili ee strukturnoe podrazdelenie, okazyvajushhee narkologicheskiju pomoshh', v sluchae vyjavlenija nezakonnogo potreblenija obuchajushhimsja narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshhestv v rezul'tate social'no-psihologicheskogo testirovanija i (ili) profilakticheskogo medicinskogo osmotra» [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 14.07.2015 number 443n "On the procedure for sending a student to a specialized medical organization or its structural unit providing drug treatment, in case of detection of illegal consumption of narcotic drugs and psychotropic substances by a student as a result of social and psychological testing and (or) preventive medical examination"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 17.08.2015, no. 181.
11. Prikaz Minobrazovanija Rossii ot 28.02.2000 № 619 «O Konceptii profilaktiki zloupotreblenija psihoaktivnymi veshhestvami v obrazovatel'noj srede» [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 28.02.2000 number 619 "On the Concept of Prevention of Substance Abuse in the Educational Environment"]. [Elektronnyj resurs]. Pravovoj Server Konsul'tanPljus [Legal Server Consulting Plus]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=339719#0985052400152064> (Accessed 20.08.2019).
12. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 16.06.2014 № 658 «Ob utverzhdenii Porjadka provedenija social'no-psihologicheskogo testirovanija lic, obuchajushhihsja v obshheobrazovatel'nyh organizacijah i professional'nyh obrazovatel'nyh organizacijah, a takzhe v obrazovatel'nyh organizacijah vysshego obrazovanija» (red. ot 14.02.2018) [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 16.06.2014 number 658 "About the statement of the Order of conducting social and psychological testing of the persons studying in the general education organizations and the professional educational organizations and also in the educational organizations of the higher education"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 20.08.2014, no. 187.
13. Prikaz Rosstata ot 22.11.2010 № 409 «Ob utverzhdenii Prakticheskogo instruktivno-metodicheskogo posobija po statistike zdavoohranenija» [Order of Rosstat of 22.11.2010 number 409 "On Approval of Practical Instruction and Methodological Manual on Health Statistics"]. [Elektronnyj resurs]. Pravovoj Server Konsul'tanPljus [Legal Server Consulting Plus]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=495480#0830631902470305> (Accessed 20.08.2019).
14. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 06.07.2018 № 1375-r «Ob utverzhdenii plana osnovnyh meroprijatij do 2020 goda, provodimyh v ramkah Desjatiletija detstva» [Russian Federation Government Decree of 06.07.2018 number 1375-r "On Approval of the Plan of the Main Measures till 2020, held within the framework of the Decade of Childhood"]. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of the legislation of the Russian Federation]. 16.07.2018, no. 29, st. 4475.

15. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2015 № 996-r «Strategija razvitija vospitanija v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Russian Federation Government Decree of 29.05.2015 number 996-r "Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 08.06.2015, no. 122.
16. Rossijskij statisticheskiy ezhegodnik [Russian statistical yearbook]. Moscow, Publ: Rosstat, 2018, 694 p.
17. Sirota N.A., Jaltonskij V.M. Jeffektivnye programmy profilaktiki zavisimosti ot narkotikov i drugih form zavisimogo povedenija [Effective programmes for the prevention of drug dependence and other forms of addictive behaviour]. Moscow, Publ: OOO Centr poligraficheskikh uslug «Raduga», 2004, 192 p.
18. Ukaz Prezidenta RF ot 09.06.2010 № 690 «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoj antinarkoticheskoj politiki Rossijskoj Federacii do 2020 goda» (red. ot 23.02.2018) [Decree of the President of the Russian Federation of 09.06.2010 number 690 "On Approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation till 2020"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 15.06.2010, no. 128.
19. Upravlenie Organizacii Ob'edinennyh Nacij po narkotikam i prestupnosti, Vsemirnyj doklad o narkotikah, 2016 [United Nations Office on Drugs and Crime, World Drug Report 2016]. Publ: Organizacii Ob'edinennyh Nacij.
20. Federal'nyj zakon ot 08.01.1998 № 3-FZ «O narkoticheskikh sredstvah i psihotropnyh veshhestvah» (red. ot 29.12.2017) [Federal Law of 08.01.1998 number 3-FZ "About drugs and psychotropic substances"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 15.01.1998, no. 7.
21. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 number 152-FZ «O personal'nyh dannyh» (red. ot 31.12.2017) [Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "About personal data"]. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of the legislation of the Russian Federation], 31.07.2006, no. 31 (1 ch.).
22. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of 21.11.2011 number 323-ФЗ "On the Basis of Protection of Citizens 'Health in the Russian Federation"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 23.11.2011, no. 263.
23. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 №273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (red. ot 06.03.2019) [Federal Law of 29.12.2012 number 273-FZ "On Education in the Russian Federation"]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. 31.12.2012, no. 303.
24. Chirkov D.K. K voprosu o strategicheskikh merah gosudarstvennoj politiki po preduprezhdeniju narkotizma nesovershennoletnih i svjazannyh s nim prestuplenij [Strategic measures of the State policy to prevent the drug use of minors and related crimes]. Narkokontrol' [Control of drugs]. Moscow: Publ. Jurist, 2011, no. 4, pp. 26-30.
25. Eticheskij kodeks pedagoga-psihologa Sluzhby prakticheskoj psihologii obrazovanija [Ethical Code of teacher-psychologist of the Service of practical psychology of education]. [Elektronnyj resurs]. Detskaja psihologija dlja specialistov [Child psychology

for specialists]. URL: <http://practic.childpsy.ru/document/detail.php?ID=22885> (Accessed 20.08.2019).

26. Eticheskij kodeks psihologa [Ethical Code of Psychologist] [Elektronnyj resurs]: oficial'nyj sajt Rossijskogo psihologicheskogo obshhestva [Official website of the Russian Psychological Society]. URL: <http://rpo.rf/rpo/documentation/ethics.php> (Accessed 20.08.2019).

Взаимное согласие и добрая воля мужчины и женщины как условия заключения и основания расторжения брака: правовые аспекты соотношения когнитивной и волевой функции сознания супругов

Замрий О.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО ТвГУ, Тверь, Россия (Zamriy.NO@tversu.ru)

Ильина О.Ю., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО ТвГУ, Тверь, Россия (Ilina.OY@tversu.ru)

Туманова Л.В., доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО ТвГУ, Тверь, Россия (Tumanova.LV@tversu.ru)

В статье предложен анализ предусмотренных законодательством условий и препятствий к заключению брака, оснований расторжения брака и признания его недействительным в контексте проявления когнитивной и волевой функции сознания супругов. Предложено апеллировать к сложившейся в науке семейного права теории брака как договора, что, в свою очередь, обусловило потребность исследования супружеских правоотношений с участием лиц, страдающих психическими расстройствами, по аналогии со сделками, имеющими порочность субъектного состава, воли и (или) волеизъявления сторон. Новым направлением является комплексное исследование взаимного добровольного согласия и достижения брачного возраста как легальных условий заключения брака, наличие которых свидетельствует о понимании каждым из лиц, вступающих в брак, цели заключения брака и значения своих действий, а также способности самостоятельно совершать данный юридический акт. Сформулирован ряд выводов о специфике формирования воли и согласия при заключении и расторжении брака лицами, страдающими психическими расстройствами, но полностью дееспособными либо признанными судом недееспособными или ограниченно дееспособными.

Ключевые слова: заключение брака; расторжение брака; недействительность брака; взаимное согласие; добрая воля; психическое расстройство; недееспособность.

Для цитаты:

Замрий О.Н., Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Взаимное согласие и добрая воля мужчины и женщины как условия заключения и основания расторжения брака: правовые аспекты соотношения когнитивной и волевой функции сознания супругов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 120-133. doi: 10.17759/psylaw.2019090409

For citation:

Zamriy O.N., Iljina O.Yu., Tumanova L.V. Mutual consent and goodwill of a man and a woman as conditions for marriage and grounds for divorce: legal aspects of the relationship between the cognitive and volitional functions of spouses' consciousness. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019(9), no. 4. pp.120-133. doi: 10.17759/psylaw.2019090409

Постановка проблемы

Несмотря на различные социально-экономические преобразования в современной России, семья по-прежнему остается основной ячейкой общества, в пределах которой человек реализует свои интересы, обеспечивает личностные и материальные потребности. Незыблемы утверждения о том, что «... для человека семья — главный и основной компонент среды, в котором он живет первую четверть своей жизни и который он пытается построить всю оставшуюся жизнь» [20, с. 10—11].

Одним из оснований возникновения семейных правоотношений выступает заключение брака, государственная регистрация которого производится при соблюдении предусмотренной законом процедуры. По мнению В.Н. Дружинина, «... специфической особенностью семьи выступает ее «несвобода» — в смысле навязывания человеку определенных правил жизни. Однако эта несвобода имеет свои преимущества, поскольку она обеспечивает членам семьи возможность оптимально удовлетворять свои естественные и культурные потребности» [2]. Очевидно, именно поэтому многие современники отказываются от соблюдения нормативного формата и предпочитают фактические брачные отношения [7].

Традиционно брак воспринимается как союз мужчины и женщины, заключенный по взаимному их согласию, при этом каждый из будущих супругов руководствуется своими эмоциями, чувствами по отношению к своему избраннику, желает создать с ним семью. Заметим, что указанное намерение обусловлено не только психоэмоциональным состоянием лиц, которые вступают в брак, но и спецификой правового регулирования данной сферы социальных отношений. Заключение брака именно с целью создания семьи презюмируется, в противном случае суд может посчитать брак недействительным.

Представители общественных наук предлагают различные определения понятия брака, но психологические аспекты союза мужчины и женщины как нормативной модели брака в имеющихся определениях не отражены; в юриспруденции же каждое из

Замрий О.Н., Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Взаимное согласие и добрая воля мужчины и женщины как условия заключения и основания расторжения брака: правовые аспекты соотношения когнитивной и волевой функции сознания супругов. *Психология и право psyandlaw.ru* 2019. Том 9. №4. С. 44-54.

Zamriy O.N., Ilijina O.Yu., Tumanova L.V. Mutual consent and goodwill of a man and a woman as conditions for marriage and grounds for divorce: legal aspects of the relationship between the cognitive and volitional functions of spouses' consciousness. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2019. Vol. 9. no.4. pp. 44-54.

.....
существующих определений включает признаки, характеризующие социальные и юридические аспекты брака.

Как свидетельствуют социологические, психологические и иные исследования, брак как элемент семейных отношений в последнее время изменил свое содержание и формы [12]. В связи с этим представляется важным выяснить, каким образом воля и намерения лиц, вступающих в брак и расторгающих его, соотносятся как категории психологии и права. Добрая воля и взаимное согласие лиц не всегда совпадают, со стороны одного из супругов возможно не только манипулирование волей другого, но и злоупотребление им своим интересом и правом.

Семейные отношения, в том числе отношения между супругами, предполагают взаимное согласие, т. е. совпадение воли, волеизъявления и последующих деяний (действий или бездействия) субъектов этих отношений. Примечательно то, что среди базовых основ семейного законодательства в ст.1 Семейного кодекса Российской Федерации [13] (далее — СК РФ) назван принцип, предполагающий согласие супругов при разрешении возникающих в семье вопросов.

Учитывая, что именно супружество в большинстве случаев выступает основой семейного союза, считаем обоснованным исследовать на примере личных правоотношений между супругами проблему воздействия одним из них на волю другого посредством обмана, введения в заблуждение, а также создания перспективы неблагоприятных последствий. При этом в качестве объекта исследования предлагаем использовать нормы действующего гражданского и семейного законодательства.

Теоретическое исследование

В СК РФ отсутствует определение понятия брака, в юридической литературе оно обычно представляет собой компиляцию условий и препятствий для заключения брака, требований, который предъявляются к процедуре регистрации брака, оснований недействительности брака.

В п. 1 ст. 12 СК РФ указаны два условия заключения брака: а) согласие мужчины и женщины, являющееся взаимным и добровольным; б) достижение возраста.

Заметим, что законодатель придает правовой формат не только обоюдному согласию мужчины и женщины, намеревающихся заключить брак, но и добровольному характеру согласия. Взаимность предполагает согласие каждого из них, добровольность же означает отсутствие какого-либо воздействия, в том числе психического насилия, на процесс формирования воли мужчины и женщины, а также процесс волеизъявления.

Апеллируя к ст. 47 и ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), полагаем возможным воспринимать заключение брака как сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей супругов. Соответственно, правила, определяющие недействительность сделки с пороком воли, в полной мере могут быть применены к отношениям по заключению брака. Заметим, что концепция брака как договора поддерживается многими представителями науки семейного права [14].

Итак, согласие должно быть взаимным. Мужчина и женщина выражают свое согласие, как минимум, при подаче заявления о заключении брака и непосредственно при регистрации. Заметим, что при подаче заявления, как посредством личного обращения в орган загса или подачи заявления в многофункциональный центр или же через портал госуслуг (ст. 26 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [15]) каждый из брачующихся выражает свое согласие, но оно фактически не имеет значения.

Регистрация союза обязательно проводится в присутствии мужчины и женщины, претендующих на статус супругов. Именно в процессе оказания государственной услуги выясняется взаимный и добровольный характер согласия.

На наш взгляд, с точки зрения обеспечения требования закона о взаимности волеизъявления проблем не возникает, чего нельзя сказать о процессе формирования воли и выражения волеизъявления каждым из лиц, вступающих в брак. Представляется, что данная сфера не исключает обмана либо заблуждения, угрозы или насилия в отношении одного из будущих супругов со стороны его избранника или других лиц. Безусловно, в подобных ситуациях имеет место психическое воздействие, манипулирование волей другого лица, что позволяет сделать акцент на психологических особенностях взаимоотношений будущих супругов.

Исследование мотивов вступления в брак и так называемых дисфункциональных семей позволило Э.Г. Эйдемиллеру выявить мотивы заключения брака: «... мотив “бегство от родителей” часто означал пассивный протест против власти родителей, ... такой брак скорее является попыткой компенсировать собственную пустоту, нежели способом обогатить жизнь. Заключение брака по мотивам “долженствование” очень часто означает, что партнерша забеременела или же что половая близость сопровождалась переживанием вины» [20].

Представляется, что обоюдное добровольное согласие будущих супругов является фактором, определяющим достоверность брачного возраста как условия регистрации брака при наличии оснований для его заключения с несовершеннолетним. Кроме того, добровольный характер процесса формирования воли и внешнего ее выражения при создании семьи приобретает особое содержание при наличии у гражданина психического расстройства. Как известно, наличие психического расстройства не является препятствием для вступления в брак, в том числе при ограничении судом дееспособности лица по данному основанию.

Правильная оценка обстоятельств заключения брака, свидетельствующих о нарушении процесса формирования воли лица перед вступлением в брак, либо несовпадения его воли и волеизъявления при регистрации в загсе заключения брака, имеет практическое значение при судебном рассмотрении дела о порочности брака. В подобной ситуации действительность брака может быть поставлена под сомнение не только как заключенного при отсутствии обоюдного согласия супругов, но и как брака, зарегистрированного в условиях обмана или заблуждения, реального насилия или возможности его применения. Не исключен и вариант фиктивности брака со стороны одного или обоих супругов, если намерение создать семью отсутствует [11].

Данная ситуация заслуживает самостоятельного исследования в рамках теории гармонизации интереса в семейном праве. Если один из супругов исходил из иной цели при заключении брака, нежели создание семьи, то налицо противоречие частных интересов мужчины и женщины. Если же оба супруга намеренно заключили брак при отсутствии указанной цели, есть все основания квалифицировать их действия как противоречащие публичному интересу в заключении брака.

Одним из обстоятельств, исключающих вступление в брак, законодатель обозначает недееспособность хотя бы одного из будущих супругов, который признан недееспособным вследствие того, что имеет психическое расстройство. Заметим, что еще более ста лет назад А.И. Загоровский отмечал среди потенциально недействительных браков браки, «заключенные с насилием или в сумасшествии одного из супругов» [3].

Как правило, психическое расстройство одного из супругов исключает понимание им юридического значения брака, однако не исключает отношений, аналогичных брачным, обусловленных потребностями лица в такой организации жизни в семье.

Учитывая, что гражданское законодательство допускает перспективу ограничения в дееспособности лица, которое имеет расстройство психики, осветим и возможность заключения брака таким лицом.

Итак, в соответствии с п. 2 ст. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ) возможно ограничение судом дееспособности того гражданина, который имеет расстройство психики, в связи с чем только лишь при помощи других лиц может понимать значение совершаемых действий или же руководить ими.

По мнению представителей Отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, «... исходя из смысла п. 2 ст. 30 ГК РФ, на данном этапе ограничение дееспособности лиц с психическими расстройствами касается только имущественного права. <...> Таким образом... “ограничение дееспособности” следует рассматривать как функциональную меру, направленную... на защиту имущественных интересов гражданина и лиц его ближайшего окружения, а необходимость прибегать к “помощи других лиц” следует понимать не только как качественную характеристику дееспособности, но и как запрет суда совершать крупные сделки без письменного согласия или одобрения попечителя» [18].

На наш взгляд, витиеватость условия, сформулированного законодателем, ставит под сомнения достоверность адекватности процесса формирования воли указанного гражданина на заключение брака. Процесс понимания сути происходящего является порочным в той ситуации, когда «лишь при помощи других лиц» гражданин, который имеет расстройство психики, принимает решение о заключении брака. В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в ст. 14 СК РФ, установить запрет для регистрации брака лицом, дееспособность которого судом ограничена в связи с наличием расстройства психики.

Не исключен вариант, что недееспособным гражданин был признан уже в период брака. В соответствии с п. 2 ст. 19 СК РФ, если есть такое обстоятельство, то по заявлению

.....
другого супруга брак их может быть расторгнут загсом, даже если у них есть общие несовершеннолетние дети.

В такой ситуации обоюдное согласие на развод отсутствует, опекун супруга выражает исключительно свое намерение на расторжение брака, согласие же недееспособного супруга предполагается в рамках представительства его интересов опекуном.

Наличие расстройства психики совершенно не обязательно имеет формальные последствия в виде решения суда, которым граждан ограничен в дееспособности или вовсе лишен ее, что вовсе не исключает возможности вступления такого лица в брак при отсутствии у его супруга информации о соответствующих обстоятельствах. Как известно, СК РФ предусматривает в качестве одного из оснований порочности брака факт сокрытия одним из супругов наличия венерического заболевания или ВИЧ-инфекции (п. 3 ст. 15 СК РФ). В то время как расстройство психики, которым страдает один из супругов, также может оказать влияние на содержание впоследствии супружеской жизни и если бы другой супруг знал о наличии такого расстройства, то мог бы и не вступать в брак. Таким образом, при утаивании одним из будущих супругов информации о том, что он психически болен, ставит под сомнение другое условие для заключения брака — обоюдное согласие лиц, претендующих на статус супругов, выраженное добровольно.

В зависимости от ситуации поведение лица, имеющего расстройство психики, по отношению к предполагаемому супругу можно расценить как ложь или введение в заблуждение, но в любом случае он скрывает соответствующий факт. Именно поэтому обоюдное согласие, которое должно быть добровольным, отсутствует, поэтому брак потенциально порочен как созданный под воздействием обмана или заблуждения.

Некоторые представители юридической науки предлагают установить «обязательное добрачное медицинское освидетельствование и осведомление брачующихся о здоровье друг друга» [19]. Полагаем, что в этой ситуации вполне приемлем опыт Республики Беларусь, где в ст. 12 Кодекса о браке и семье отмечена обязанность сотрудника регистрирующего брак органа удостовериться в том, что жених и невеста знают о состоянии здоровья друг друга [10].

Данное предложение в полной мере соотносится с положениями закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [6], согласно п. 1 ст. 4 которого психиатрическая помощь может быть оказана исключительно по факту добровольного обращения гражданина, должно быть предоставлено информированное добровольное согласие гражданина на соответствующее вмешательство, кроме случаев, обозначенных законом. Как справедливо отмечают некоторые авторы, «... при наличии психических нарушений граждане могут не обращаться за психиатрической помощью. Тогда достаточными основаниями для принятия заявления являются сведения о необычном, неадекватном ситуации поведении гражданина, нарушении его социального функционирования» [17].

Вторым условием, необходимым для заключения брака, законодатель обозначает достижение возраста. Как известно, возраст для брака одинаков в РФ для мужчин и женщин и составляет 18 лет. Поскольку в ст. 13 СК РФ предусмотрена возможность вступления в брак лиц, не достигших указанного возраста, полагаем необходимым соотнести механизм

.....
заключения брака в таких условиях с процедурой формирования обоюдного согласия заключающихся, выраженного ими при доброй воле.

Обращает на себя внимание то, что законодатель наделяет лиц, не достигших возраста для вступления в брак, правом самостоятельно выразить свое намерение вступить в брак, поскольку компетентный орган дает разрешение о снижении возраста по заявлению несовершеннолетних (п. 2 ст. 13 СК РФ).

Отметим, что согласие законных представителей лиц, желающих вступить в брак, в данном случае не требуется в отличие, например, от совершения ряда гражданско-правовых сделок (ст. 26 ГК РФ). Можно ли предположить, что воля и волеизъявление несовершеннолетнего лица совпадают, воля на заключение брака сформировалась осознанно, в том числе и относительно правовых последствий заключения брака? Да, но в равной степени можно предположить и противоположные по сути обстоятельства. Решение несовершеннолетнего, который старше шестнадцати лет, вступить в брак, может быть обусловлено психологическим воздействием будущего супруга, стремлением «вырваться» из-под опеки родителей и другими мотивами.

Гораздо больше вопросов, в том числе и правового характера, возникает при применении другой нормы, установленной в ст. 13 СК РФ, и соответствующих законов субъектов РФ.

Если применительно к категории несовершеннолетних, достигших возраста 16 лет и вступающих в брак, мы акцентировали внимание на добровольности именно их согласия на заключение брака, и то в большей степени с точки зрения правильного понимания своего поведения и его правовых последствий, то при заключении брака с лицом, который младше 16 лет, более актуальным видится обсуждение вопроса о добровольном согласии другой стороны.

В законах всех субъектов РФ, которые посчитали необходимым урегулировать соответствующие отношения, среди оснований снижения возраста, в том числе и до 14 лет, предусматриваются беременность несовершеннолетней невесты и рождение ребенка. В свою очередь, это вызывает необходимость апеллирования к ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей наказание за половую связь с лицом младше 16 лет. Таким образом, для совершеннолетнего лица, вступившего в половую связь с девушкой, не достигшей указанного возраста, заключение брака с последней будет альтернативой привлечения к уголовной ответственности, если, конечно же, несовершеннолетняя изъявила желание вступить в брак.

На наш взгляд, вышеизложенное свидетельствует о наличии проблемы формирования и выражения обоюдного согласия, сопряженного с доброй волей, при заключении брака с лицом, не достигшим возраста, указанного в законе. Очевидно, совпадение момента совершеннолетия и брачного возраста не случайно, предполагается, что гражданин в полной мере и осознает, и понимает значение своих действий и может ими руководить самостоятельно, при отсутствии воздействия со стороны третьих лиц.

Полагаем необходимым в контексте наших рассуждений отметить и то, что законы субъектов РФ зачастую не связывают основания для понижения возрастной границы ниже

16 лет непосредственно с несовершеннолетним лицом. Например, в ст. 2 закона Новгородской области среди оснований указывается призыв на военную службу [5]. Понятно, что в данном случае из будущих супругов несовершеннолетней является только невеста, которой еще нет 16 лет. Вполне закономерен вопрос, в чьих интересах заключается брак в данной ситуации? И насколько осознанным и добровольным является согласие несовершеннолетней невесты (подчеркнем — не достигшей возраста даже 16 лет!) на заключение этого брака? Согласимся с Е.В. Каймаковой в том, что «... вряд ли ребенок в таком возрасте может отнестись к такому событию серьезно, подойти обдуманно и взвешенно» [9].

Определенные сомнения возникают и при обращении к ст. 2 соответствующего закона Мурманской области. В частности, создание семьи с несовершеннолетним старше пятнадцати лет возможно, если беременная девушка находится в неблагоприятных материальных условиях и, выйдя замуж, улучшит эти условия [4].

Представляется, что в данном случае вообще обоснован вопрос о действительности данного брака, поскольку при наличии обозначенных намерений отсутствует цель создания семьи при заключении брака, т. е. брак по сути фиктивен (п. 1 ст. 27 СК РФ). Причем можно предположить, что в равной степени намерение создать семью отсутствует не только у несовершеннолетней супруги, но и у обоих супругов. Волеизъявление на заключение брака присутствует, но содержание воли составляют совершенно иные намерения, как минимум, у несовершеннолетней супруги. Примечательно, что региональный законодатель формально фиксирует фиктивность намерений лица, вступающего в брак.

Принцип доброй воли брачного союза предполагает возможность расторжения брака в любое время по совместному желанию мужа и жены, на основании заявления кого-либо одного из них, по инициативе опекуна супруга, которого суд признал недееспособным (п. 2 ст. 16 СК РФ). Ранее мы уже высказывали мнение о том, что при расторжении брака по инициативе опекуна супруга, в отношении которого есть решение суда о недееспособности, зачастую другой супруг инициирует расторжение брака как бы с самим собой, выступая одновременно опекуном своего супруга.

Необходимо отметить, что законодатель допускает возможность расторжения брака как при отсутствии согласия одного из супругов, т. е. при наличии возражений, так и вовсе без обращения к другому супругу за согласием на прекращение брака.

В частности, супруги могут развестись в загсе по инициативе одного из них, даже если в браке есть дети, но другой супруг за совершение преступления отбывает наказание в виде лишения свободы более трех лет. В соответствии с п. 4 ст. 34 ФЗ «Об актах гражданского состояния» орган загса, который принял заявление о разводе, лишь извещает об этом супруга, отбывающего наказание. Таким образом, его согласие на расторжение брака вовсе не испрашивается. Очевидно, устанавливая такое правило, законодатель исходил из необходимости обеспечения приоритета интересов другого супруга и, при наличии несовершеннолетнего ребенка, интересов последнего. Заметим, если брак пожелает расторгнуть супруг, отбывающий наказание, то будут применяться общие правила.

Однако и в том случае, когда супруги разводятся в суде по инициативе одного из них, и при отсутствии обоюдного согласия на прекращение брака, воля одного из супругов

«поглощается» принципом добровольности брачного союза. В случаях и порядке, которые ограничены законом, супругам может быть назначен примирительный срок, и все же расторжение брака производится, даже если один супругов продолжает возражать против развода (п. 2 ст. 22 СК РФ).

Невозможно оставить за пределами внимания ст. 17 СК РФ, которая зачастую используется женой как инструмент для оказания психического насилия в отношении мужа. Речь идет о том, что при возражении беременной жены на развод, а также в период года после рождения ребенка муж лишен права инициировать дело о расторжении брака. Можно сколько угодно рассуждать об особом психоэмоциональном состоянии, состоянии физического и психического здоровья беременной женщины или матери новорожденного ребенка, о необходимости получения ею поддержки супруга-отца ребенка и т. д. Однако с такой же степенью уверенности следует констатировать невозможность принудительного сохранения брака и совместного проживания супругов, совместного участия в воспитании и содержании ребенка до достижения им возраста одного года.

Истинные интерес и воля супругов (одного из них) в процессе расторжения брака могут иметь фиктивный характер. Причины формального решения могут быть различные, начиная от возможности улучшения жилищных условий и завершая освобождением от обязанности по подаче декларации о доходах супруга. В науке семейного права фиктивность как признак супружеских отношений исследуется достаточно давно, при этом в поле зрения ученых обычно попадает фиктивный брак. Однако формирующаяся судебная практика о признании фиктивным развода требует теоретического осмысления данного социально-правового явления, в том числе исходя из перспективы правового регулирования данных отношений. В частности, И.В. Филимонова предлагает нормативно закрепить следующее определение понятия фиктивного развода: «Фиктивное расторжение брака признается недействительным в случае развода супругов без намерения расторгнуть брак при фактическом сохранении семейных отношений» [16]. При этом автор полагает, что фиктивность должна присутствовать в намерениях обоих супругов, иначе последующая недействительность фиктивного развода будет противоречить воле другого супруга, направленной на расторжение брака.

Следует отметить, что фиктивные состояния, демонстрирующие искаженные волю и намерения обоих супругов или одного из них, имеют достаточно широкое распространение в супружеских правоотношениях, в том числе и при совершении сделок по управлению и распоряжению тем имуществом, на которое могут претендовать оба супруга. Соответствующие вопросы заслуживают самостоятельного исследования, в том числе с учетом применения общих правил цивилистики о недействительности сделок, порочных по волевому признаку, и специальных правил семейного законодательства, определяющих ориентиры отношений между супругами.

Выводы

Проведенное нами исследование позволило выявить и обозначить проблему взаимозависимости и взаимообусловленности когнитивного и волевого элементов сознания лиц, намеревающихся заключить брак, или же супругов, брак которых расторгается вследствие взаимного согласия или воли одного из них. Способность лица понимать характер совершаемых им действий и руководить ими при вступлении в брак

.....
определяется форматом условий и препятствий к заключению брака, оснований расторжения брака и признания брака недействительным, предусмотренных Семейным кодексом Российской Федерации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Дружинин В.Н.* Психология семьи. М: Питер, 1996. С. 176
3. *Загоровский А.И.* Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 58.
4. Закон Мурманской области от 18 ноября 1996 года № 42-01-ЗМО «Об условиях и порядке вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Закон Новгородской области от 2 февраля 2009 года № 465-0 «О порядке и условиях вступления в брак на территории Новгородской области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 19.07.2018) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // СПС «КонсультантПлюс».
7. *Ильина О.Ю.* Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 3. С. 13—24.
8. Информационное письмо. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2017. С. 9—10.
9. *Каймакова Е.В.* Вступление в брак несовершеннолетнего как основание приобретения им полной гражданской дееспособности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2016. № 3(20). С. 61.
10. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 года (в ред. на 23.10.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Комментарий к судебной практике по семейным спорам. 2-е изд, испр. / Отв.ред. Ю.Ф.Беспалов. М.: Юрайт, 2011. С. 57—60.
12. *Маленова А.Ю., Анисеева О.А.* Представления о потенциальном брачном партнере у одиноких людей с разными социально-демографическими характеристиками // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2017. № 1. С. 32.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

14. *Тарусина Н.Н.* Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект. 2010. С. 58—64.
15. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
16. *Филимонова И.В.* Фиктивный брак и фиктивный развод как виды фиктивных семейно-правовых состояний // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1(9). С. 123.
17. *Харитонова Н.К., Королева Е.В., Русаковская О.А., Васянина В.И., Христофорова М.А.* Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданских делах о признании гражданина недееспособным и ограничении дееспособности в связи с психическим расстройством: метод. рекомендации (практическое пособие для судей). М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России. 2018. С. 6—7.
18. *Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С., Королева Е.В., Русаковская О.А., Васянина В.И.* Правовые и судебно-психиатрические вопросы при лишении и ограничении дееспособности лиц с психическими расстройствами в свете ФЗ № 302-ФЗ от 30.12.12.
19. *Шепель Т.В., Ткаченко Т.В.* Участие граждан, признанных недееспособными вследствие психического расстройства, в брачных правоотношениях // Власть закона. 2016. № 4(28). С. 62.
20. *Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия: учеб. пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь. 2005. С. 352.

Mutual Consent and Goodwill of a Man and a Woman as Conditions for Marriage and Grounds for Divorce: Legal Aspects of the Relationship Between the Cognitive and Volitional Functions of Spouses' Consciousness

Zamriy O.N., PhD in Law, Docent, Department of Civil Procedure and Law Enforcement, Tver State University, Tver, Russia (Zamriy.NO@tversu.ru)

Ilyina O.Y., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law, Tver State University, Tver, Russia (Ilina.OY@tversu.ru)

Tumanova L.V., Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Tver State University, Tver, Russia (Tumanova.LV@tversu.ru)

The article offers an analysis of the conditions and obstacles to marriage established by law, the grounds for divorce and invalidity in the context of the manifestation of the cognitive and volitional function of the spouses' consciousness. It is proposed to appeal to the theory of marriage as a treaty prevailing in the science of family law, which, in turn, necessitated the study of marital relations with the participation of people with mental disorders, by analogy with transactions with viciousness of the subject composition, will and (or) will of the parties. A new category is a comprehensive study of mutual voluntary consent and attainment of marriageable age as legal conditions for marriage, the presence of which indicates that each of the married persons understands the purpose of marriage and the significance of their actions, as well as the ability to independently perform this legal act. A number of conclusions are formulated on the specifics of the construction of will and consent during the conclusion and dissolution of a marriage by persons suffering from mental disorders, but fully capable or recognized by the court as incompetent or partially capable.

Keywords: marriage, divorce, invalidity of marriage; mutual agreement; goodwill; mental disorder; incapacity.

References

1. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Civil code of the Russian Federation No. 51-FZ of 30 November 1994 (latest version)] // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Druzhinin V.N. Psikhologiya sem'i [The psychology of family] // M: Peter Godsdays. 1996. p. 176.
3. Zagorovskii A.I. Kurs semeinogo prava [Course of family law]. Odessa. 1909. p. 58.
4. Zakon Murmanskoi oblasti ot 18 noyabrya 1996 goda № 42-01-ZMO «Ob usloviyakh i poryadke vstupleniya v brak lits, ne dostigshikh vozrasta shestnadtsati let» [Law of the Murmansk region of November 18, 1996 № 42-01-zmo «On the conditions and procedure for marriage of persons under the age of sixteen years»] // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Zakon Novgorodskoi oblasti ot 2 fevralya 2009 goda № 465-0 «O poryadke i usloviyakh vstupleniya v brak na territorii Novgorodskoi oblasti lits, ne dostigshikh vozrasta shestnadtsati let» [Law of the Novgorod region of February 2, 2009 № 465-0 «On the procedure and conditions of marriage in the Novgorod region of persons under the age of sixteen years»] // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. 6. Zakon RF ot 02.07.1992 № 3185-1 (red. ot 19.07.2018) «O psikiatricheskoi pomoshchi i garantiyakh prav grazhdan pri ee okazanii» [Law of the Russian Federation from 02.07.1992 № 3185-1 (ed.from 19.07.2018) «On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision»] // SPS «Konsul'tantPlyus ».
7. Il'ina O.Yu. Sistema koordinat v semeinykh pravootnosheniyakh: interes kak predposylka smeshcheniya parametrov [The coordinate system in family relationships: interest as a prerequisite displacement parameters] / Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo» [Vestnik of Tver state University. Series «Law»]. 2018. №3. pp. 13-24.
8. Informatsionnoe pis'mo [Information letter]. M.: FGBU «NMITs PN im.V.P.Serbsskogo» Minzdrava Rossii, 2017. pp. 9-10
9. Kaimakova E.V. Vstuplenie v brak nesovershennoletnego kak osnovanie priobreteniya im polnoi grazhdanskoi deesposobnosti [Marriage of a minor as a basis for the acquisition of full civil capacity] / / Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i pravo. 2016. № 3(20). p.61.
10. Kodeks Respubliki Belarus' o brake i sem'e ot 9 iyulya 1999 goda (v red. na 23.10.2017) [Code of the Republic of Belarus on marriage and family of 9 July 1999 (as of 23.10.2017)] // SPS «Konsul'tantPlyus».
11. Kommentarii k sudebnoi praktike po semeinyim sporam [Review of judicial practice on family disputes] / ed.ed. by F. Bespalov. 2nd ed., ISPR. Moscow: 2011, pp. 57-60.

12. Malenova A.Yu., Anikeeva O.A. Predstavleniya o potentsial'nom brachnom partnere u odinokikh lyudei s raznymi sotsial'no-demograficheskimi kharakteristikami [Ideas about a potential marriage partner among single people with different socio-demographic characteristics] // *Bulletin of Omsk University. Series «Psychology»*. 2017. № 1. p. 32.
13. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 03.08.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2019) [The family code of the Russian Federation of 29.12.1995 № 223-FZ (as amended on 03.08.2018) (Rev. and DOP., entry. in force 01.01.2019)] // *SPS «Konsul'tantPlyus»*.
14. Tarusina N.N. Brak po rossiiskomu semeinomu pravu [Marriage under Russian family law]. M.: Prospect. 2010, pp. 58-64.
15. Federal'nyi zakon «Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya» ot 15.11.1997 № 143-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal law «On acts of civil status» of 15.11.1997 № 143-FZ (latest version)] // *SPS «Konsul'tantPlyus»*.
16. Filimonova I.V. Fiktivnyi brak i fiktivnyi razvod kak vidy fiktivnykh semeino-pravovykh sostoyanii [The Bogus marriage and bogus divorce as the types of fictitious family law States // *Altai legal Gazette*]. 2015. № 1 (9). p. 123.
17. Kharitonova N.K., Koroleva E.V., Rusakovskaya O.A., Vasyanina V.I., Khristoforova M.A. Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza v grazhdanskikh delakh o priznanii grazhdanina nedeesposobnym i ogranichenii deesposobnosti v svyazi s psikhicheskim rasstroistvom.: Metodicheskie rekomendatsii (prakticheskoe posobie dlya sudei) [Forensic psychiatric examination in civil cases about recognition of the citizen incapacitated and restriction of legal capacity in connection with mental disorder: Guidelines (practical guide for judges)]. - M.: Federal state institution «SMRC PN them.V. P. Serbsky» Of Rmphsd. 2018. pp. 6-7.
18. Kharitonova N.K., Safuanov F.S., Koroleva E.V., Rusakovskaya O.A., Vasyanina V.I. Pravovye i sudebno-psikhiatricheskie voprosy pri lishenii i ogranichenii deesposobnosti lits s psikhicheskimi rasstroistvami v svete FZ № 302-FZ ot 30.12.12 [Legal and forensic psychiatric issues in deprivation and limitation of legal capacity of persons with mental disorders in the light of Federal law No. 302-FZ of 30.12.12]
19. Shepel' T.V., Tkachenko T.V. Uchastie grazhdan, priznannykh nedeesposobnymi vsledstvie psikhicheskogo rasstroistva, v brachnykh pravootnosheniyakh [Participation of citizens recognized as incapable due to mental disorder in marriage relations] // *Power of law*. 2016 .№ 4 (28). p. 62.
20. Eidemiller E.G., Dobryakov I.V., Nikol'skaya I.M. Semeinyi diafnoz i semeinaya psikhoterapiya. Uchebnoe posobie dlya vrachei i psikhologov [Family diagnosis and Family psychotherapy. Textbook for doctors and psychologists] SPb.: Speech. 2005, p. 352.

Аналитический обзор исследований по проблеме агрессивного общественно опасного поведения молодежи

Гребнева Н.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, БУ ВО «Сургутский государственный университет», Сургут, Россия (natalia_grebneva1302@mail.ru)

Слободенюк М.А., преподаватель-исследователь, ассистент кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, БУ ВО «Сургутский государственный университет», Сургут, Россия (150592@mail.ru)

Вариясова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Института гуманитарного образования и спорта, БУ ВО «Сургутский государственный университет», Сургут, Россия (justina2302@mail.ru)

В статье рассматриваются проблемы изучения агрессивного общественно опасного поведения молодежи. Приведен обзор теоретических представлений об агрессии, описаны взгляды некоторых представителей биологического, биосоциального и социального научных направлений на причины агрессивного общественно опасного поведения. Представлена история становления и современное состояние исследований агрессивного общественно опасного поведения молодежи. Рассматриваются проблемы изучения данного вопроса, связанные с большим разнообразием причин, форм и видов агрессивного поведения. Обозреваются новые, малоизученные формы агрессивного поведения, возникшие совсем недавно в молодежной среде. Определены основные направления в изучении агрессивного общественно опасного поведения молодежи, включающие в себя биологические, социальные, юридические и психологические аспекты. Установлено, что главная задача таких междисциплинарных исследований заключается в определении комплекса детерминант и факторов, тормозящих агрессию в молодежной среде, с целью разработки эффективных мер профилактического воздействия.

Ключевые слова: агрессия, общественно опасное поведение, молодежь, причины агрессивного поведения, профилактика.

Для цитаты:

Гребнева Н.Н., Слободенюк М.А., Вариясова Е.В. Аналитический обзор исследований по проблеме агрессивного общественно опасного поведения молодежи. [Электронный

ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 134-148.
doi: 10.17759/psylaw.2019090410

For citation:

Grebneva N.N., Slobodenuk M.A., Variyasova E.V. Analytical review of studies on the problem of aggressive socially dangerous behavior of youth. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.134-148.
doi: 10.17759/psylaw.2019090410

Введение

Изучению проблемы возникновения, развития и профилактики агрессии посвятили свои работы ученые практически всего мира, но вопрос до настоящего времени остается открытым. Агрессия — это проблема или тренд? Агрессивный маркетинг, агрессивная реклама, агрессивная молодежь, агрессивное поведение — что со знаком плюс, а что со знаком минус? В наши дни ответ на данный вопрос не так очевиден. Сегодня во всем мире отмечается всплеск агрессивного общественно опасного поведения молодежи, участились случаи массовых насильственных преступлений в школах и колледжах, которые поражают своей жестокостью. Причины такого поведения разнообразны и связаны со многими сферами жизнедеятельности человека, поэтому среди ученых возникли некоторые разногласия относительно генезиса агрессивного общественно опасного поведения молодежи, в связи с чем эта проблема является актуальной не только для социально-гуманитарных наук, например, психологии, социологии, криминологии, но и для ряда естественно-технических наук, таких как биофизика, биохимия, генетика и др., изучающих данное явление с позиций разных научных направлений.

Целью настоящего исследования явилось обобщение теоретических взглядов на агрессивное общественно опасное поведение молодежи на основе трудов отечественных и зарубежных авторов.

Понятие и классификация агрессии

Среди ученых наиболее распространенным является понимание агрессии (от лат. *aggredere* — нападать) как индивидуального или группового поведения, направленного на причинение психического, физического или материального вреда себе, другим людям или обществу. Это определение подходит для широкого круга различных явлений — от словесных оскорблений до мировых войн [9, с. 9]. Однако, с точки зрения криминологии, более предметно было бы дополнить понимание агрессии признаками умышленного и противоправного общественно опасного воздействия; таким образом, мы отграничиваем криминальную агрессию от других ее видов агрессии, например, спортивной и защитной [7, с. 69—72]. Со стороны общественно опасных последствий агрессия может быть общественно нейтральной (защита лица, вынужденного отражать нападение) или даже общественно полезной (применение силы при реализации мер уголовно-процессуального, административного, уголовно-исполнительного принуждения).

Принято выделять следующие формы агрессии: физическая и вербальная, активная и пассивная, прямая и косвенная. При этом сочетание различных форм агрессии образует

восемь видов агрессивного поведения: вербальная, физическая, косвенная, аутоагрессия, подозрительность, обида, негативизм и раздражение [20]. Отметим, что указанное деление достаточно условно. Зарубежными исследователями, например, Р. Лобером, отмечается, что агрессия среди детей со временем становится все более жестокой, так как обычные подростковые драки в более старшем возрасте часто трансформируются в групповые формы молодежного насилия [34]. Данные выводы подтверждают и ряд других исследований, которые показали, что агрессивность у двух третей детей с взрослением становится постоянной моделью поведения [37].

Отметим, что в условиях глобализации появились новые формы агрессии, которые ранее были не свойственны молодежи, такие как моббинг и буллинг. Моббинг проявляется в виде психологического давления и травли коллективом одного из его членов, что выражается в насмешках, оскорблениях и демонстративном игнорировании, в связи с чем у жертвы моббинга появляются заболевания на нервной почве и чувство социальной неполноценности [13, с. 124]. Отдельного внимания заслуживает существование в общеобразовательных учреждениях такого явления, как буллинг — агрессивное поведение лиц в возрасте от 7 до 17 лет, направленное на физическое и психическое насилие над сверстниками с целью получения ощущения превосходства и демонстрации силы [35]. По данным Всемирной организации здравоохранения в 2017 г. в России произошло значительное увеличение случаев унижения и нападения школьников на своих одноклассников: 44% российских детей в возрасте 11 лет и 27 % 15-летних подростков стали объектами издевательств [19]. Такие групповые нападения сопровождаются физическим насилием и неоправданной жестокостью, что нередко приводит к летальному исходу.

Зарубежные ученые (Д. Генри, Н. Гуэра, Р. Хьюсман, П. Толан, Л. Эрон) считают, что насилие среди подростков является актом включения индивида в социальную среду и рассматривается в контексте характеристик групп и групповых норм, так как именно поведение окружающих, реакция сверстников на проявление жестокости, совместный выбор жертвы и планирование издевательств являются ключевыми элементами насилия среди школьников [32]. Исследования мотивов такого поведения дают противоречивые результаты. Так, проведенное в Монреале (Канада) исследование показало, что половину нападений молодые люди совершают ради удовольствия и развлечения участников своей группы [33]. В то же время Р. Агнев указывает на то, что мотивация поиска «острых ощущений» присуща не всей молодежи, а в основном лицам, не достигшим возраста 20 лет [31].

Таким образом, причины и мотивы агрессивного поведения в полной мере остаются не исследованы, несмотря на обилие попыток раскрыть природу агрессивного общественно опасного поведения.

Биологическое направление изучения агрессивного общественно опасного поведения

Первым, с исторической точки зрения, зародилось биологическое направление исследования причин агрессивного поведения человека. Еще древнегреческие философы задавались вопросом о наличии некоторой связи между преступным поведением человека и его наследственностью. Однако более-менее стройное научное объяснение данного явления появилось только в XIX веке.

Австрийский исследователь, врач Ф. Галль явился основателем френологии — учения о том, что определенные психические способности локализуются в отдельных частях головного мозга. Он считал, что данные способности может обнаружить врач путем ощупывания черепа и нахождения в результате этого в человеческом мозге участка, который заставляет человека совершать противоправные действия [11].

Идеи Галля трансформировались в работах Ч. Ломброзо, который в своей книге «Преступный человек» выдвинул предположение о врожденной обусловленности преступного насилия у людей с признаками-атавизмами: низкий лоб, сросшиеся брови, асимметричное лицо и череп, выступающие вперед челюсти, очень длинные руки. Ученый делает такие выводы, основываясь на сравнении антропометрических параметров преступников и законопослушных людей [15]. Теория Ломброзо первоначально имела большой успех, но позже была подвергнута бурной критике, так как в ней не учитывались этические моменты стигматизации и полностью игнорировалось влияние социальных факторов.

В России теория врожденности преступного насилия не была воспринята большинством ученых, живой интерес к ней проявили немногие. Например, Д.А. Дриль в 1884 г. писал, что агрессивное и преступное поведение наследуется, родители передают анатомические и психофизиологические особенности своим детям. Пороки психофизической организации, возникающие в условиях бедности и духовной нищеты или под влиянием развращающего безделья и роскоши, наследственно переходят из поколения в поколение и создают многочисленные разновидности вырождения расы, которыми и пополняется население тюрем и заведений для душевнобольных. Дриль также отмечал влияние других факторов «вырождения потомства», таких как разврат, нищета и преступления [5].

С.В. Познышев считал, что теория прирожденного преступника не может быть признана состоятельной, так как не могут быть прирожденными психологические переживания, результатом которых становится преступление. При этом он не отрицает, что среди преступников существует много лиц «... с более или менее ясной печатью вырождения, неуравновешенности, недоразвития и духовного оскудения», но все эти черты являются обычными признаками вырождения, а не чертами преступности [21, с. 26].

Биосоциальное направление изучения агрессивного общественно опасного поведения

Впервые на взаимосвязь между психофизиологическими особенностями человека и его склонностью к выбору преступных форм поведения указал Ж. Пинатель, который считал, что в условиях криминогенной ситуации может проявить себя некая склонность человека к общественно опасному поведению (опасное состояние человека); т. е. будучи спровоцированным социальными условиями, человек может совершить преступление [36].

Немецкий психиатр и психолог Э. Кречмер в конце двадцатых годов XX века изучал зависимость характера и психических заболеваний от строения и конституции человека. Кречмер утверждал, что атлетическое сложение человека больше всего указывает на склонность к совершению тяжкого насилия по отношению к другим людям [14].

В 1949 г./вышла в свет книга американского психолога У. Шелдона «Виды преступной молодежи: введение в конституционную психиатрию», где автор на основе визуального антропологического метода разделил всех людей на три группы и обосновал, что наиболее склонен к преступному поведению соматонический тип, который характеризуется энергичностью, холодностью в общении, склонностью к авантюрам и скрытностью [22].

Данный вопрос с точки зрения психофизиологии также исследовал З. Фрейд. Он утверждал, что агрессивное поведение инстинктивно по своей природе, при этом одновременно действуют два инстинкта: один направлен на созидание (эрос), а другой на разрушение (танатос). Если действие инстинкта к разрушению не будет воплощено на окружающих, то это приведет к саморазрушению, поэтому в большинстве случаев агрессия направлена на других людей [27]. Похожие взгляды высказывал К. Лоренц, согласно которому агрессия берет начало, прежде всего, из врожденного инстинкта борьбы за выживание [16].

Другую точку зрения высказывали К. Роджерс [23] и А. Маслоу [17], указавшие на то, что агрессия — не инстинкт, но подобна инстинкту, поэтому она является вынужденной реакцией человека на ограничение его свободы.

В отличие от вышеназванных авторов, Э. Фромм указывал на некорректность сравнения человека с животными, так как на человека, кроме инстинктов, действует еще множество социальных факторов. Биологически обусловленная агрессия направлена на самосохранение организма и не ведет к уничтожению противника, в то время как социальные условия (пороки образа жизни) вызывают в человеке желание разрушать, господствовать над другими людьми [28].

В России обширно научные труды, соединившие в себе биологические и социальные подходы к объяснению природы антиобщественных поступков и путей их предупреждения, стали появляться в России только в конце XX века. Яркими представителями этого направления были такие отечественные ученые, как И.И. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, которые считали, что некорректными являются попытки некоторых криминологов построить концепцию, согласно которой причины преступности в целом являются социальными. В то же время они указывали на то, что недопустим перекокс и в сторону биологического направления в объяснении причин преступности, так как биологические мутации, хоть и могут изменить характеристику организмов, но они не могут, даже в массе, повлиять на природу и причины социальных явлений [6].

Социальное направление изучения агрессивного общественно опасного поведения

Одним из самых ярких представителей социального направления был французский ученый Г. де Тард, который считал, что преступниками становятся в силу развития дурных пороков, чувств и страданий, возникающих при попадании лица в «дурное» общество, поэтому необходимо оберегать подрастающее поколение от неблагоприятной социальной среды [25, с. 44]. В этих целях Э. Дюркгейм предлагал регламентировать социальные процессы, так как невозможно полностью избавиться от преступности, ее можно только ограничить. Причина преступности, по мнению Э. Дюркгейма, заключается в социальной дезорганизации (аномии), возникающей в условиях рассогласования индивидуальных ценностей и общественных норм [8].

Идея принятия личностью одних ценностей и отрицания других также развивалась Э. Сатерлендом, который предложил теорию дифференциальных связей. Сатерленд утверждал, что молодежь обучается общественно опасному поведению через криминальные образцы поведения. Дифференциальные связи детерминируют поведение ребенка через восприятие им криминальных образцов поведения [26].

Аналогично этому А. Бандура предположил, что агрессия представляет собой усвоенное человеческое поведение через образец, поэтому существенное значение здесь уделяется обучению и влиянию первичных посредников социализации — родителей на обучение детей агрессивному поведению. Вместе с тем существенное значение имеет результативная агрессия, т. е. достижение успеха и превосходства при демонстрации агрессивного поведения [1]. В некоторой степени агрессия здесь трактуется как эволюционный инструмент выживания. Эти положения стали основой для изучения влияния изображения агрессии в средствах массовой информации на агрессивное поведение молодежи.

Одним из наиболее актуальных и эффективных путей исследования проявления агрессии в целом является исследование вербальной агрессии. В век «повышенных скоростей», индивидуалистических ориентаций и принципов поиска самоидентификации человек пользуется в повседневном общении эмоциями, инстинктами, импульсами и не следит за «экологичностью» общения, не подчиняет критическому осмыслению последствия общения. Вербальная агрессия становится нормой, а местами даже трендом общения в школе, на улице или деловом коллективе, в СМИ, на телевидении, в социальных сетях и это явление привлекает внимание различных исследователей, занимающихся этим вопросом.

Вербальная агрессия — инструмент, негативно влияющий на экологию общения и установление эффективных коммуникативных связей. В современной лингвистике существует множество определений термина «вербальная агрессия». По мнению Ю.В. Щербининой, «... сложность определения понятия “вербальная агрессия” заключается прежде всего в том, что данный феномен нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности, и потому не может быть исчерпывающе определен посредством таких обобщенных понятий, как «патогенная коммуникация», «негативное речевое воздействие», «грубость речи» и т. п.» [30, с. 14].

Исследователь Ю.Б. Можгинский вербальную агрессию трактует как «... действия и высказывания, направленные на причинение вреда, душевной и физической боли другому существу» [18, с. 10].

Е.Ю. Сидорова, как специалист психолог, вербальную агрессию рассматривает как выражение негативных эмоций по отношению к кому-либо или чему-либо [24, с. 10]. Т.А. Воронцова считает, что «... с позиций коммуникативной лингвистики важно не только, как сказано, но и для чего сказано» [4, с. 4].

Бихевиористы, представителями которых являются А. Басс и Л. Беркович, пришли к выводу об особой роли внешней стимуляции в порождении агрессивных действий. В основе

бихевиоризма лежит идея о том, что поведение человека определяется приобретенными в социуме и культуре факторами. Повышение проявления агрессии, в том числе вербальной, как маркетингового хода в массовой культуре, не могло не отразиться на поведении современного общества и особенно молодежи. Мир вокруг становится все более агрессивным, поэтому интерес к проблемам вербальной агрессии и экологичного общения только возрастает. Огромное количество компьютерных игр милитаристской направленности, агрессивная реклама, так называемые группы смерти, «творческие блокноты» с заданиями деструктивного характера — все это способствует развитию агрессии как феномена современной жизни. Тем не менее, остаются мало изученными экспрессивные элементы языка и формы речи, которые позволяют на ранней стадии идентифицировать и предупредить агрессию в молодежной среде [3, с. 70].

Перспективные направления изучения феномена агрессии

Более перспективными в настоящее время являются многофакторные концепции взаимосвязи биологических, социальных и психологических причин. Например, Э. Шур не только делает упор на взаимосвязи социально-культурных факторов и общественно опасного поведения, но и показывает влияние противоречий в области уголовного законодательства, полиции, внешней политики и социального неравенства [29].

Профессор Л. Берковиц, изучая влияние ситуации на агрессивное поведение, проводил не только лабораторные эксперименты, но и обращался к полевым интервью с людьми, совершившими насильственные преступления в США и Англии. Он исследовал проблемы человеческой агрессии, причины этого деструктивного поведения и наиболее эффективные способы снижения вероятности агрессивного поведения [2].

На сегодняшний момент в России попытки междисциплинарного исследования агрессии осуществляют, прежде всего, психологи, например, А.С. Калашникова, Н.В. Дворянчиков, Т.Г. Василенко, которые делают вывод о том, что проблема ингибиторов агрессии стоит на пороге нового этапа изучения, заключающегося в создании целостной модели противоправного агрессивного поведения, не только учитывающей социально-психологические характеристики «агрессора» и его жертвы, личностные структуры, способствующие проявлению агрессии, но и охватывающей широкий спектр ингибиторов агрессии, действующих через различные психологические механизмы [12].

Криминологические аспекты идентификации и профилактики ненависти, насилия и агрессии в молодежной среде разрабатываются многими зарубежными исследователями, например, А. Стаейнберг, М.Д. Джейн Брукс [38], которые пришли к выводу о необходимости более глубокого понимания эпидемиологии и характера преступлений на почве ненависти как наиболее яркой формы агрессивного поведения. Данную точку зрения разделяет также К. Вахл, который в своем исследовании обобщает результаты серии междисциплинарных эмпирических исследований ксенофобии и агрессии, проводимых Немецким институтом молодежи (Мюнхен) в сотрудничестве с университетами Мюнхена и Йены. Было выявлено, что некоторые модели поведения и эмоции (гнев, ненависть, гиперактивность, беспокойство, страх, горе) предшествуют агрессивному общественно опасному поведению и могут быть обнаружены в раннем детстве, поэтому профилактика должна концентрироваться на ранней эмоциональной социализации и социальном обучении [39].

В.А. Иванюшина, В.В. Титкова, Д.А. Александров, изучая проблемы подростковой агрессии, делают вывод о зависимости групповых норм от социального статуса среди сверстников, так как агрессивное поведение повышает популярность подростка среди друзей и знакомых. Авторы отмечают необходимость дальнейшего исследования «культуры насилия» в подростковых коллективах, эти исследования могли бы дать основания для создания действенной методики предупреждения агрессивных форм общественно опасного поведения в молодежной среде [10].

Заключение

На современном этапе развития исследований феномена агрессивного общественно опасного поведения молодежи большинство ученых в мире все-таки сошлись во мнении, что нельзя объяснить его природу только биологическими или социальными факторами. Оказались несостоятельны теория лишней Y-хромосомы, концепция «генов-генералистов», система «ген-признаков»; было доказано, что не существует «гена агрессии». Не подтвердились и наследственные теории, расовые теории, теории субкультуры, теория социальных противоречий. В то же время нет исследований микро реакций и бессознательных движений человека в контексте агрессивного общественно опасного поведения, предшествующих такому поведению внешних проявлений агрессии. Таким образом, перспективным видится изучение агрессивного общественно опасного поведения через новые биомеханические системы, которые позволят обогатить эмпирические наблюдения данными о микро движениях человека в мирном состоянии и в момент проявления агрессии. Кроме того, многие ученые упускают из виду необходимость изучения миролюбивого поведения и экологии общения, поэтому в будущем необходима попытка раскрыть генезис и взаимосвязь агрессивных форм общественно опасного поведения молодежи через факторы, тормозящие агрессию. Результаты таких исследований позволят разработать действенную методику диагностики и предупреждения подверженности молодежи агрессивным формам общественно опасного поведения.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль [Электронный ресурс] // URL: <https://protivnarko63.ru/data/documents/Leonard-Berkovic.-Aggressiya-prichiny-posledstviya-i-kontrol.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).
3. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 70.
4. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дисс. д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. С. 4.
5. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М.: ИНФРА-М, 2006. 770 с.
6. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность: (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М.: Политиздат, 1982. 304 с.

7. Дышлевой А.Ю. Агрессия как форма противоправного сексуального поведения // Международный медицинский журнал. 2002. Т. 8. № 4. С. 69—72.
8. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
9. Жмуров Д. В. Криминальная агрессия подростков. Монография. Иркутск, 2007. С. 9.
10. Иванюшина В.А., Титкова В.В., Александров Д.А. Подростковая агрессия: групповые нормы и социальный статус среди сверстников // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 54—71
11. История медицины. Галль Франц Йозеф [Электронный ресурс] // URL: http://www.historymed.ru/encyclopedia/doctors/index.php?ELEMENT_ID=4898 (дата обращения: 13.10.2018).
12. Калашникова А.С., Дворянчиков Н.В., Василенко Т.Г. Обзор исследований по проблеме ингибиторов агрессии (часть II) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 2. С. 46—61. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69862.shtml> (дата обращения: 15.10.2018).
13. Ковальчишина Н.И. Особенности психологического насилия (моббинга) в условиях эмиграции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 122—130. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85420.shtml> (дата обращения: 15.10.2018).
14. Кречмер Э. Строение тела и характер [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1833.htm> (дата обращения: 14.10.2018).
15. Ломброзо Ч. Преступный человек [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/prestupnyj-chelovek-sbornik-read-275908-1.html> (дата обращения: 14.10.2018).
16. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»): пер. с нем. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1994. 272 с.
17. Маслоу А. Мотивация и личность 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. 351с.
18. Можгинский Ю.Б. Агрессивность детей и подростков. М.: Когито-центр, 2009. 181 с.
19. Отчет ВОЗ «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychologies.ru/roditeli/children/bullying-bolezn-vlasti/> (дата обращения: 07.10.2018).
20. Палагина А. О. Формы проявления агрессии по классификации А. Басса в русской

классической литературе // Образование и воспитание. 2016. № 4. С. 1—4.

21. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника — в частности. М.: ИНФРА-М, 2007. 302 с.
22. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ характера // Самара: Бахрах-М, 2009. 640 с.
23. Роджерс К. Консультирование и психотерапия: новейшие подходы в области практической работы. М.: Апрель-Пресс, 1999. 463 с.
24. Сидорова Е.Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 10.
25. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступление толпы. М.: ИНФРА-М, 2009. 391 с.
26. Учебник для вузов [Электронный ресурс] / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А. И. Долговой. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 784с. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1001912/79/Dolgova_-_Kriminologiya_2001.html (дата обращения: 02.10.2018).
27. Фрейд З. Избранное. Кн. 1. М.: Московский рабочий; Вся Москва, 1990. 160 с.
28. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: 2014. 624 с.
29. Шур Э.М. Наше преступное общество. М.: Прогресс, 1977. 327 с.
30. Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб. пособие. М.: Флинта, 2012. 224 с.
31. Agnew R. The origins of delinquent events: an examination of offender accounts // Journal of Research in Crime and Delinquency. 1990. Vol. 27. P. 267—294.
32. Henry D., Guerra N., Huesmann R., Tolan P., Van Acker R., Eron L. Normative influences on aggression in urban elementary school classrooms // American Journal of Community Psychology. 2000. Vol. 28. № 1. P. 59—81.
33. Le Blanc M., Frechette M. Male criminal activity from childhood through youth // Springer-Verlag New York Ink. 1989. p. 228.
34. Loeber R. et al. Developmental pathways in disruptive child behavior // Development and Psychopathology. 1993. Vol. 5. P. 103—133.
35. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do // Blackwell Publishing, p. 140.
36. Pinate1 J. Criminologie «Traite de droit penal et de criminologie» // Revue internationale de droitcomparé. 1963. Vol. 15. № 4.P. 772—774.

37. *Stattin H., Magnusson D.* The role of early aggressive behavior in the frequency, seriousness, and types of later crime // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1989. Vol. 57. P. 710—718.
38. *Steinberg A., Jane Brook M.D.* Youth hate crimes: identification, prevention, and intervention // *Am J. Psychiatry*. 2003. Vol. 160. № 5. P. 979—89.
39. *Wahl K.* Development of xenophobia and aggression // *International Journal and Applied Criminal Justice*. 2002. Vol. 26. № 2. P. 247—256.

Analytical Review of Studies on the Problem of Aggressive Socially Dangerous Behavior of Youth

Grebneva N.N., *Candidate of Law, Docent, Department of Criminal Law and Procedure, Institute of State and Law, Surgut State University, Surgut, Russia (natalia_grebneva1302@mail.ru)*

Slobodenyuk M.A., *Lecturer-Researcher, Assistant, Department of Criminal Law and Procedure, Institute of State and Law, Surgut State University, Surgut, Russia (150592@mail.ru)*

Variyasova E.V., *Candidate of Philological Sciences, Docent, Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Humanities Education and Sports, Surgut State University, Surgut, Russia (justina2302@mail.ru)*

The article discusses the problems of studying aggressive socially dangerous behavior of youth. A review of theoretical representations about aggression is given, the views of representatives of biological, biosocial and social scientific directions on the causes of aggressive socially dangerous behavior are described. The history of construction and the current state of research of aggressive socially dangerous behavior of youth is presented. The problems of studying this issue associated with a wide variety of causes, forms and types of aggressive behavior are considered. New, insufficiently studied forms of aggressive behavior that have recently emerged among young people are being observed. The major directions in the study of aggressive socially dangerous behavior of youth, including biological, social, legal and psychological aspects are defined. It has been established that the main task of such interdisciplinary research is to define the complex of determinants and factors inhibiting aggression in the youth environment, with the aim of developing effective preventive measures.

Keywords: aggression, socially dangerous behavior, youth, causes of aggressive behavior, prevention.

References

1. Bandura A. Teoriya sotsial'nogo naucheniya [The Theory of social learning]. Saint-Petersburg: Publ. Yevraziya, 2000. 320 p.
2. Berkovits L. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol' [Aggression: reasons, consequences and control] [Elektronnyy resurs], URL: <https://protivnarko63.ru/data/documents/Leonard-Berkovic.-Agressiya-prichiny-posledstviya-i-kontrol.pdf> (Accessed: 10.10.2018).
3. Vinogradov V.V. Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki [The results of the discussion of stylistics issues], Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics], 1955, no. 1, p. 70.

4. Vorontsova T.A. Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyy podkhod: Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Speech aggression: communicative-discursive approach: Synopsis of a thesis by Doctor of Philological Sciences]. Chelyabinsk, 2006, 4 p.
5. Dril' D.A. Prestupnost' i prestupniki [Criminality and criminals]. Ucheniye o prestupnosti i merakh bor'by s neyu [The study of criminality and measures against it]. Moscow: Publ. INFRA-M, 2006. 770 p.
6. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. Genetika, povedeniye, otvetstvennost': O prirode antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya [Genetics, behavior, responsibility: On the nature of antisocial acts and ways to prevent them]. Moscow: Publ. Politizdat, 1982. 304 p.
7. Dyshlevoy A.YU. Agressiya kak forma protivopravnogo seksual'nogo povedeniya [Aggression as a form of unlawful sexual behavior]. Mezhdunarodnyy meditsinskiy zhurnal [International medical journal], 2002, Vol. 8, no 4, pp. 69—72.
8. Dyurkgeym E. Sotsiologiya [Sociology]. Yeyo predmet, metod, prednaznacheniyе [Its subject, method, purpose]. Moscow: Publ. Canon, 1995. 352 p.
9. Zhmurov D. V. Kriminal'naya agressiya podrostkov [Criminal aggression of adolescents]. Irkutsk, 2007. 9 p.
10. Ivanyushina V.A., Titkova V.V., Aleksandrov D.A. Podrostkovaya agressiya: gruppovyye normy i sotsial'nyy status sredi sverstnikov [Teen aggression: group norms and social status among peers], Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal], 2016, Vol. 22, no. 1, pp. 54—71.
11. Istoriya meditsiny. Gall' Frants Yozef [Elektronnyy resurs] [History of Medicine. Gall Franz Josef]. URL: http://www.historymed.ru/encyclopedia/doctors/index.php?ELEMENT_ID=4898 (Accessed: 13.10.2018).
12. Kalashnikova A.S., Dvoryanchikov N.V., Vasilenko T.G. Obzor issledovaniy po probleme ingibitorov agressii (chast' II) [Elektronnyy resurs] [Review of research on the problem of inhibitors of aggression (Part II)]. Psikhologiya i pravo [Psychology and law], 2014, no. 2, pp. 46—61. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69862.shtml> (Accessed: 15.10.2018).
13. Koval'chishina N.I. Osobennosti psikhologicheskogo nasiliya (mobbinga) v usloviyakh emigratsii [Elektronnyy resurs] [Features of psychological violence (mobbing) in conditions of emigration]. Psikhologiya i pravo [Psychology and law], 2017, Vol. 7, no. 1. pp. 122-130. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85420.shtml> (Accessed: 15.10.2018).
14. Krechmer E. Stroyeniye tela i kharakter [Elektronnyy resurs] [Body structure and temper]. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1833.htm> (Accessed: 14.10.2018).
15. Lombrozo CH. Prestupnyy chelovek [Elektronnyy resurs] [Criminal Man]. URL: <http://www.rulit.me/books/prestupnyj-chelovek-sbornik-read-275908-1.html> (Accessed: 14.10.2018).

16. Lorenz K. Agressiya (tak nazyvayemoye «zlo»): Per. s nem [Aggression (the so-called "evil"): Trans. from German]. Moscow: Publ. Progress, Universe, 1994. 272 p.
17. Maslou A. Motivatsiya i lichnost' 3-ye izd [Motivation and Personality, 3rd ed.]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2003. 351 p.
18. Mozhginskiy YU. B. Agressivnost' detey i podrostkov [Aggression of children and adolescents]. Moscow: Publ. Kogito, 2009. 181 p.
19. Otchet VOZ "Povedeniye detey shkol'nogo vozrasta v otnoshenii zdorov'ya" [Elektronnyy resurs] [WHO report "Behavior of children of school age in relation to health"]. URL: <https://www.psychologies.ru/roditeli/children/bulling-bolezn-vlasti> (Accessed: 07.10.2018).
20. Palagina A. O. Formy proyavleniya agressii po klassifikatsii A. Bassa v russkoy klassicheskoy literature [Forms of aggression manifestation according to A. Bass's classification in Russian classical literature]. Obrazovaniye i vospitaniye [Education and upbringing], 2016, no. 4, pp. 1-4.
21. Poznyshev S. V. Kriminal'naya psikhologiya [Criminal psychology]. Prestupnyye tipy [Criminal types]. O psikhologicheskom issledovanii lichnosti kak sub'yekta povedeniya voobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti [On the psychological study of the individual as a subject of behavior in general and the study of the criminal's personality in particular]. Moscow: Publ. INFRA-M, 2007. 302 p.
22. Raygorodskiy D.YA. Psikhologiya i psikhoanaliz kharaktera [Psychology and psychoanalysis of temper]. Samara: Publ. Bakhrakh-M, 2009. 640 p.
23. Rodzhers K. Konsul'tirovaniye i psikhoterapiya: noveyshiye podkhody v obl. prakt. Raboty [Counseling and psychotherapy: the latest approaches in the field. practical work]. Moscow: Publ. Aprel'-Press, 1999. 463 p.
24. Sidorova Ye.YU. Verbal'naya agressiya kak kommunikativno pragmaticheskoye yavleniye [Verbal aggression as a communicative pragmatic phenomenon]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2009, no. 319, p. 10.
25. Tard G. Prestupnik i prestupleniye [Criminal and crime]. Sravnitel'naya prestupnost' [Criminal and crime]. Prestupleniye tolpy [Mob crime]. Moscow: Publ. INFRA-M, 2009, 391 p.
26. Uchebnik dlya vuzov [Elektronnyy resurs] [Textbook for Universities]. Pod obshchey redaktsiyey doktora yuridicheskikh nauk, professora A. I. Dolgovoy [Under the general editorship of the Doctor of Juridical Sciences, Professor A. I. Dolgovoy]. Moscow: Publ. NORMA, 2001, 784 p. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1001912/79/Dolgova_-_Kriminologiya_2001.html (Accessed: 02.10.2018).
27. Freud Z. Izbrannoye. Kn. 1 [Omnibus edition. Book 1]. Moscow: Publ. Moskovskiy rabochiy: Vsyaya Moskva, 1990. 160 p.

28. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, 2014. 624 p.
29. Shur E.M. Nashe prestupnoye obshchestvo [Our criminal society]. Moscow: Publ. Progress, 1977. 327 p.
30. Shcherbinina U.V. Russkiy yazyk: Rechevaya agressiya i puti yeye preodoleniya: ucheb. Posobiye [Russian language: Speech aggression and ways to overcome it: work-book]. Moscow: Publ. Flinta, 2012. 224 p.
31. Agnew R. The origins of delinquent events: an examination of offender accounts // Journal of Research in Crime and Delinquency. 1990. Vol. 27. P. 267—294.
32. Henry D., Guerra N., Huesmann R., Tolan P., Van Acker R., Eron L. Normative influences on aggression in urban elementary school classrooms // American Journal of Community Psychology. 2000. Vol. 28. No. 1. P. 59—81.
33. Le Blanc M., Frechette M. Male criminal activity from childhood through youth // Springer-Verlag New York Ink. 1989. p. 228.
34. Loeber R. et al. Developmental pathways in disruptive child behavior // Development and Psychopathology. 1993. Vol. 5. P. 103—133.
35. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. // Blackwell Publishing. p. 140.
36. Pinate J. Criminologie «Traite de droit penal et de criminologie» // Revue internationale de droit comparé. 1963. Vol. 15. No. 4. P. 772—774.
37. Stattin H., Magnusson D. The role of early aggressive behavior in the frequency, seriousness, and types of later crime // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1989. Vol. 57. P. 710—718.
38. Steinberg A., Jane Brook M.D. Youth hate crimes: identification, prevention, and intervention // Am J Psychiatry. 2003. Vol. 160. No. 5. P. 979—89.
39. Wahl K. Development of xenophobia and aggression // International Journal and Applied Criminal Justice. 2002. Vol. 26. No. 2. P. 247—256.

Разработка и апробация шкалы оценки ксенофобских установок (шкала ОКУ)

Гурина О.Д., эксперт отдела психологических экспертиз и исследований ГБУ г. Москвы «МИЦ», Москва, Россия (knurik@yandex.ru)

В статье описывается процесс разработки и апробации шкалы оценки ксенофобских установок (шкала ОКУ). В основе опросника лежит концепция смысловых установок и ценностных ориентаций Д.А. Леонтьева, а также исследования современных исследователей в области ксенофобии, национализма, этнических предубеждений. Шкала предназначена для оценки характера и степени выраженности ксенофобских установок у подростков в возрасте 14—18 лет. Для разработки инструментария использовались эмпирические данные 100 подростков (47 мужского и 53 женского пола) с условно нормативным поведением (средний возраст — 15,6±1,49 лет) и 40 подростков мужского пола, находившихся в центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (средний возраст — 14,5±0,25 лет). В результате апробации были описаны психометрические показатели, проверены валидность и надежность. Шкала ОКУ может использоваться для экспресс-оценки на первых стадиях профилактики экстремистского поведения у подростков с целью выявления лиц, наиболее склонных к проявлению ксенофобии по отношению к иностранцам.

Ключевые слова: ксенофобские установки, шкала оценки ксенофобских установок, подростковый возраст, профилактика ксенофобского поведения.

Для цитаты:

Гурина О.Д. Разработка и апробация шкалы оценки ксенофобских установок (шкала ОКУ). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 149-160. doi: 10.17759/psylaw.2019090411

For citation:

Gurina O.D. Development and testing of assessment scale for xenophobic attitudes (axa scale). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.149-160. doi: 10.17759/psylaw.2019090411

Актуальность

Проявления ксенофобии среди подростков являются актуальной сферой для изучения отечественными и зарубежными учеными. Одним из важных направлений представляется профилактика ксенофобии с целью выявления ксенофобских настроений в подростковой среде. Для решения данной задачи необходим адекватный методический инструментарий. На настоящий момент среди исследователей не существует общей теоретической концепции ксенофобии и общепризнанных надежных методических инструментов для ее оценки. Во многом это связано с тем, что ксенофобское поведение является широким понятием, включающим в себя такие особенности личности, как авторитарность, степень толерантности, наличие предрассудков и предубеждений, социальная и этническая самоидентификация и другие качества, имеющие связь с ксенофобскими установками.

В России изучение связанных с ксенофобией явлений проводится с помощью следующих адаптированных методик: шкала социальной дистанции, разработанная Э. Богардусом (1925), методика, известная как шкала фашизма, предложенная Т. Адорно, Э. Френкель-Брунстик, Д. Левинсоном, Р. Сэнфордом (1950), методика измерения наличия и степени выраженности предрассудков Г. Олпорта и Б. Крамера (1946), методика, направленная на изучение социальных установок у детей Э. Френкель-Брунстик (1948) [6; 7]. Перечисленные методики позволяют выявлять соответствующие индивидуально-психологические особенности обследуемого. Однако в настоящее время этот инструментарий считается устаревшим и вряд ли может успешно использоваться для оценки ксенофобских установок.

К современным зарубежным методикам диагностики предубеждений и социальных установок следует отнести следующий инструментарий: тест на выявление аффективного прайминг-эффекта (the Affective Priming Task), разработанный R.H. Fazio, D.M. Sanbonmatsu, M.C. Powell (1986) [8], тест, направленный на изучение скрытых (имплицитных) ассоциаций (the Implicit Association Test — далее IAT), авторы — A.G. Greenwald, D.E. McGhee, J.L.K. Schwartz (1998) [9]. Цель указанных методик — выявить силу ассоциативной связи с социальными категориями памяти. Методологически они основаны на теории когнитивных установок и предубеждений и позволяют определить содержание этих установок, а также предрасположенность испытуемого к предвзятому мнению по отношению к каким-либо категориям. Упомянутые выше методики для исследования предубежденности направлены на выявление имплицитных (неявных) установок, которые индивиды не могут осознать и проанализировать. На данный момент адаптированные варианты указанных методик в России отсутствуют. Однако можно ознакомиться с демонстрационным тестом русскоязычной версии методики IAT¹.

В начале 1990-х гг. отечественные психологи обратились к разработке методик на выявление осознанных установок и отношений, включенных в смысловую картину мира личности. К ним относятся методика, предложенная Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (2008), на определение типов этнической идентичности [6]. На основе результатов этой методики можно сделать косвенный вывод о характере отношения опрашиваемых к лицам иного этноса, национальности; об особенностях этнического самосознания и его изменениях в условиях межэтнической напряженности. Еще одна методика, авторами которой является

---

¹ См. ссылку: <https://implicit.harvard.edu/implicit/russia/> (дата обращения 31.08.2019).

круг специалистов в области этнической и социальной психологии (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова, 2002), — «Индекс толерантности»; она оценивает три аспекта толерантности: этническую, социальную и толерантность как черту личности [6].

Описанный инструментарий направлен на изучение этнической сферы личности, при этом не отражает наличие, характер и степень выраженности ксенофобских установок у обследуемых.

Таким образом, в связи с необходимостью решения профилактических задач в области борьбы с ксенофобским поведением среди подростков, встала задача разработать и апробировать валидный и надежный инструментарий для оценки ксенофобских установок.

Разработка шкалы оценки ксенофобских установок

В основу разрабатываемого опросника легли концепция смысловых установок и ценностных ориентаций Д.А. Леонтьева, а также научные работы современных исследователей в области ксенофобии, национализма, этнических предубеждений [1; 2; 3; 4].

Центральным понятием в разработке шкалы стали ксенофобские установки, под которыми понимается негативное эмоционально-смысловое отношение к определенной группе лиц, воспринимаемых как чужие, и обуславливающее готовность к враждебным действиям в отношении данной группы [1].

Шкала оценки ксенофобских установок (ОКУ) создавалась для определения характера и степени выраженности таких установок у подростков, в том числе с противоправным поведением, в возрасте 14—18 лет. Шкала состоит из двадцати утверждений, подобранных в результате экспертного и факторного анализа и отражающих актуальные мнения подростков. Предложенные утверждения соответствуют основным компонентам социальной установки (аттитюда), например: «*Тяжкие преступления (убийства, грабежи и т. д.) чаще всего совершают иностранцы*» (когнитивный компонент); «*Враждебное отношение (оскорбление, унижение) к иностранцам оправдано*» (аффективный компонент); «*Следует запретить иностранцам селиться в одном месте*» (поведенческий компонент).

В форме числовых ответов по семибалльной шкале Ликерта испытуемым несовершеннолетним предлагалось указать степень согласия или несогласия с каждым утверждением. Минимальной степени согласия с утверждением соответствует балл в 1 единицу, максимальной степени согласия соответствует балл в 7 единиц. В шкале ОКУ также предусмотрены пункты утверждений с обратным значением.

В высказываниях, содержащихся в шкале ОКУ, использовалась категория «иностранец» (см. табл. 2). В первую очередь это связано с тем, что категория «иностранец» объединяет множество этнических, национальных и расовых групп, определяя отношение в целом к указанной группе. Вероятно, что характер и степень выраженность ксенофобских установок будет различным в зависимости от этнической группы по отношению к которой демонстрируются то или иное чувство и/или связь. Поэтому в проведенном исследовании отсутствовал акцент на какой-то конкретной этнической, социальной группе лиц (например, кавказцы, цыгане, экспаты, трудовые мигранты). Предположительно такое

исследование могло бы быть проведено в ближайшем будущем для конкретизации тех или иных установок.

Для разработки шкалы использовались эмпирические данные 100 подростков (47 мужского и 53 женского пола) с условно нормативным поведением (средний возраст $15,6 \pm 1,49$) и 40 подростков мужского пола (средний возраст $14,5 \pm 0,25$), содержащихся в ЦВСНП (центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей).

Статистические показатели выборки свидетельствуют о нормальном распределении полученных результатов: значение критерия Колмогорова—Смирнова — 0,084, где $p = 0,079$ (при $p \leq 0,05$ — принимается гипотеза о ненормальном распределении).

Обследование было проведено в учебном классе в дневное время, как для группы подростков в школе, так и для подростков-правонарушителей, находившихся в ЦВСНП. За партой сидели по двое или по одному лицу. Инструкция испытуемым была озвучена как устно, так и представлена в письменном виде: «Ниже приведены некоторые суждения по отношению к иностранцам. Согласны ли вы с такими суждениями, верны ли они, по-вашему? Поставьте свою оценку по каждому утверждению на шкале со значениями от 1 — “абсолютно не согласен” до 7 — “абсолютно согласен”».

Каждое утверждение можно было оценить по баллам от 1 до 7, с помощью чего участник исследования мог фиксировать соответствующую его мнению степень согласия или несогласия. Выполнение задания не было ограничено по времени.

На первом этапе апробации шкалы ОКУ полученные результаты были разбиты на три интервала: $M+\sigma$ (высокий уровень выраженности); $M-\sigma$ (низкий уровень выраженности); $M-\sigma$ $M+\sigma$ (средний уровень выраженности) [5].

Значение баллов n от 54 до 90 указывает на наличие у респондентов разнородных установок по отношению к иностранцам. При $n < 54$ баллов — доминирование положительных установок к иностранцам, $n > 90$ баллов — доминирование негативных установок к иностранцам (табл. 1).

Таблица 1

Разделение результатов шкалы ОКУ на интервалы по степени выраженности

Диапазон значений в общем виде	Диапазон значений после z-преобразований	Интерпретация	Количество испытуемых (%)
Более $M+\sigma$	Более 1	Выше нормы	16
$[M-\sigma; M+\sigma]$	$[-1; 1]$	Норма	66
$M-\sigma$	Менее -1	Ниже нормы	18

Надежность измерительного инструмента была оценена с помощью процедуры теста-ретеста (3 месяца спустя после первой пробы); анализа согласованности результатов

отдельных пунктов (по принципу четные и нечетные задания); анализа согласованности пунктов (коэффициент надежности альфа Кронбаха) [5].

Полученные корреляции согласованности результатов отдельных пунктов шкалы и процедура тест-ретест свидетельствуют о наличии достаточной внутренней согласованности методики и стабильности исследуемого признака.

Уровень пригодности (α Кронбаха) составил **0,764**, что указывает на достаточную (удовлетворительную) надежность шкалы.

При этом были оценены статистические показатели для каждого пункта, в том числе показатель пригодности (α Кронбаха) при исключении пункта (табл. 2).

Таблица 2

Статистические показатели каждого пункта шкалы ОКУ

№	Содержание вопроса	Мин. значение	Макс. значение	Среднее	Станд. ошибка	Асимметрия	Экцесс	Показатель альфа Кронебера, если пункт удален
1	Иностранцы должны иметь такие же права и социальные гарантии, как и местные жители	1	7	3,77	0,18	0,05	0,88	0,75
2	Следует запретить иностранцам селиться в одном месте	1	7	3,49	0,18	0,27	-0,75	0,76
3	Большинство иностранцев нарушают местные правила и нормы	1	7	4,86	0,19	-0,49	-0,89	0,75
4	Следует применять к иностранцам более жесткие санкции и наказания, чем к местному населению, за совершение ими правонарушений	1	7	3,77	0,23	0,13	-1,53	0,74
5	Следует сдерживать агрессию (оскорбления, провоцирование драк и др.) по отношению к иностранцам	1	7	3,04	0,20	0,61	-0,90	0,76
6	Следует благоприятствовать развитию дружеских отношений к иностранцам	1	7	2,97	0,18	0,62	-0,65	0,74
7	Иностранцы часто страдают опасными заболеваниями	1	7	3,73	0,18	0,27	-0,85	0,74
8	Следует меньше общаться с иностранцами	1	7	3,15	0,18	0,53	-0,69	0,74
9	Любой человек независимо от его национальности, происхождения имеет одинаковые права со всеми	1	7	2,71	0,20	0,84	-0,67	0,74
10	Неверно мнение о том, что иностранцы могут быть угрозой для местного населения	1	7	3,82	0,20	0,08	-1,28	0,75
11	Достаточно часты случаи, когда иностранцы вели себя агрессивно по отношению к местному населению	1	7	5,18	0,19	-0,72	-0,73	0,76

Таблица 2

Продолжение

№	Содержание вопроса	Мин. значение	Макс. значение	Среднее	Станд. ошибка	Ассиметрия	Экцесс	Показатель альфа Кронбага, если пункт удален
12	Среди иностранцев много интересных и незаурядных личностей	1	7	3,02	0,19	0,57	-0,88	0,74
13	Все люди независимо от их происхождения, национальности могут найти общий язык между собой и жить в согласии	1	7	2,73	0,20	0,84	-0,65	0,74
14	Тяжкие преступления (убийства, грабежи и т.д.) чаще всего совершают иностранцы	1	7	3,66	0,19	0,21	-1,09	0,73
15	Враждебное отношение (оскорбление, унижение и т.д.) к иностранцам оправдано	1	7	3,26	0,19	0,45	-0,86	0,75
16	Следует оказывать всестороннюю поддержку иностранцам	1	7	3,87	0,16	-0,16	-0,74	0,75
17	Зачастую иностранцы работают там, где могли бы работать местные жители	1	7	5,03	0,18	-0,74	-0,34	0,77
18	Между иностранцами и местным населением, где я живу, почти никогда не бывает конфликтов	1	7	4,41	0,21	-0,36	-1,20	0,76
19	Местные жители чаще всего враждебно настроены к иностранцам	1	7	4,66	0,19	-0,60	-0,83	0,77
20	Неправильно считать, что люди могут быть неполноценными (физически, интеллектуально, по экономическому статусу и т.д.) по признаку своей национальности, расы или религии	1	7	3,01	0,20	0,66	-0,79	0,75

В дальнейшем на основе проведенной описательной статистики пункт 17 и 19 табл. 2 могут быть удалены или заменены, что позволит увеличить надежность инструмента.

Валидация методики предполагает оценку конструктивной валидности, которая была проведена с помощью шкалы экспресс-опросника «Индекс толерантности» (Солдатов Г.У., Кравцова О.А., Хухлаев О.Е., Шайгерова Л.А., 2002), включающей диагностику коммуникативных установок и утверждений, выявляющих отношения к некоторым социальным группам. В методике содержится три субшкалы, которые измеряют

социальную и этническую толерантность и толерантность как черту личности. В целях измерения конструктивной валидности использовалась шкала методики, измеряющая этническую толерантность, которая направлена на оценку выраженности толерантных/интолерантных установок к иностранцам. Предполагается, что выраженность толерантных установок является обратно пропорциональной выраженности ксенофобских установок. Таким образом, результаты по этой методике будут обратными результатам шкалы ОКУ. Вывод о валидности можно будет сделать в случае отрицательной корреляции, которая составила **0,851** (коэффициент корреляции Спирмена; $p < 0,0001$). Данный вывод, на наш взгляд, свидетельствует о том, что разработанная методика измеряет психологическое качество, аналогичное эталонному, т. е. отношению к иностранцам.

Важным ограничением разработки и апробации шкалы стало использование двух наравномерных подвыборок подростков с нормативным и противоправным поведением. В дальнейшем предполагается уравнивание выборки по характеру поведения подростков и их составу.

Результаты применения шкалы в эмпирическом исследовании

Шкала ОКУ использовалась для изучения ксенофобских установок и личностных особенностей подростков с противоправным поведением в проведенном диссертационном исследовании (табл. 3). В этом исследовании приняли участие 242 подростка в возрасте 14—18 лет (средний возраст — $15,65 \pm 0,71$). Основную группу составили 82 подростка с противоправным поведением (17 подростков женского пола и 65 подростков мужского пола) и 160 подростков с условно нормативным поведением, учащиеся общеобразовательных школ (83 подростка мужского пола и 77 женского пола).

Таблица 3

Характер и выраженность установок в отношении иностранцев у подростков с противоправным и нормативным поведением

Категория подростков	N (количество)	Отсутствие ксенофобских установок, (%)	Сочетание установок, (%)	Доминирование ксенофобских установок, (%)
Подростки с противоправным поведением, в том числе:	82	17.1	50.0	32.9
Мальчики, все, в том числе:	65	10,0	47.0	43.0
Мальчики, отбывавшие наказание в колонии	25	4.0	72.0	24.0
Мальчики в ЦВСНП (центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей)	40	17.5	35.0	47.5
Девочки, отбывавшие наказание в колонии	17	35.3	53.0	11.7
Подростки с нормативным поведением, в том числе:	160	30.0	47.5	22.5
Мальчики	83	23.0	47.0	30.0
Девочки	77	39.0	48.0	13.0

Результаты обследования показали, что подростки с противоправным поведением демонстрируют сочетание различного рода установок к иностранцам (50%). Возможно, это связано с тем, что категория «иностранец» не была конкретизирована по национальному (этническому) признаку (см. табл. 3). Значимыми результатами также стали различия в степени и характере выраженности ксенофобских установок у подростков мужского пола с противоправным и условно нормативным поведением. Был сделан вывод о том, что подростки-правонарушители чаще демонстрируют враждебные установки к иностранцам по сравнению с подростками-учащимися школ ($\varphi^*=1,64$; $p \leq 0,05$).

При этом подростки, находившиеся в ЦВСНП, показали более высокие значения ксенофобских установок, чем подростки, отбывавшие наказание в воспитательных колониях. Вероятно, это может быть связано с тем, что содержание подростков в Центре обуславливалось жестким разделением по национальному, этническому принципу.

Кроме того, содержательными стали результаты по утверждениям, которые набрали наибольшие баллы по шкале ОКУ среди подростков с противоправным и нормативным

поведением. Среди исследуемых утверждений высокие баллы имеют следующие: «Большинство иностранцев нарушают местные правила и нормы», «Зачастую иностранцы работают там, где могли бы работать местные жители», «Местные жители чаще всего враждебно настроены к иностранцам». Вероятно, отраженные в этих мнениях сферы социальных отношений являются наиболее проблемными, значимыми для подростков, как с противоправным, так и с условно нормативным поведением, что требует отдельного внимания при формировании профилактических программ.

Важно отметить, что в целом для подростков независимо от типа поведения характерны противоречивые мнения и установки. Это явно представлено в предпочтении таких непоследовательных утверждений: с одной стороны, многие подростки считают, что не следует завязывать дружеские отношения с иностранцами и нет необходимости сдерживать агрессию к ним; с другой стороны, они же разделяют мнение о том, что любой человек независимо от его национальности, происхождения имеет одинаковые права со всеми, и люди могут жить в согласии друг с другом. Таким образом, для современных подростков, как с противоправным, так и нормативным поведением, в целом характерна приверженность гуманистическим ценностям, таким как равенство людей независимо от происхождения, значимость сохранения мира и согласия. Но имеется острая потребность в изменении конкретной ситуации взаимоотношений подростков с лицами, приезжающими на заработки или находящимися на территории России по иным экономическим и социальным причинам. По мнению подростков, такие лица нарушают местные правила и обычаи, ведут себя агрессивно по отношению к местному населению. Демонстрация подобного отношения указывает на сложность интеграции приезжих, что является одной из целей профилактической работы для обеспечения комфортной социальной среды в месте жительства подростков.

Заключение

Исследование ксенофобских установок при помощи шкалы ОКУ у подростков с противоправным и условно нормативным поведением показало, что они характерны для всех подростков, как с нормативным, так и с девиантным поведением. Скорее всего, такой феномен обусловлен особенностями психического развития подростков, их социальной ситуацией развития. Предполагается, что наличие и выраженность ксенофобских установок является одним из факторов, способствующих проявлению ксенофобского поведения. Установлено, что у девиантных подростков склонность к ксенофобским установкам выше, чем у подростков с нормативным поведением, что является одной из поведенческих характеристик данной группы. Шкала ОКУ, кроме того, позволяет оценить содержательные характеристики взаимоотношений подростков с иностранцами, что дает возможность выделить основные проблемные точки взаимодействия в той или иной подростковой среде, наметить круг профилактических задач борьбы с ксенофобским настроением.

В дальнейших исследованиях ксенофобских установок и в рамках адаптации шкалы ОКУ предполагается расширить выборку испытуемых, учитывая особенности их поведения, принадлежность к какой-либо национальной группе лиц, этническую самоидентификацию.

Таким образом, шкала ОКУ может быть применена для экспресс-оценки ксенофобских установок подростков к людям иного этнического (национального) происхождения. Шкалу можно включить в комплекс методического инструментария в целях диагностики ксенофобских установок по отношению к иностранцам, например, в судебной экспертизе, а

также в рамках профилактики экстремизма, ксенофобии среди подростков, как с нормативным, так и с противоправным поведением.

Литература

1. Гурина О.Д. Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n1/80669_full.shtml (дата обращения: 31.08.2019).
2. Гурина О.Д. Психологические факторы ксенофобного поведения у подростков: зарубежные исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 4. С.40—45.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
4. Маланцева О.Д. Психологические особенности формирования ксенофобских установок // Психология и право. 2011. № 4. С. 22—32.
5. Митина О.В. Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2011. 235 с.
6. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 172 с.
7. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии: учеб.-метод. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 238 с.
8. Fazio R.H., Sanbonmatsu D.M., Powell M.C., Karnes F.R. On the automatic activation of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 50. P. 229—238.
9. Greenwald A.G., McGhee D.E., Schwartz J.L.K. Measuring individual differences in implicit cognition: The Implicit Association Test // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. P. 1464—1480.

Development and Testing of Assessment Scale For Xenophobic Attitudes (AXA Scale)

Gurina O.D., *Expert of the Department of psychological expertise and research, Moscow Research Center, Moscow, Russia (knurik@yandex.ru)*

The article describes the process of development and testing of the xenophobic attitudes assessment scale (AXA scale). The questionnaire is based on the concept of semantic attitudes and value orientations of D. A. Leontyev, as well as research in the field of xenophobia, nationalism and ethnic prejudices of modern researchers. The scale is designed to assess the nature and severity of xenophobic attitudes in adolescents aged 14-18 years. The empirical data of 100 adolescents (47 males and 53 females) with conditionally normative behavior (average age 15.6 ± 1.49) and 40 male adolescents temporarily detained in the center of juvenile offenders (average age 14.5 ± 0.25) were used for tools development. As a result of testing psychometric indicators were described, validity and reliability were checked. The AXA scale can be used for rapid assessment at the first stages of the prevention of extremist behavior in adolescents in order to identify individuals most prone to xenophobia in relation to foreigners.

Key words: xenophobic attitudes, xenophobic attitudes rating scale, adolescence, prevention of xenophobic behavior.

References

1. Gurina O. D. Ksenofobskie ustanovki i lichnostnye osobennosti podrostkov s deviantnym povedeniem [Elektronnyi resurs] [Xenophobic attitudes and personality traits of adolescents with deviant behavior] *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n1/80669_full.shtml (Accessed 31.08.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Gurina O. D. Psikhologicheskie faktory ksenofobnogo povedeniya u podrostkov: zarubezhnye issledovaniya [Elektronnyi resurs] [Psychological factors xenophobic behavior in adolescents: international study] *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2018, T. 7, no 4. pp.40 — 45. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Leont'ev D. A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. 2-e izd., ispr. Moscow: Smysl, 2003. 487 p. (in Russ.).
4. Malantseva O. D. Psikhologicheskie osobennosti formirovaniya ksenofobskikh ustanovok [Psychological peculiarities of formation of xenophobic attitudes] *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2011, no 4. pp. 22-32. (In Russ., Abstr. in Engl.).

5. Mitina O. V. Razrabotka i adaptatsiya psikhologicheskikh oprosnikov [Development and adaptation of psychological questionnaires]. Moscow: Smysl, 2011. 235 p. (in Russ.).
6. Soldatova G. U., Shaigerova L. A. Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti [Psychodiagnosics of tolerance of personality]. Moscow: Smysl, 2008. 172 p. (in Russ.).
7. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. Metody etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii: ucheb.-metod. posobie [Methods of ethnic and cross-cultural psychology: scientific and methodical manual]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. 238 p. (in Russ.).
8. Fazio R. H., Sanbonmastu D. M., Powell M. C., Karnes F. R. On the automatic activation of attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 50, pp. 229-238.
9. Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K. Measuring individual differences in implicit cognition: The Implicit Association Test. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998. Vol. 74, pp. 1464-1480.

Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет)

Медведева А.С., старший государственный судебный эксперт, ФБУ Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Минюста России, Санкт-Петербург, Россия (98765_89@mail.ru)

Дозорцева Е.Г., доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России; профессор кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия (edozortseva@mail.ru)

Онлайн груминг как вид сексуальной эксплуатации несовершеннолетних является серьезной проблемой для современного мира. Данное явление активно отражается в зарубежных исследованиях, однако в России оно остается мало изученным, несмотря на высокую встречаемость. На основании 67 показателей коммуникативной активности было проанализировано 77 транскриптов интернет-переписок между взрослыми людьми и несовершеннолетними, имеющих сексуальное содержание и включающих в себя реализацию онлайн груминга. В результате качественного анализа и с помощью методов описательной статистики выделены 3 основные коммуникативные цели, которые преследовали взрослые. Подчеркивается, что практически все взрослые выражали стремление вступить с несовершеннолетними в сексуальный контакт в реальном мире. Представлены основные стадии коммуникации взрослых и несовершеннолетних и реализуемые тактики груминга. Отдельное внимание посвящено особенностям реагирования несовершеннолетних на онлайн груминг. Сделан вывод об общей уязвимости несовершеннолетних перед сексуальным домогательством, о необходимости разработки профилактических мер.

Ключевые слова: онлайн груминг, Интернет, коммуникация, несовершеннолетние, сексуальные действия, сексуальная эксплуатация.

Для цитаты:

Медведева А.С., Дозорцева Е.Г. Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 161-173. doi: 10.17759/psylaw.2019090412

For citation:

Medvedeva A.S., Dozortseva E.G. Features of online grooming as a form of sexual exploitation of minors (based on the analysis of communication between adults and children in the Internet). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.161-173. doi: 10.17759/psylaw.2019090412

В России все больше детей и подростков сталкиваются с сексуальным домогательством в сети Интернет со стороны взрослых людей, стремящихся вступить с несовершеннолетними посредством переписок или видеосвязи в сексуально направленный контакт. За рубежом эта проблема существует дольше и в последнее время становится предметом междисциплинарных исследований [19], результаты которых привели к внедрению в практику ключевого термина «онлайн груминг», определяемого как инициация контакта с ребенком с целью его подготовки к дальнейшему сексуальному злоупотреблению [4; 6]. В литературе, посвященной этому явлению, приводятся различные определения онлайн груминга, выделяются его этапы [14], описывается личность взрослых, осуществляющих онлайн груминг («грумеров»), и применяемые ими тактики воздействия на несовершеннолетних [12]. Зарубежные исследования часто базируются на анализе интернет-коммуникаций (переписок) взрослых с несовершеннолетними. В ряде стран груминг (осуществляемый онлайн или офлайн) включен в уголовное законодательно законодательство как самостоятельный состав преступления [7; 11].

В предыдущей публикации [1] мы рассмотрели феномен и понятие онлайн груминга, а также подходы к исследованию этого явления и его профилактике. Наиболее удачным нам представляется определение онлайн груминга как сексуального домогательства по отношению к детям, реализуемого в сети Интернет, и разновидности сексуальной эксплуатации детей. Целью онлайн груминга может быть встреча с несовершеннолетним и реальный сексуальный контакт с ним, либо сексуально окрашенное взаимодействие в рамках виртуальной коммуникации. Составляющей процесса онлайн груминга является «секстинг», или сексуализированная интернет-коммуникация между взрослым и несовершеннолетним в виде текстовых сообщений, фотографий, видеоизображений. Груминг имеет манипулятивный характер, а несовершеннолетние, как правило, в силу возраста и уровня развития не могут в полной мере осознавать сексуальный характер и противоправное значение подобных коммуникаций.

В России сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в интернет-пространстве требует активного изучения в интересах, прежде всего, профилактики и защиты детей, помощи следствию и, не в последнюю очередь, психологической науки. Необходимо понять

специфику воздействия, оказываемого взрослыми на несовершеннолетних в процессе онлайн коммуникации и приводящего к сексуальному злоупотреблению.

Цель настоящего исследования — описать характеристики онлайн груминга и взаимодействия взрослых, осуществляющих груминг с несовершеннолетними, на отечественной выборке.

Материалы и методы исследования

Проведенное исследование представляет собой первый этап обработки материала, состоящего из 77 транскриптов переписок (коммуникаций) между взрослыми людьми и несовершеннолетними, реализованных в сети Интернет.

Представленные переписки охватывают период с 2013 по 2017 г., имеют разные объемы (от 4 до свыше 1000 сообщений) и длительность.

Выборка взрослых людей («грумеров») составляет 10 мужчин в возрасте от 22 до 46 лет. Средний возраст мужчин — 33,0 года ± 8,7 лет. Каждый из них совершил разное количество коммуникаций и обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных следующими статьями Уголовного кодекса: ст. 132 УК РФ, ст. 134 УК РФ, ст. 135 УК РФ, ст. 137 УК РФ, ст. 241.1 УК РФ.

В качестве потерпевших выступают 77 несовершеннолетних в возрасте от 8 до 17 лет (средний возраст 13,4 лет ± 2,05 года): 15 мальчиков и 62 девочки.

Длительность переписки варьировала от 1—2 дней до 3 месяцев, средняя продолжительность составила 6 дней. В 36 случаях (46,7%) несовершеннолетние на начальном этапе взаимодействия отказывались от общения, и контакт не формировался.

Для анализа коммуникаций была разработана статистическая карта, выделено 67 показателей, характеризующих характер взаимодействия коммуникантов и особенности реализации онлайн груминга. Обработка проводилась методами описательной статистики и качественного анализа.

Результаты и их интерпретация

Онлайн груминг может осуществляться в течение нескольких минут, часов, дней, месяцев или даже лет, в зависимости от целей и потребностей преступника и реакций ребенка на его действия [3; 10; 18]. Следует подчеркнуть, что в 46,7% случаев несовершеннолетние сразу же или относительно быстро демонстрировали отказ от общения с новым знакомым, причем нередко в достаточно агрессивной форме. Главной причиной для отказа выступала разница в возрасте — несовершеннолетние были убеждены в том, что им нельзя общаться в сети Интернет со взрослыми людьми. Таким образом, в этих случаях коммуникация не достигала стадии реализации онлайн груминга и обсуждения сексуальных тем. В остальных случаях (53,2%) несовершеннолетние проявили согласие на общение с новым знакомым, контакт между ними был сформирован.

При анализе продолженных коммуникаций были выявлены 3 основные цели, которые преследовали взрослые при общении с несовершеннолетними:

- 1) совершить сексуальные действия в реальной жизни путем организации личной встречи (данная цель наблюдалась в 60,9% случаев продолженных коммуникаций, в 2,4% была реализована);
- 2) получить доступ к личным материалам интимного характера (фотографиям, видеоизображениям) несовершеннолетнего (75,6% случаев продолженных коммуникаций, в 39,0% случаев цель реализована);
- 3) совершить сексуальные действия онлайн (19,5% случаев продолженных коммуникаций, в 7,3% случаев цель реализована).

Следует отметить, что коммуникативные цели нередко сочетались между собой, чаще всего — цели 1 и 2.

Вымогательство интимных материалов несовершеннолетних может быть обусловлено стремлением взрослого продать или распространить их [4], а также может являться своего рода подготовкой к будущему сексуальному контакту коммуникантов. Зарубежные исследователи сообщают о том, что деятельность онлайн нередко предшествует реальной во внешнем мире, выступая в качестве подготовки ребенка к встрече [3; 19]. Интернет-пространство облегчает коммуникацию между взрослыми и несовершеннолетними, делает их более смелыми и раскованными в общении, так как допускает анонимность и скрытость, возможность обдумывать и подготавливать ответы, подключать свое воображение и формировать желаемые условия общения и образ собеседника [17].

Важно обратить внимание на то, что цель совершить с несовершеннолетним сексуальные действия в реальной жизни проявилась у 9 из 10 взрослых. Данную цель в случае ее реализации можно охарактеризовать как наиболее опасную и психотравмирующую для несовершеннолетних, и тот факт, что она преследуется практически всеми взрослыми, свидетельствует о необходимости активной борьбы с онлайн грумингом.

Как считает А. Gillespie [9], точно определить, когда груминг начинается и когда заканчивается, невозможно, поскольку это может быть длительный процесс, состоящий из множества стадий и актов, часть из которых нередко циклически повторяется. В нашем исследовании во всех коммуникациях были выделены следующие стадии:

- 1) обнаружение взрослым «нужного» несовершеннолетнего;
- 2) вступление взрослого в контакт с несовершеннолетним;
- 3) подготовка взрослым несовершеннолетнего к обсуждению сексуальных тем;
- 4) сексуальная коммуникативная активность;
- 5) завершение отношений.

Качественный анализ выбранных случаев показывает, что взрослые находят несовершеннолетних преимущественно в социальной сети «ВКонтакте», что позволяет им

ознакомиться с личным профилем ребенка, узнать его интересы и увлечения, посмотреть фотографии. Взрослые выбирают несовершеннолетнего на основании своих предпочтений, внешней притягательности ребенка, а также основываясь на его доступности и уязвимости [13].

Все исследуемые нами коммуникации были инициированы взрослыми либо отправкой личного сообщения, либо организацией так называемой «заявки в друзья», на которую реагировали несовершеннолетние. Только в одном случае несовершеннолетняя первая обратилась к взрослому с целью защитить свою подругу, ранее приславшую ему свои интимные фотографии.

Использование взрослыми тактик онлайн груминга направлено на преодоление возможного сопротивления ребенка. Сексуальный онлайн груминг — это манипулятивный процесс, который включает в себя целый спектр воздействий на несовершеннолетнего: от комплиментов до устрашения и шантажа. Однако ключевой переменной в процессе груминга обычно считается создание доверия и последующее злоупотребление им [13; 19]. Взрослые, применяющие стратегию более косвенного груминга, чаще всего используют в диалоге с ребенком лесть, комплименты, выпрашивание, нежное давление. Взрослые, действующие более прямо и открыто, чаще прибегают к шантажу, угрозам, оскорблениям [12].

Рассмотрим тактики онлайн груминга, реализованные в случаях согласия несовершеннолетних на общение (табл. 1), а также особенности реагирования на них несовершеннолетних.

Таблица 1

Тактики онлайн груминга и их распространенность

Стадии и виды воздействия	Тактики груминга	Количество (в % к случаям согласия на коммуникацию)
Стадия вступления в контакт	Обман, предоставление взрослым ложной информации о себе	39,0%
	Выяснение общей информации о несовершеннолетнем	73,1%
	Комплименты, положительная оценка несовершеннолетнего	75,6%
	Провокативные высказывания с целью вызвать их опровержение и раскрепощение несовершеннолетнего	14,6%
Стадия подготовки	Поиск информации о сексуальном опыте несовершеннолетнего	70,7%
	Обучение в сексуальной сфере	51,2%
	Рассказ взрослого о своем	41,4%

		сексуальном опыте	
		Демонстрация взрослым своих интимных материалов	26,8%
Стадия сексуальной коммуникативной активности	Предъявление запроса	Просьба прислать интимные материалы	70,7%
		Демонстрация желания вступить в сексуальный контакт	60,9%
		Предложение несовершеннолетнему вступить в сексуальный контакт	43,9%
	Положительное подкрепление	Обещание какой-либо награды, подарка	21,9%
		Демонстрация положительных чувств к несовершеннолетнему	17,0%
	Провокация	Сравнение с сексуально раскрепощенными сверстниками с целью вызвать реакцию подражания	7,3%
	Прямое давление	Убеждение в дозволенности и необходимости вступления в сексуальный контакт	43,9%
		Настойчивое предъявление требований	29,2%
		Угроза, шантаж	24,3%
		Деструктивная критика, оскорбления	9,7%
		Сокращение времени для обдумывания ответа, высокая скорость подачи информации	12,1%
		Призыв несовершеннолетнего к ответственности перед его близкими людьми	12,1%
Указание на безвыходность ситуации		7,3%	
Обвинение несовершеннолетнего в происходящем		4,8%	

Согласие несовершеннолетних на общение нередко достигалось взрослыми путем использования тактики обмана и введения в заблуждение. Онлайн груминг может включать в себя возрастную маскировку [14; 15], так как в разговоре со сверстником ребенок в большей степени или быстрее сможет раскрыться. В наших случаях взрослые часто представлялись девочкой-подростком, занижали свой реальный возраст, а если оставались в роли взрослого, то выдавали себя за модельного агента или режиссера по кастингам.

Кроме того, на стадии вступления в контакт взрослые активно интересовались жизнью несовершеннолетних, демонстрировали свои положительные чувства к ним, делали комплименты. Использование подобных тактик способствует установлению между коммуникантами дружеских взаимоотношений, вызывает у несовершеннолетних доверие и положительное отношение к собеседнику.

В ряде случаев один из взрослых выражал несовершеннолетним свое сожаление о том, что они находятся в столь юном возрасте («Жаль, что ты еще маленькая»). Указанная тактика онлайн груминга направлена на то, чтобы вызвать у несовершеннолетнего стремление соответствовать новому знакомому, вести себя как взрослый человек и, как следствие, проявлять готовность обсуждать «взрослые» темы. Несовершеннолетние реагировали на подобную тактику преимущественно негативным образом, обижались, стремились показать свою взрослость.

С целью осуществить переход к сексуально ориентированному общению взрослые постепенно начинали задавать несовершеннолетним вопросы об их личной жизни, влюбленностях, затем — о сексуальном опыте. Несовершеннолетние, уже оказавшие доверие своим собеседникам, поддерживали подобные разговоры, отвечали на соответствующие вопросы (53,6% случаев согласия на контакт). Кроме того, взрослые начинали сообщать несовершеннолетним информацию о своем сексуальном опыте, который позиционировался ими как богатый и увлекательный, демонстрировали собственные интимные материалы. Несовершеннолетние проявляли интерес к таким рассказам взрослых (24,3%), задавали интересующие их вопросы (21,9%). Данная тенденция приводила к тому, что взрослые начинали обучать несовершеннолетних тому, как правильно реализовывать сексуальную деятельность.

На стадии сексуальной коммуникативной активности взрослые демонстрировали несовершеннолетним свое желание вступить с ними в сексуальный контакт, делали соответствующие предложения, просили несовершеннолетних предоставить личные интимные материалы. Кроме того, взрослые сравнивали несовершеннолетних с их сексуально раскрепощенными сверстниками, ставили их в пример с целью вызвать у несовершеннолетних реакцию подражания. Данную тактику J.A. Kloess и ее соавторы называют использованием эффекта конформизма [12]. Несовершеннолетние в 39,0% случаев согласия на контакт присылали взрослым свои интимные материалы, стремились получить данные материалы от взрослых (24,3%), демонстрировали желание вступить со взрослым в сексуальный контакт (36,5%), предлагали организовать личную встречу (24,3%). В ряде случаев несовершеннолетние стремились получить от взрослого какую-либо награду за свои интимные материалы (игрушки, денежные средства) или произвести обмен (26,8%), нередко получали соответствующие обещания от взрослых.

Зарубежные исследования сообщают, что преступники могут создавать у ребенка отношение к их действиям как к тайне или обвинять его и создавать ощущение соучастия. В результате несовершеннолетние часто испытывают чувство вины и ответственности, особенно когда их вынуждают совершать сексуальные акты [4; 5].

В случаях, когда несовершеннолетние стремились пресечь коммуникацию, осознавая ее недозволённость, взрослые убеждали их в том, что вступать в сексуальные контакты в их возрасте можно и нужно, нередко меняли тактику общения на более агрессивную. Так, они

начинали шантажировать несовершеннолетних, угрожая им распространить ранее полученные интимные материалы или переписку в сети, деструктивно критиковали несовершеннолетних, проявляли настойчивость, торопили, указывали им на безвыходность ситуации и на виновность самого несовершеннолетнего в происходящем, призывали к мнимой ответственности за близких людей. В большей степени несовершеннолетние опасались того, что близкие узнают о сексуальной переписке, увидят их интимные материалы. Дети и подростки испытывали страх (19,5%), умоляли взрослых не предавать их коммуникацию огласке (12,1%), взывали к их морали и ответственности (17,0%). В одном из рассматриваемых случаев несовершеннолетняя знала о том, что ранее взрослый уже распространил интимные материалы другой девочки среди ее одноклассников и учителей, что указывало на реальную осуществимость его угроз.

Общение между коммуникантами завершалось как по инициативе взрослых, более не заинтересованных в поддержании контакта, так и несовершеннолетних, которые прекращали отвечать на сообщения.

Зарубежные исследования сообщают о преимущественной устойчивости несовершеннолетних к онлайн грумингу [8]. Следует отметить, что в исследуемых нами случаях такую устойчивость продемонстрировала примерно половина выборки несовершеннолетних. Все согласившиеся на общение проявили либо раскованное поведение, либо оказались уязвимыми перед груминговыми тактиками. Данные результаты могут свидетельствовать о чрезмерной доверчивости несовершеннолетних, их неосведомленности в вопросах интернет-безопасности, неспособности правильно оценить риск нового общения, а также, возможно, о начальных формах поведенческих девиаций самих несовершеннолетних. Именно поэтому представляется важным, чтобы несовершеннолетние сами осознавали существование проблемы сексуальной эксплуатации в сети Интернет, могли пресекать нежелательное общение и не испытывали страха или стеснения перед тем, чтобы донести до сведения близких людей (или полиции) информацию о своем противоречивом или негативном опыте. В связи с этим в качестве превентивных мер против сексуального онлайн груминга предлагаются образовательные программы для детей, родителей, педагогов, которые должны включать в себя не только рекомендации по безопасному пользованию Интернетом, но и сведения о возможных негативных последствиях груминга. Наряду с этим представляется необходимой разработка специализированного программного обеспечения для детекции онлайн груминга в сети Интернет, которая позволит отслеживать и выявлять нежелательные коммуникации между взрослыми людьми и несовершеннолетними [2; 16].

Заключение

Качественный подход, лежащий в основе настоящего исследования, был применен к небольшому количеству случаев по причине деликатного характера данных и сложности получения подобного материала. Полученные результаты являются предварительными и не могут претендовать на широкие обобщения. Тем не менее, они свидетельствуют о том, что сексуальный онлайн груминг является серьезной проблемой для современного общества, поскольку несовершеннолетние склонны вступать в контакты с незнакомыми взрослыми, общаться на сексуальные темы, уязвимы перед тактиками сексуального домогательства. Нередко виртуальное общение способствует возникновению у несовершеннолетних желания встретиться со взрослым преступником в реальном мире.

Данное исследование охватывает лишь часть большого массива данных, которые должны быть изучены и описаны в дальнейшем. Представляется необходимым продолжить изучение онлайн груминга и его тактик, характеристик личности грумеров, особенностей реагирования несовершеннолетних на действия взрослых и факторов, приводящих к их уязвимости. Все это позволит расширить представления юридической психологии о сексуальных преступлениях и их новых формах, а также выработать меры профилактики такого рода преступных действий по отношению к детям и подросткам.

Литература

1. Дозорцева Е.Г., Медведева А.С. Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2019. Т. 9. № 2. С. 250—263. doi:10.17759/psyandlaw.2019090217
2. Al-Hateeb H.M., Epiphaniou G. How technology can mitigate and counteract cyberstalking and online grooming // *Computer Fraud & Security*. 2016. Vol. 1. P. 14—18
3. Briggs P., Simon W.T., Simonsen S. An exploratory study of Internet-initiated sexual offenses and the chat room sex offender: Has the Internet enabled a new typology of sex offender? // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2011. Vol. 23 (1). P. 72—91
4. Craven S., Brown S., Gilchrist E. Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations // *Journal of Sexual Aggression*. 2006. Vol. 12. P. 287—299
5. Cossins A. The hearsay rule and delayed complaints of child sexual abuse: The law and the evidence // *Psychiatry, Psychology and Law*. 2002. Vol. 9 (2). P. 163—176. doi:10.1375/13218710260612055
6. Davidson J., Grove-Hills J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Webster S. Online Abuse: Literature Review and Policy Context [Электронный ресурс] // Prepared for the European Commission Safer Internet Plus Programme. 2011. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/514d/6c44b24a5c0f27ee543360ee4b449d56739f.pdf> (Дата обращения: 25.09.2019)
7. Davidson J., Gottschalk P. Online Groomers: Profiling, Policing and Prevention' Dorset // Russell House Publishing Ltd. 2010. P. 189
8. Webster S., Davidson J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Grove-Hills J. European Online Grooming Project final report. [Электронный ресурс] // European Union. 2012. URL: <http://www.european-online-grooming-project.com/> (Дата обращения: 25.09.2019)
9. Gillespie Alisdair A. Child Protection on the Internet Challenges for Criminal Law [Электронный ресурс] // *Child and Family Law Quarterly*. 2002. Vol. 14. № 4. P. 411—425. URL: <https://ssrn.com/abstract=2084816> (Дата обращения: 25.09.2019)
10. Klimek L. Solicitation of Children for Sexual Purposes: The New Offence in the EU (Under the Directive 2011/92/EU) // *International and Comparative Law Review*. 2012. Vol. 12. № 1. P. 141—151
11. Kloess J.A., Beech A.R., Harkins L. Online Child Sexual Exploitation: Prevalence, Process and Offender Characteristics // *TRAUMA, VIOLENCE, & ABUSE*. 2014. Vol. 15(2). P.

126—139. doi: 10.1177/1524838013511543

12. Kloess J.A., Hamilton-Giachritsis Catherine E., Beech Anthony R. Offense Processes of Online Sexual Grooming and Abuse of Children Via Internet Communication Platforms // Sexual Abuse. 2017. Vol. 311. P. 73—96
13. McAlinden, A.M. "Setting 'em up": Personal, familial and institutional grooming in the sexual abuse of children // Social and Legal Studies. 2006. Vol. 15. P. 339—362. doi:10.1177/0964663906066613
14. O'Connell R. A typology of child cybersexploitation and online grooming practices [Электронный ресурс] // Cyberspace Research Unit, University of Central Lancashire. 2003. URL: http://www.jisc.ac.uk/uploaded_documents/lis_PaperJPrice.pdf (Дата обращения: 25.09.2019)
15. O'Donohue W.T., Fanetti M. Forensic interviews regarding child sexual abuse: a guide to evidence-based practice // Cham: Springer International Publishing: Imprint: Springer. 2016. P. 368. doi: 10.1007/978-3-319-21097-1
16. Pranoto H., Gunawan F.E., Soewito B. Logistic Models for Classifying Online Grooming Conversation // Procedia Computer Science. 2015. Vol. 59. P. 357—365
17. Suler J. The online disinhibition effect [Электронный ресурс] // Cyberpsychology & Behavior. 2004. Vol. 7 (3). P. 321—326. URL: <http://dx.doi.org/10.1089/1094931041291295> (Дата обращения: 25.09.2019)
18. Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J. Internet-initiated sex crimes against minors: Implications for prevention based on findings from a national study // Journal of Adolescent Health. 2004. Vol. 35 (5). P. 11—20
19. Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G. A review of online grooming: Characteristics and concerns // Aggression and Violent Behavior. 2013. Vol. 18 (1). P. 62—70

Features of online grooming as a form of sexual exploitation of minors (based on the analysis of communication between adults and children in the Internet)

Medvedeva A.S., Senior forensic expert of Federal State Budgetary Institution “North-Western Regional Center of Forensic Expertise” of the Ministry of Justice of The Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia (98765_89@mail.ru).

Dozortseva E.G., Doctor in Psychology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory for Child and Adolescent Psychology, Federal State Budgetary Institution “V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia (edozortseva@mail.ru).

Online grooming as a form of sexual exploitation of minors is a serious problem for the modern world. This phenomenon is actively reflected in foreign studies, yet in Russia it is still insufficiently studied, despite its high occurrence. Using 67 indicators of communicative activities, 77 transcripts of Internet correspondence between adults and minors with sexual content and including the implementation of online grooming were analyzed. As a result of a qualitative analysis and implementation of descriptive statistics methods, 3 main communicative goals that adults pursued were identified. It is emphasized that almost all adults expressed a desire to have sex with minors in the real world. The article presents the main stages of communication between adults and minors and the implemented grooming tactics. Special attention is devoted to the peculiarities of the reaction of minors to online grooming. A conclusion about the general vulnerability of minors to sexual harassment is made, as well as a conclusion about the need for further research on online grooming and the development of preventive measures.

Key words: online grooming, the Internet, communication, children, sexual activities, sexual exploitation.

References

1. Dozortseva E.G., Medvedeva A.S. Sexual online grooming as an object of psychological research. Psychology and law psyandlaw.ru 2019. Vol. 9. no.2. P. 250—263. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. P. 250—263. doi: 10.17759/psylaw.2019090217
2. Al-Hateeb H.M., Epiphaniou G. How technology can mitigate and counteract cyberstalking and online grooming // Computer Fraud & Security. 2016. Vol. 1. P. 14—18

3. *Briggs P., Simon W.T., Simonsen S.* An exploratory study of Internet-initiated sexual offenses and the chat room sex offender: Has the Internet enabled a new typology of sex offender? // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2011. Vol. 23 (1). P. 72—91
4. *Craven S., Brown S., Gilchrist E.* Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations // *Journal of Sexual Aggression*. 2006. Vol. 12. P. 287—299
5. *Cossins A.* The hearsay rule and delayed complaints of child sexual abuse: The law and the evidence // *Psychiatry, Psychology and Law*. 2002. Vol. 9 (2). P. 163—176. doi:10.1375/13218710260612055
6. *Davidson J., Grove-Hills J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Webster S.* Online Abuse: Literature Review and Policy Context [Электронный ресурс] // Prepared for the European Commission Safer Internet Plus Programme. 2011. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/514d/6c44b24a5c0f27ee543360ee4b449d56739f.pdf> (Accessed: 25.09.2019)
7. *Davidson J., Gottschalk P.* Online Groomers: Profiling, Policing and Prevention' Dorset // Russell House Publishing Ltd. 2010. P. 189
8. *Webster S., Davidson J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Grove-Hills J.* European Online Grooming Project final report. [Электронный ресурс] // European Union. 2012. URL: <http://www.european-online-grooming-project.com/> (Accessed: 25.09.2019)
9. *Gillespie Alisdair A.* Child Protection on the Internet Challenges for Criminal Law [Электронный ресурс] // *Child and Family Law Quarterly*. 2002. Vol. 14. № 4. P. 411—425. URL: <https://ssrn.com/abstract=2084816> (Accessed: 25.09.2019)
10. *Klimek L.* Solicitation of Children for Sexual Purposes: The New Offence in the EU (Under the Directive 2011/92/EU) // *International and Comparative Law Review*. 2012. Vol. 12. № 1. P. 141—151
11. *Kloess J.A., Beech A.R., Harkins L.* Online Child Sexual Exploitation: Prevalence, Process and Offender Characteristics // *TRAUMA, VIOLENCE, & ABUSE*. 2014. Vol. 15(2). P. 126—139. doi: 10.1177/1524838013511543
12. *Kloess J.A., Hamilton-Giachritsis Catherine E., Beech Anthony R.* Offense Processes of Online Sexual Grooming and Abuse of Children Via Internet Communication Platforms // *Sexual Abuse*. 2017. Vol. 311. P. 73—96
13. *McAlinden, A.M.* "Setting 'em up": Personal, familial and institutional grooming in the sexual abuse of children // *Social and Legal Studies*. 2006. Vol. 15. P. 339—362. doi:10.1177/0964663906066613
14. *O'Connell R.* A typology of child cybersexploitation and online grooming practices [Электронный ресурс] // Cyberspace Research Unit, University of Central Lancashire. 2003. URL: http://www.jisc.ac.uk/uploaded_documents/lis_PaperPrice.pdf (Accessed: 25.09.2019)

15. *O'Donohue W.T., Fanetti M.* Forensic interviews regarding child sexual abuse: a guide to evidence-based practice // Cham: Springer International Publishing: Imprint: Springer. 2016. P. 368. doi: 10.1007/978-3-319-21097-1
16. *Pranoto H., Gunawan F.E., Soewito B.* Logistic Models for Classifying Online Grooming Conversation // Procedia Computer Science. 2015. Vol. 59. P. 357—365
17. *Suler J.* The online disinhibition effect [Электронный ресурс] // Cyberpsychology & Behavior. 2004. Vol. 7 (3). P. 321—326. URL: <http://dx.doi.org/10.1089/1094931041291295> (Accessed: 25.09.2019)
18. *Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J.* Internet-initiated sex crimes against minors: Implications for prevention based on findings from a national study // Journal of Adolescent Health. 2004. Vol. 35 (5). P. 11—20
19. *Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G.* A review of online grooming: Characteristics and concerns // Aggression and Violent Behavior. 2013. Vol. 18 (1). P. 62—70

Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве

Карпова А.В., инспектор третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления, Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации, лейтенант юстиции, Москва, Россия (tku-psy@yandex.ru)

Михайлова Ю.А., кандидат психологических наук, старший инспектор третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления, Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации, старший лейтенант юстиции, Москва, Россия (tku-psy@yandex.ru)

Чижова Д.С., кандидат психологических наук, старший инспектор третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления, Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации, старший лейтенант юстиции, Москва, Россия (tku-psy@yandex.ru)

В статье рассматриваются проблемы оценки качества, надежности и достоверности показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Представлена разработанная авторами схема психологического анализа показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, основанная на исследованиях и опыте, как зарубежных, так и отечественных специалистов и экспертов. Практика психологического сопровождения расследования преступлений психологами Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации показала, что психологический анализ показаний наиболее востребован в двух случаях: при необходимости быстрой оценки показаний несовершеннолетних для принятия неотложных процессуальных решений и при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, когда показания ребенка являются ключевым доказательством. В статье приведены примеры использования данной схемы анализа при расследовании конкретных уголовных дел и рассмотрении материалов доследственных проверок.

Ключевые слова: юридическая психология, детская юридическая психология, психология показаний; следственная практика; несовершеннолетние участники

уголовного судопроизводства; психологическое сопровождение расследования преступлений.

Для цитаты:

Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2019(9). № 4. С. 174-186.

doi: 10.17759/psylaw.2019090413

For citation:

Karpova A.V., Mikhaylova Yu.A., Chizhova D.S. Possibilities of a psychological analysis of the testimonies of juvenile witnesses and victims in criminal proceedings. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.174-186. doi: 10.17759/psylaw.2019090413

Споры о том, можно ли доверять показаниям несовершеннолетних, ведутся с начала XX века. За последние пятьдесят лет в юридической психологии проведено достаточно много исследований, посвященных точности, надежности и достоверности детских показаний. Также активно развивались методы судебной психолого-психиатрической экспертизы способности несовершеннолетних давать показания.

На сегодняшний день в отечественной практике экспертиза отвечает на вопрос о потенциальной способности ребенка правильно воспринимать события, имеющие значение для расследования, и давать о них показания. При этом в настоящее время в рамках судебной психолого-психиатрической экспертизы не анализируются качество и содержание показаний, а также возможные источники искажений и посторонние влияния. Нерешенным остается вопрос о том, какова вероятность искажений, привнесений и влияния внушающего воздействия на содержание конкретных показаний ребенка.

Таким образом, психологический анализ показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства становится на сегодняшний день одним из наиболее востребованных практических направлений юридической психологии.

Исходя из практики работы психологов Следственного комитета Российской Федерации, необходимость в проведении анализа показаний чаще всего возникает в двух случаях. Во-первых, когда показания ребенка являются ключевым доказательством по уголовному делу. Часто данная ситуация возникает в ситуации расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Во-вторых, когда необходимо быстро оценить, является ли информация, предоставляемая несовершеннолетним, достаточно надежной. Например, при расследовании безвестного исчезновения малолетнего нередко возникают ситуации, когда, желая помочь следствию, несовершеннолетние свидетели сообщают самую разную, зачастую противоречивую, информацию о пропавшем.

Практика психологического сопровождения расследований показала необходимость разработки методов оценки качества, надежности и достоверности конкретных показаний несовершеннолетнего. Разрабатывая подход к анализу показаний несовершеннолетних, мы обратились к зарубежному опыту. Разработка схем психологического анализа показаний несовершеннолетних восходит к «гипотезе Ундойча». В соответствии с этой гипотезой свидетельские показания, основанные на реально пережитом опыте, качественно и по содержанию отличаются от сфабрикованных или основанных на заблуждении.

Впоследствии М. Steller и G. Köhnken, систематизировав проведенные исследования, сформировали список из 19 «признаков реальности», которые легли в основу исследовательской оценочной процедуры «Criteria Based Content Analysis» (CBCA, «критериальный контент-анализ»). Данная оценочная процедура, в свою очередь, является центральной в методе оценки валидности утверждений (ОВУ).

Наиболее развернутая схема анализа показаний несовершеннолетних представлена в работах швейцарских авторов (R. Ludewiq, S. Baumer, D. Tavor). Они предлагают сложную схему экспертизы показаний несовершеннолетних, включающую в себя критериальный контент-анализ, дополненный целым рядом аналитических процедур (структурный анализ, сравнительный анализ, анализ возникновения и развития показаний etc). Поскольку данный метод является экспертным, он ограничен жесткими требованиями к качеству анализируемого материала. Ключевым вопросом экспертизы является выяснение, насколько вероятно то, что определенное лицо со своими индивидуальными особенностями при соответствующих ограничениях могло бы выдумать показания предъявленного качества, не являясь свидетелем события.

В отечественной юридической психологии также проводились исследования, направленные на выделение критериев психологической достоверности показаний. Например, О.Д. Ситковская рассматривала проблему психологической оценки достоверности показаний свидетелей. Она ввела понятие психологических признаков достоверности показаний.

Наша практика психологического сопровождения следственных действий с участием несовершеннолетних показала, что наиболее эффективным в вопросах оценки качества показаний является комплексный подход, включающий анализ материалов уголовного дела (доследственной проверки), очное психологическое обследование ребенка, а также дополнительный сбор информации от законных представителей и других лиц.

В зависимости от задач анализа используемая схема может варьироваться, включая в себя основные блоки:

- анализ индивидуальных особенностей несовершеннолетнего, оценка «потенциала воображения свидетеля»;
- анализ показаний на основе признаков реальности;
- структурное сравнение, сравнение качества показаний по существу уголовного дела и по нейтральным аспектам;
- анализ постоянства показаний;

- выявление возможных источников ошибок;
- анализ возникновения показаний и их развитие;
- мотивационный анализ (выявление мотивации оговора);
- динамика поведения на следственных действиях;
- взаимодействие с законным представителем.

1. Анализ индивидуальных особенностей несовершеннолетнего

Данный блок раскрывает когнитивные возможности несовершеннолетнего. К ним относятся не только уровень развития его познавательной сферы и речи, но и степень влияния индивидуальных психологических защит, эмоционального реагирования и состояния, отношения к криминальной ситуации и ситуации процессуальных и непроцессуальных мероприятий на способность воспринимать и воспроизводить информацию.

Так, например, в работе по уголовному делу, возбужденному по факту демонстрации неустановленным мужчиной своих половых органов несовершеннолетней, девушка с высоким уровнем развития познавательных функций была настолько напряжена и взволнована необходимостью вспомнить обстоятельства преступления и внешность преступника для составления субъективного портрета, что большая часть беседы была направлена на снятие травматических последствий деликта. Высокий уровень тревожности, тенденция к отсроченному аффекту, эмоциональная чувствительность оказали дезорганизующее воздействие на возможность давать показания, а также привели к защитной изоляции воспоминаний о внешности преступника.

К этому же блоку относятся возрастные особенности несовершеннолетних, такие как возможность перекодировки визуальных образов в вербальные, сформированность понятий множества и абстрактных понятий, а также осведомленность о половых отношениях.

Например, дети дошкольного и младшего школьного возраста, дающие показания по уголовным делам по фактам пролонгированного сексуального злоупотребления, на вопрос о количестве эпизодов насилия могут говорить: «сто, нет, двести раз». В данном случае мы имеем дело с возрастными особенностями восприятия числа, т.е. ребенок не пытается ввести нас в заблуждение, а выражает субъективное понимание чрезмерности и многократности преступлений.

Данный блок анализа опирается, в первую очередь, на результаты экспресс-диагностики, проводимой психологом в ходе беседы с ребенком, а также на результаты судебной психолого-психиатрической экспертизы. Экспресс-диагностика индивидуальных особенностей ребенка в ходе психологического сопровождения следственных действий осуществляется методом наблюдения и проведения структурированного интервью. При необходимости отдельные аспекты могут быть исследованы с применением различных методик психологической диагностики (оценка понимания речи, уровня внушаемости, зависимости от окружения), в том числе проективных методов для оценки личностных черт и особенностей взаимоотношений в семье.

В своей практике мы используем понятие «потенциал воображения свидетеля». Данное понятие введено в швейцарском подходе к анализу показаний несовершеннолетних и означает соотношение уровня познавательного развития ребенка, его когнитивного стиля, развитости воображения и фантазии и когнитивной сложности данных им показаний. Говоря о потенциале воображения свидетеля, мы отвечаем на вопрос: мог ли ребенок с имеющимися у него особенностями придумать то, о чем он рассказал, не имея реального опыта переживания описанных событий. Так, при анализе показаний детей, отстающих в развитии, зачастую мы можем констатировать тот факт, что когнитивные ограничения не позволили бы им сконструировать те показания, которые они дали, без опоры на реальный опыт.

2. Анализ показаний на основе признаков реальности

Анализ показаний на основе признаков реальности проводится с помощью методики оценки валидности утверждений (ОВУ), которая наиболее полно на русском языке описана в книге О. Фрая «Ложь: три способа выявления. Как читать мысли лжеца. Как обмануть детектор лжи». Критериальный контент-анализ может проводиться с использованием балльных систем, но существуют разные подходы к количественной оценке признаков реальности. До сих пор нет единого мнения о предпочтительном варианте подсчета, и наибольшие трудности возникают с определением относительной значимости каждого из критериев. В связи с этим мы используем данный метод исключительно в формате качественного анализа свободного рассказа ребенка.

Для получения свободного рассказа несовершеннолетнего представляется необходимым внедрение в практику расследований преступлений с участием несовершеннолетних протокола следственного опроса Национального института здоровья и развития человека (NICHD), который создает условия для получения наиболее полных и неискаженных показаний ребенка.

Применение методики оценки валидности утверждений ограничивается тем, что в ряде случаев из-за возрастных и индивидуальных особенностей ребенка не представляется возможным получить полноценный свободный рассказ о событиях преступления. В таком случае с рядом ограничений возможно применение данного подхода для анализа информации, полученной путем структурированного опроса ребенка.

В нашей практике наиболее информативными показали себя общие характеристики анализа: логическая структура, неструктурированное изложение информации, количество подробностей. В случае, если показания не основаны на реальном опыте, возраст ребенка будет оказывать наиболее сильное влияние на логическую структуру: чем младше ребенок, тем больше логических несостыковок будет в рассказе. К примеру, малолетняя говорит, что отец избивает мать. На уточняющий вопрос, как он это делает, девочка рычит и изображает царапающееся животное. При дальнейших расспросах признается, что не знает, как именно он ее избивает.

Одним из примеров логического несоответствия является ситуация, когда описываемое ребенком поведение участников событий не соответствует естественной психологической логике. Так, малолетний рассказывает, что после однократно совершенного в отношении него сексуального насилия он отправился к соседке играть в игровую приставку и есть чипсы. Малолетняя потерпевшая сообщает, что стала звонить

родителям, оставаясь на месте преступления рядом с преступником, а не поднялась на один пролет вверх по лестнице до своей квартиры, где в тот момент находились ее старший брат и бабушка.

Одним из критериев показаний, не основанных на реальных событиях, является неспособность отойти в описании от последовательной структуры изложения. Уточняющие вопросы, возвращающие ребенка к разным временным отрезкам события, вызывают реакции раздражения и злости. Часто для ответа на уточняющий вопрос ребенок вынужден вернуться к пересказу целого фрагмента показаний.

Стоит отметить, что одним из значимых признаков, свидетельствующих о том, что показания ребенка основаны на реальном опыте, является наличие в показаниях точно воспроизведенных, но неверно истолкованных деталей. Так, пятилетняя потерпевшая, находящаяся в больнице после изнасилования, сообщает о том, что «дед бил в живот ножом». При этом девочка верно демонстрирует локализацию, направление и фрикционный характер движений. Таким образом малолетняя трактует непонятные ей действия насильника, исходя из имеющегося у нее опыта. Трехлетняя девочка на рисунке отца схематически изображает половой орган и тестикулы, при этом поясняет, что «у папы три писи».

3. Структурное сравнение, сравнение качества показаний по существу уголовного дела и по нейтральным аспектам

Для проведения структурного сравнения необходимо получить свободный рассказ ребенка на нейтральную тему. Этой цели может служить тренинг эпизодической памяти, входящий в состав протокола NICHD. Рассказ ребенка на свободную тему дает представление об особенностях его речи, богатстве или бедности словарного запаса, сложности построения фраз, возможности самостоятельного развернутого описания.

Резкое изменение речевых характеристик в сторону улучшения или ухудшения качества рассказа о событиях преступления по сравнению с рассказом о нейтральных событиях может служить признаком подготовленности показаний как в результате установочного поведения, так и в результате конструирования и фантазирования. К примеру, ребенок дошкольного возраста использует в описании криминальной ситуации речевые конструкции и термины, не характерные для его возрастного периода, при этом он не может дать свободный рассказ о нейтральных событиях без организующей помощи взрослого. Либо ребенок достаточно свободно и подробно рассказывает о нейтральных событиях, но не способен описать обстоятельства совершенного в отношении него преступления, не может ответить на уточняющие вопросы, где и при каких условиях это происходило.

4. Анализ постоянства показаний

При наличии показаний, данных в разное время, их сравнение является важным источником выявления искажения и неточностей.

Существует ожидаемая изменяемость показаний, связанная с естественными процессами забывания. Однако дословная повторяемость показаний может свидетельствовать об их подготовленности. При этом основное содержание событий, последовательность действий, участники события, условия освещенности не должны

изменяться. Одним из часто встречающихся признаков в показаниях, не основанных на реальном опыте, являются изменения последовательности событий.

Важно отметить, что при сравнении показаний надо с осторожностью относиться к содержанию протоколов, если мы не уверены, что в них дословно отражены показания ребенка. Качественный анализ постоянства показаний возможен при условии дословного протоколирования или видеозаписи следственных действий.

5. Выявление возможных источников ошибок

Данный блок включает в себя анализ события, о котором несовершеннолетний дает показания. Необходимо проанализировать следующие факторы: перцептивную сложность ситуации (освещенность, удаленность, ракурс и длительность восприятия), когнитивную сложность ситуации (количество элементов, превышающих объем внимания, наличие в ситуации сложных причинно-следственных связей), эмоционально-личностная значимость для человека, стрессогенность вплоть до субъективного ощущения угрозы жизни, новизну ситуации и соответствие имеющемуся опыту.

Так, например, у малолетних потерпевших, переживших вооруженное нападение на школу в городе Перми в 2018 г., отмечались многочисленные искажения показаний, связанные с тем, что ситуация восприятия характеризовалась крайней внезапностью, стрессогенностью, угрозой жизни, новизной и сложностью (большое количество людей, хаотичные передвижения).

Малолетние или потерпевшие с отставаниями в развитии, не имеющие представления о половом акте, часто описывают изнасилование как проникновение или избиение палкой или ножом. Данное искажение происходит из-за замещения непонятных для потерпевших действий или обстоятельств на наиболее похожие представления, имеющиеся в их опыте.

6. Анализ возникновения показаний и их развитие

Данный блок очень важен и информативен в анализе показаний в целом, особенно в тех случаях, когда сообщение о преступлении происходит отсрочено либо когда потерпевший сообщает о продолжительных систематических противоправных действиях в его отношении. Анализ возникновения показаний раскрывает наличие признаков внушающего воздействия (особенно косвенного), мотивации оговора, а также выявляет несоответствие психологической логике поведения участников деликта.

Для анализа истории возникновения показаний необходимо получить полное представление о том, кому, когда и при каких обстоятельствах стало известно о преступлении, каково отношение близких потерпевшего к произошедшему, какие действия предпринимались потерпевшим и его близкими в связи с обнаружением информации о преступлении. К сожалению, в существующей следственной практике данный аспект часто остается без должного внимания, в связи с чем при отсутствии указанной информации необходимо опросить законного представителя и/или человека, которому ребенок сообщил (намекнул) о преступлении. Дополнительно должны быть проанализированы методы опросов, которым подвергался потерпевший, и содержание бесед о криминальной ситуации с законными представителями, медицинскими и социальными работниками и другими специалистами.

Например, малолетний потерпевший сообщал, что в отношении него неоднократно совершались иные действия сексуального характера. В допросе он говорит, что друзья матери засовывали ему в «попу половой член», при этом «недосовывали» его так, что ему не было больно. В беседе с опекуном удалось установить, что после проведения судебно-медицинской экспертизы она в частном порядке спросила у эксперта в присутствии малолетнего, имеются ли у ребенка повреждения. На что эксперт ответила, что повреждений нет, но также сообщила, что «в последнее время педофилы стали очень хитрые и часто специально недосовывают половой член, чтобы не нанести повреждений».

В первую очередь необходимо ориентироваться на объяснимость причин сообщения о деликте, а также реакции всех участников на ситуацию раскрытия информации о преступлении. Признаками возможного искажения являются неясность и неопределенность ситуации, в которой стало известно о преступлении, отсутствие описания конкретных событий, несоответствие поведенческих реакций потерпевшего и его родных психологической логике, их базовым личностным чертам и привычным паттернам поведения. Особое внимание надо обратить на те случаи, когда законные представители имели ничем не обоснованные подозрения о деликте и систематически расспрашивали малолетнего о возможном сексуальном насилии, поскольку данная ситуация оказывает очень сильное косвенное внушающее воздействие на ребенка.

В случае сообщения о реальном событии должны быть понятны психологические причины того, почему ребенок не сообщал о преступлении ранее и почему сообщил сейчас. Примером такого раскрытия информации о преступлении спустя длительное время после деликта может служить следующая ситуация. Малолетняя девяти лет, читая с матерью книгу о половом воспитании, соответствующую ее возрасту, увидела картинку, схематически изображающую половой акт, и сообщила матери, что «мы так же с дедушкой делали». Выяснилось, что данный факт имел место три года назад, когда девочка близко общалась с дедушкой, и в тот период она не сообщила о преступлении, поскольку сохранение тайны было условием сохранения хороших отношений с дедушкой.

7. Мотивационный анализ (выявление мотивации оговора)

В большинстве случаев мотивационный анализ требует проведения дополнительного психологического обследования. В зависимости от ситуации необходимо исследовать сферу отношений в семье, в коллективе сверстников, а также сферу ценностных ориентаций и эмоционально-личностную зрелость. Полезно исследовать отношение ребенка к ситуации расследования, его представление о справедливом наказании преступника. Задачей мотивационного анализа является выявление признаков мотивации оговора: материальная выгода потерпевшего или законного представителя, сильная обида и желание наказать, стремление избежать наказания со стороны обвиняемого, ревность. В ряде случаев подростки осознанно идут на оговор в преступлениях сексуального характера человека, систематически подвергающего их психологическому, эмоциональному или физическому насилию. Многие девушки-подростки, стремясь прекратить оскорбления, унижения и другие формы эмоционального насилия, осознанно идут на оговор отца или отчима в сексуальном злоупотреблении. В настоящее время в сети Интернет и СМИ достаточно легко найти информацию, позволяющую наиболее эффективно обвинить кого-либо в сексуальном насилии.

Отдельную категорию представляют собой уголовные дела или материалы доследственных проверок, возникающие на фоне конфликтной ситуации бракоразводного процесса. В данном случае требуется особо тщательный мотивационный анализ ситуации возникновения показаний потерпевшего и его законных представителей. Здесь мы можем наблюдать весь спектр искажений – от осознанного оговора с целью получения материальной выгоды до неосознанного желания несовершеннолетнего поддержать одного из родителей. Возможна и обратная ситуация, когда ребенок, поддерживая значимого близкого, отказывается от дачи показаний о совершенном преступлении.

В случае, если в поведении ребенка мы наблюдаем признаки мотивационного конфликта, необходимо тщательно исследовать источники его возникновения.

8. Динамика поведения на следственных действиях.

Анализ поведения несовершеннолетнего в ходе следственных действий позволяет выявлять признаки искажения или сокрытия информации. Наблюдая и анализируя поведение ребенка в ходе следственного действия либо беседы, мы можем заметить признаки внутреннего конфликта, отражающего столкновение противоположных мотивационных направленностей. Сопrotивление установлению контакта, не имеющее под собой каких-то объективных причин, во многих случаях может свидетельствовать о нежелании говорить правду. Часто такая ситуация может возникать, если ранее ребенок по каким-либо причинам сообщил недостоверную информацию и теперь боится или стесняется в этом признаться.

Например, девятилетний мальчик, ранее обвинивший соседа в совершении действий сексуального характера, войдя в кабинет, сразу демонстративно сел вполоборота к специалисту и на протяжении всей беседы старался не показывать никаких эмоций (сжимал губы, чтобы не улыбнуться), в ходе беседы был напряжен, смотрел в стену перед собой. При видимой в мимике и пантомимике смене эмоций мальчик продолжал избегать контакт.

Говоря об установлении контакта, также стоит упомянуть его динамику. Часто признаком внутреннего конфликта является то, что ребенок достаточно контактен и общителен в беседе на нейтральные темы, но резко прерывает контакт при переходе к разговору о криминальной ситуации, при этом мгновенно восстанавливает контакт, возвращаясь к нейтральным темам. В отличие от выпадения из контакта в результате травматических переживаний, прерывание контакта при сокрытии информации происходит резко и целенаправленно.

В той ситуации, когда ребенок вынужден исказить факты или что-то скрывать, его эмоциональное состояние остается стабильно напряженным с тенденцией к повышению напряжения, в то время как при рассказе о реальных травматических событиях напряжение возрастает по мере приближения к кульминации рассказа, после чего наступает заметная эмоциональная разрядка.

В ряде случаев, когда ребенок осознанно скрывает или искажает информацию, можно наблюдать, так называемый, «эффект горькой конфеты» – когда после следственного действия ребенка благодарят за хорошую работу и предлагают угощение или маленький подарок, он испытывает стыд, замешательство и негативные эмоции.

Еще один вариант поведенческой динамики, которая может указывать на установочное поведение, – это активная обвиняющая позиция. Например, четырехлетняя девочка на вопрос психолога, знает ли она о цели беседы, ответила «конечно, знаю, я пришла рассказать о том, что мой папа плохой человек, избивал маму и кусал мою писю». Далее при ответе на каждый вопрос, в том числе не касающийся ее отношений с отцом, девочка продолжала рассказывать, что ее папа очень плохой. После указала на предмет черного цвета и сказала, что ее отец «вот такой черный-пречерный», не демонстрируя в поведении никаких признаков тревоги и напряжения.

9. Взаимодействие с законным представителем

Чтобы оценить влияние искажающих факторов, необходимо отслеживать степень включенности и воздействия законного представителя во время следственного действия. Следует отмечать как прямое влияние на ребенка (инструкции, замечания, вмешательство в рассказ ребенка, эмоциональные и оценочные комментарии), так и косвенное эмоциональное воздействие (эмоциональные реакции, вздохи, повышенная двигательная активность).

Необходимо выявлять попытки осознанных и неосознанных манипуляций со стороны законных представителей, признаки противодействия следствию, устойчивость и коррегируемость попыток воздействия.

Анализ общей линии и отдельных элементов поведения законного представителя позволяет оценить его мотивацию, а следовательно выявить признаки наличия мотивации оговора и установочного поведения у ребенка.

Также следует отмечать, насколько ребенок ориентирован на реакции законного представителя, ищет его поддержки, обращается к нему, просит ответить за себя, включает его в эмоциональные манипуляции, позволяющие не отвечать самому.

В заключение хотим отметить, что важнейшими принципами нашего подхода к анализу показаний являются максимальная полнота и комплексность. Ни один из критериев, или даже блоков анализа, сам по себе не является достаточно надежным методом выявления искажений информации. При формулировании общих выводов необходимо сопоставить результаты анализа по разным блокам, рассмотреть имеющиеся противоречия и выявить их возможные причины. При анализе показаний важно рассмотреть все альтернативные гипотезы, объясняющие те или иные аспекты поведения ребенка. Если какую-либо из альтернативных гипотез невозможно исключить, опираясь на имеющиеся показатели, она должна быть отражена в выводах анализа.

Специалист, проводящий психологический анализ показаний, должен обладать обширными познаниями как в области возрастной и клинической психологии, так и в области психологии показаний (юридической психологии). Анализ поведенческих реакций несовершеннолетнего требует развитых навыков клинической психодиагностики детей и подростков.

Практика анализа показаний является новым направлением в отечественном уголовном судопроизводстве, но уже зарекомендовала себя как крайне востребованная следствием. При проведении доследственной проверки психологический анализ показаний несовершеннолетнего дает следователю возможность принять обоснованное решение об

отказе либо в возбуждении уголовного дела. При расследовании уголовных дел, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних, определение показаний, заслуживающих доверия, позволяет следствию сконцентрироваться на приоритетной версии.

В практике специалистов-психологов СК РФ психологический анализ показаний осуществляется в рамках исследования, а полученная информация является ориентирующей для следствия. Результаты оформляются в форме справки, содержание которой отражает ключевые признаки надежности или ненадежности показаний. Процессуальное закрепление выводов возможно в форме допроса специалиста.

Литература

1. *Васкэ Е.В.* Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. – 310 с.
2. *Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г.* Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 47–56. doi: 10.17759/jmfp.2015040306
3. *Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
4. *Ситковская О.Д., Коньшева Л.П.* Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе: науч.-метод. пособие. М., 2001. 72 с
5. *Фрай О.* Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 284 с.
6. *Экман П.* Почему дети лгут? : пер. с англ. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 272 с.
7. *Ludewig R., Baumer S., Tavor D.* Aussagepsychologie für die Rechtspraxis «Zwischen Wahrheit und Lüge». Z.: Dike AG, 2017. 520 с.
8. *Fanetti M., O'Donohue W., Fondern Happel R., Daly K.* Forensic child psychology. Working in the Courts and Clinic. NJ: John Wiley & Sons, 2015. 340 с.

Possibilities of a Psychological Analysis of the Testimonies of Juvenile Witnesses and Victims in Criminal Proceedings

Karpova A.V., inspector of the third division of the Forensic Technology Directorate of Main Forensic Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, lieutenant of justice, Moscow, Russia (tku-psy@yandex.ru)

Mikhailova Y.A., senior inspector of the third division of the Forensic Technology Directorate of Main Forensic Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, senior lieutenant of justice, Moscow, Russia, Россия

Chizhova D.S., PhD in Psychology, senior inspector of the third division of the Forensic Technology Directorate of Main Forensic Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, senior lieutenant of justice, Moscow, Russia

---

The article estimates the issues of quality control, credibility and accuracy of testimonies of minor witnesses and victims. The scheme of psychological analysis developed by the authors of the testimony of minors in criminal proceedings based on the research and experience of both foreign and domestic experts is presented. The practice of psychological support for the investigation of crimes by psychologists of the Main Department of Criminalistics (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation showed that a psychological analysis of the testimony is in top-requested in two cases in particular: as may be required as a quick assessment of the testimony of minors for urgent procedural decisions and when investigating crimes against sexual integrity, when the testimony of a child are key evidence. The article provides examples of the use of this analysis scheme in the investigation of specific criminal cases and the consideration of materials of pre-investigation checks.

Keywords: legal psychology, child legal psychology, psychology of evidence; investigative practice; minor participants in criminal proceeding; psychological support for crime investigation.

References

1. Vaske E.V. Psikhologiya doprosa nesovershennoletnikh pravonarushitelei i zhertv seksual'nogo nasiliya [Psychology of interrogation of juvenile offenders and minor victims of sexual violence]. Moscow: Publ. Genezis, 2014. 312 p.
2. Dozortseva E.G., Afanasieva A.G. Otsenka dostovernosti svidetel'skikh pokazanii nesovershennoletnikh [Elektronnyi resurs] [Assessment of juveniles' testimonies validity]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. 2015. Vol. 4. no 3. pp. 47-56. doi: 10.17759/jmfp.2015040306
3. Engalychev V.F., Kravtsova G.K., Kholopova E.N. Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza po vyyavleniyu priznakov dostovernosti/nedostovernosti informatsii,

soobshchaemoi uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva (po videozapisyam sledstvennykh deistvii i operativno-rozysknykh meropriyatii) [Forensic psychological assessment to identify signs of reliability/unreliability of information reported by the participants of criminal proceedings (on videos of investigative actions and operational-search activities)]: monografiya. Moscow: Yurlitinform, 2016. 328 p.

4. Sitkovskaya O.D., Konysheva L.P. Psikhologicheskaya ekspertiza nesovershennoletnikh v ugolovnom protsesse [Psychological assessment of minors in criminal proceedings.]. Nauchno-metodicheskoe posobie [Scientific and methodical manual]. Moscow, 2001. 72 p.
5. Frai. O. Lozh'. Tri sposoba vyyavleniya. Kak chitat' mysli lzhetsa, kak obmanut' detektor lzhi [Lie. Three methods of detection. How to read a liar's minds, how to deceive a lie detector]. Saint-Petersburg.: Praim-EVROZNAK, 2006. 284 p.
6. Ekman P. Pochemu deti lgut? [Why kids lie?]. Moscow: Pedagogika-Press, 1993. 272 p.
7. Ludewig R., Baumer S., Tavor D. Aussagepsychologie für die Rechtspraxis «Zwischen Wahrheit und Lüge». Zürich: Dike AG, 2017 – 520 p.
8. Fanetti M., O'Donohue W., Fondern Happel R., Daly K. Forensic child psychology. Working in the Courts and Clinic. New Jersey: John Wiley & Sons, 2015 340 p.

Специфика понимания обмана в пожилом и старческом возрасте

Мелёхин А.И., кандидат психологических наук, клинический психолог высшей квалификационной категории Многопрофильного медицинского центра Лагуна-Мед г. Москвы, старший преподаватель Гуманитарного института имени П.А. Столыпина, Москва, Россия (clinmelehin@yandex.ru)

В статье показано, что начиная с 61—74 лет у человека наблюдаются парциальные изменения в понимании обмана с преобладанием эмоционально-эгоцентрического сдвига. Отсутствуют трудности в понимании социальной ситуации и способности делать выводы о ложных убеждениях только одного человека (репрезентации «первого» порядка). В пожилом (61—74 лет) и старческом (75—90 лет) возрастах наблюдается *дефицит репрезентаций «второго» порядка модели психического*. Описан феномен отрицания социокогнитивных изменений или специфической когнитивной анозогнозии, т. е. большинство людей позднего возраста не замечают изменения в понимании обмана. Выделены общие предикторы понимания обмана: социодемографические (уровень образования) и психологические (симптомы депрессии, чувство одиночества, удовлетворенность качеством жизни, субъективный возраст). Также выделены возрастно-специфические предикторы: изменения в семейном, рабочем статусе, когнитивном функционировании и полиморбидность.

Ключевые слова: обман, понимание обмана, модель психического, пожилой возраст, старческий возраст, виктимизация, мошенничество, социальное познание.

Для цитаты:

Мелёхин А.И. Специфика понимания обмана в пожилом и старческом возрасте. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 187-210. doi: 10.17759/psylaw.2019090414

For citation:

Melekhin A.I. Specificity of understanding of deception at presenile and senile age. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.187-210. doi: 10.17759/psylaw.2019090414

Введение

В последнее время по отношению к людям пожилого и старческого возраста увеличивается физическое, психологическое и финансовое жестокое обращение [1]. Каждый

третий человек пожилого возраста за последние 9—12 месяцев был легко введен в заблуждение, становился жертвами мошенничества, делал нерациональные финансовые решения [1; 29].

Понимание обмана требует от пожилого человека подавления неактуальной информации, эгоцентрических тенденций (emotional egocentricity bias [26]), позитивного когнитивного смещения (emotion-related positively bias [25]) при обработке социо-эмоциональных стимулов, чтобы понять, что другие люди могут иметь ложные взгляды и негативные намерения [18]. Чтобы распознавать обман требуется такая метакогнитивная способность, как *модель психического*, а точнее, ее *когнитивный компонент* (cognitive theory of mind), позволяющий пожилому человеку понять убеждения, искренность намерений другого человека с учетом динамически меняющегося социального контекста для предсказания его возможного поведения и принятия взвешенного решения [14; 15].

На протяжении всей жизни когнитивный компонент модели психического претерпевает периоды «взлетов» и «падений», следует U-образному развитию, что показано как в отечественных [2], так и зарубежных [6; 7; 9; 15; 19; 21; 28; 29] исследованиях. В отличие от молодых, люди пожилого и старческого возраста делают больше ошибок в понимании ложных убеждений [6; 21; 28; 29; 36]. Эти изменения получили различные названия: *социокогнитивного* (social cognitive deficits [10]), *прагматического дефицита*, или «сбоя» (pragmatic language deficits [3;9]); *дефицита репрезентаций «второго» порядка модели психического* (second-order ToM deficits [23; 28; 33]).

Наличие этих изменений сопровождается сниженной чувствительностью к восприятию *предупреждающих знаков* о возможных негативных и рискованных действиях со стороны других людей [5]. Это увеличивает риски пожилого человека стать жертвой социальной эксплуатации и мошенничества, а также самому совершить преступление [30], приводят к высокому семейному стрессу и эмпатическому дистрессу, т. е. к трудностям устанавливать доверительные и дружеские отношения с другими людьми [18]. Все это сопровождается снижением удовлетворенности социальным качеством жизни, социальной изоляцией с последующими рисками развития большого эпизода депрессии и совершения суицида [23]. В основе этих изменений лежит *полиэтиологичность*, индивидуальный профиль когнитивных, психических, неврологических и личностных уязвимостей, присущих пожилому человеку [2; 14; 24; 32; 34]. Таким образом, наличие изменений в понимании обмана является актуальной проблемой в области гериатрической помощи и вообще в заботе о благополучии пожилых людей [6].

Оценка состояния эмоционального компонента модели психического у гериатрических пациентов долгое время недооценивалась и упоминалась только в DSM-IV при диагностике *расстройств личности* [10]. Однако ряд исследований показал [5; 10; 11; 14; 23; 30; 32; 33; 35], что изменения в когнитивном компоненте модели психического (понимание обмана) являются одним из симптомом определенных неврологических и психических расстройств представленных нами на рис. 1.

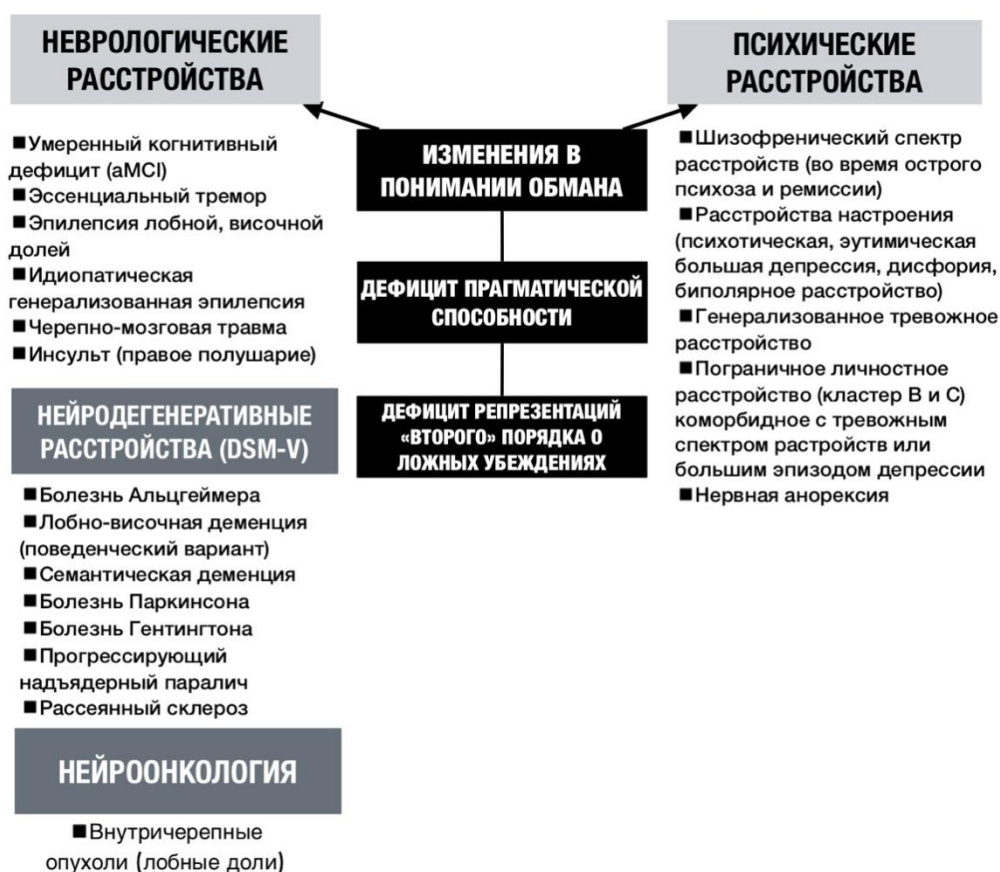

Рис. 1. Изменения в понимании обмана при неврологических и психических расстройствах

В DSM-V одним из компонентов для определения степени выраженности *нейрокогнитивных расстройств* (major or mild neurocognitive disorder), а также дифференциации их подтипов помимо нейропсихологического обследования является оценка понимания обмана (рис. 1) [10]. В зарубежной гериатрической практике при обследовании пожилых людей с симптомами: умеренного когнитивного дефицита амнестического типа (аМСІ) [22], расстройствами настроения [34; 35], расстройств тревожного спектра [20; 34], с соматоформными расстройствами с болевым синдромом [38], ПТСР [35], рассеянным склерозом [8] и даже хронической бессонницей [13] рекомендуется наряду с соматической и нейропсихиатрической оценкой обязательно проводить скрининг состояния модели психического.

В отечественной геронтопсихологической практике по-прежнему существует дефицит исследований по диагностическому инструментарию, направленному на оценку понимания обмана. Не описаны возрастнo-специфические особенности и предикторы, влияющие на понимание обмана в пожилом и старческом возрасте.

Материал и методы

Социально-демографическая и клинико-anamнестическая характеристика участников исследования. Все респонденты проходили диспансеризацию в Консультативно-диагностическом центре № 2 г. Москвы и были разделены на три возрастные группы с учетом систематизированных нами биопсихосоциальных критериев границ пожилого и старческого возрастов [2] (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика респондентов трех возрастных групп

Характеристики выборки	Группы респондентов		
	55—60 лет	61—74 лет	75—90 лет
Всего респондентов	120	120	50
Средний возраст, лет (M±SD)	56,6±1,8	66,7±3,9	79,4±3,5
Соотношение по полу (%/n)			
Мужчины	14 (17)	11 (13)	22 (11)
Женщины	86(103)	89 (107)	78 (39)
Количество лет, затраченных на получение образования (M±SD)	13,7 ±1,2	13,5±1,3	13,1±1,0
Семейный статус (%/n)			
Состоят в браке	52 (62)	40 (48)	24(12)
Вдовство	14 (17)	22 (26)	62 (31)
Разведены	34 (41)	38 (46)	14 (7)
Рабочий статус (%/n)			
Работают	60 (72)	42 (51)	12 (6)
Не работают	40 (48)	58 (69)	88 (44)
Злоупотребление алкоголем (%/n)	4 (5)	7 (8)	6 (3)
Курение (%/n)	20 (24)	29 (35)	14 (7)

Назначенные и принимаемые препараты (%/n)			
Гипотензивная терапия	28 (37)	49 (59)	78 (39)
Сахароснижающая терапия	11 (13)	29 (35)	31 (15)
Ноотропная терапия	20 (24)	40 (48)	76 (37)
Сосудистая терапия	23 (27)	46 (55)	78 (39)
Терапия НПВП	39 (47)	66 (79)	89 (44)
Удовлетворенность состоянием здоровья (%/n)			
Очень не удовлетворен(а)	27 (32)	29 (34)	42 (21)
Ни плохо, ни хорошо	31 (38)	41 (49)	48 (24)
Очень удовлетворен(а)	42 (50)	31 (37)	10 (5)
Удовлетворенность качеством жизни (%/n)			
Плохо	6 (7)	22 (26)	16 (8)
Ни плохо, ни хорошо	33 (40)	65 (78)	62 (31)
Хорошо	61 (73)	13 (16)	22 (11)

Примечание: НПВП — нестероидные противовоспалительные препараты.

Выборке исследования были присущие следующие особенности: 1) преобладание женщин (феномен «феминизации стареющего населения»); 2) половина людей пожилого возрастов разведены (феномен «серебряной сепарации»); 3) неопределенная оценка здоровья и качества жизни (феномен «неопределенности»); 4) злоупотребление нестероидными противовоспалительными препаратами (феномен «зависимости от НПВП»).

Критерии исключения:

- осложненная коморбидность (гериатрическая шкала кумулятивности расстройств, CIRS-G >24 баллов);
- сенсорные нарушения: слух (пресбиакузис), зрение (высокие аномалии рефракции, диабетическая ретинопатия, дальтонизм);
- оценка когнитивного функционирования (по Монреальской шкале оценки когнитивных функций, MoCA <26 баллов);
- нейродегенеративные заболевания и неврологические заболевания (опухоли, сосудистые поражения, нейроинфекции, эпилепсия, черепно-мозговые травмы);

- наличие аффективного спектра расстройств, психотической симптоматики, гипоманиакальных и маниакальных симптомов. Оценка симптомов гериатрической депрессии (по гериатрической шкале оценки депрессии, GDS-30 > 20 баллов);
- наличие негативизма со стороны пожилого человека; признаки формального отношения к обследованию, отказ человека позднего возраста, его родственников и/или доверительных лиц от участия в исследовании.

Методики исследования.

I. **Комплексная гериатрическая оценка состояния здоровья:** гериатрическая шкала кумулятивности расстройств (CIRS-G, Miller et al, 1992); шкала оценки субъективного возраста Б. Барака (Cognitive age-decade scale, Barak, 1987); краткий опросник качества жизни Всемирной организации здравоохранения (WHOQOL-BREF, WHOQOL Group, 1998); Монреальская шкала оценки когнитивных функций (MoCA, Nasreddine, 2005); гериатрическая шкала оценки депрессии (GDS-30, Yesavage, 1983); Калифорнийская шкала оценки чувства одиночества (R-UCLA-LS, Russell, 1996).

II. **Понимание обмана.** Использовался тест, направленный на оценку способности прагматической интерпретации жизненных событий Е. Виннер (Pragmatic interpretation short stories, Winner's Task) [37]. В отличие от традиционных тестов, построенных на основе Салли-Энн теста (Sally-Anne test, S. Baron-Cohen), или теста «Песочница» (Sandbox task, J.A. Sommerville), этот тест основан на *нарративной форме*. Эта форма подачи стимульного материала вызывает у респондента различную эмоциональную реакцию, основанную на идентификации с героями рассказа, позволяет детальнее выявить специфику и тип интерпретации ситуации, понимания обмана. Тест состоит из пяти коротких рассказов, общий объем которых 250 слов (рис. 2).

У Дарьи была прекрасная дача с огородом, на котором она все лето выращивала овощи. У ее соседки Ларисы был также огород, но все ее растения погибали. Лариса хотела порадовать мужа салатом из овощей, поэтому она решила сорвать помидоры с огорода Дарьи.

1) Лариса взяла помидоры в огороде Дарьи?
Да/Нет

В тот момент Дарья была на кухне и видела, как Лариса срывала помидоры с грядок.

2) Поняла ли Дарья, что Лариса сорвала помидоры с ее огорода?
Да/Нет

Когда Лариса собирала помидоры, она заметила, как Дарья смотрит на нее из окна. Во время ужина муж Ларисы спросил у нее, откуда она взяла такие вкусные помидоры. Лариса сказала, что сорвала их с огорода Дарьи. Муж спросил у Ларисы: «Дарья знает, что ты сорвала их?»

3) Как Вы думаете, что Лариса ответила ему?

- А) Да, Дарья знает, что я сорвала ее помидоры.
- Б) Нет, Дарья не знает, что я сорвала ее помидоры.

4) Думала ли Лариса, что сказанное ей - правда? Да/Нет

На следующий день, когда соседки встретились, Дарья спросила Ларису: «Ты случайно не знаешь, куда пропали помидоры с моей грядки?» Лариса ответила: «А разве их сейчас там нет?»

5) Когда Лариса ответила Дарье, что не знает, куда пропали помидоры, думала ли она, что та поверит ей? Да/Нет

6) Когда Лариса сказала, что не знает куда пропали помидоры, она хотела:

- А) Солгать, чтобы избежать разоблачения.
- Б) Сострить, чтобы скрыть смущение.

Рис. 2. Пример стимульного материала теста, направленного на оценку способности прагматической интерпретации жизненных событий Е. Виннер

В предъявляемых историях описываются жизненные ситуации, в которых *герой-свидетель* наблюдает или замечает проступок *героя-нарушителя*. Сам *герой-нарушитель* знает, что он был замечен героем-свидетелем. Чтобы скрыть это и не быть пойманным, герой-нарушитель использует ложное высказывание [37].

Инструкция: «Вам будут предъявлены различные истории, в которых описываются поступки людей. В ходе прочтения каждой истории Вам будет предложено ответить на ряд вопросов» (табл. 2).

Таблица 2

Типы вопросов в тесте на оценку способности прагматической интерпретации жизненных событий

	Тип вопроса	Примеры	Диагностическая цель вопроса
	Фактический вопрос <i>(Fact question)</i>	Лариса сорвала помидоры в огороде Дарьи?	Этот вопрос задается, чтобы удостовериться, что респонденты понимают сюжет, способны запоминать определенное количество информации, для того чтобы сделать правильное суждение о соответствующей фактической информации

	<p>Вопрос «первого» порядка <i>(First-order belief question)</i></p>	<p>Поняла ли Дарья, что Лариса сорвала помидоры с ее огорода?</p>	<p>Это вопрос требует от респондента понимания психического состояния героя-свидетеля. Вопрос направлен на то, чтобы оценить, понимает ли респондент, что герой-свидетель знает или не знает правду, т. е. был свидетелем или не был им, когда герой-нарушитель совершал неправильное действие</p>
	<p>Вопрос «второго» порядка <i>(Second-order true or false belief question)</i></p>	<p>Как Вы думаете, что Лариса ответила ему (мужу о сделанном)?</p>	<p>Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, респондент должен сформировать <i>представления</i> главного героя о знаниях героя-свидетеля</p>
	<p>Уточняющий вопрос «второго» порядка <i>(Second-order belief follow-up question)</i></p>	<p>Думала ли Лариса, что сказанное ей правда?</p>	<p>Этот вопрос задается только в случае, если респондент неправильно ответил на предыдущий вопрос, чтобы удостовериться в правильном понимании репрезентации «второго» порядка</p>
	<p>Вопрос ожидания <i>(Second-order expectation question)</i></p>	<p>Когда Лариса ответила Дарье, что не знает, куда пропали помидоры, думала ли она, что та поверит ей?</p>	<p>Оценивает мотивацию участника на понимание репрезентаций «второго» порядка о психическом состоянии героя-нарушителя</p>
	<p>Вопрос на понимание обмана <i>(Lie comprehension question)</i></p>	<p>Когда Лариса сказала, что не знает, куда пропали помидоры, она хотела: а) солгать, чтобы избежать разоблачения; б) сострить, чтобы скрыть смущение</p>	<p>Оценивает способность интегрировать всю информацию по прочитанной истории для того, чтобы сделать вывод о намерениях героя-нарушителя</p>

Интерпретация:

- *Индекс понимания обмана.* Согласно ключу, за каждый правильный ответ присваивается 1 балл, за неверный — 0. Всего 6 вопросов и 5 историй. Максимальный балл — 30.
- *Специфика состояния репрезентаций о психическом состоянии другого человека «первого» (2-й вопрос) и «второго» (3-й вопрос) порядка.*

Нами был проведен перевод на русский язык и валидизация данного теста. Показана высокая надежность-согласованность для оценки *обмана*. Для всего теста (α Кронбаха=0,88), репрезентации «первого» (0,73) и «второго» (0,67) порядка о намерениях другого человека [2].

Обработка и анализ данных проводились с помощью программы IBM SPSS v.23 с использованием дисперсионного анализа (с применением апостериорного критерия Шеффе); критерия Краскела—Уоллиса и множественного регрессионного анализа (с применением теста Собеля).

Результаты исследования

Гериатрический статус респондентов. Он указывает на наличие *старческой преастинии* (pre-frailty) при которой наблюдается легкая степень полиморбидности. В группах 61—74 и 75—90 лет по сравнению с группой 55—60 лет наблюдалась тенденция к снижению удовлетворенности качеством жизни (табл. 3).

Таблица 3

Гериатрическая оценка состояния здоровья респондентов

Компоненты гериатрической оценки	55—60 лет (A)		61—74 лет (B)		75—90 лет (C)		p-значения
	n=120		n=120		n=50		
	M	SD	M	SD	M	SD	
Субъективный возраст							
Хронологический возраст	56,6	1,8	66,7	3,9	79,4	3,5	
Субъективный возраст (Cognitive age-decade scale)	49,05	6,9	58,4	6,39	70,4	5,2	AB**, AC**, BC**
Физическое здоровье							
Индекс полиморбидности (CIRS-G) [56]	6,08	1,8	8,02	1,5	10,02	2,2	AB**, AC**, BC**

Удовлетворенность качеством жизни									
Общий индекс КЖ (WHOQOL-BREF) [400]	216,8	46,7	180,7	49,4	151,7	38,7	AB**, AC**, BC**		
Когнитивное функционирование									
Индекс когнитивного статуса (MoCA) [30]	29,1	0,72	27,9	0,97	26,9	0,8	AB**, AC**, BC*		
Симптомы гериатрической депрессии									
Индекс симптомов депрессии (GDS-30) [30]	9,8	3,3	13,1	3,4	15,9	3,8	AB**, AC**, BC**		
Субъективное чувство одиночества									
Индекс чувства одиночества (R-UCLA-LS) [60]	39,3	5,42	43,3	5,4	47,8	6,08	AB**, AC**, BC**		

Примечание. В квадратных скобках указан максимальный балл по методике. «**» — $p < 0,01$; «*» — $p < 0,05$ при попарном сравнении групп А, В, С с помощью критерия Краскела—Уоллиса.

По сравнению с пожилым возрастом (55—60 и 61—74 лет) в группе старческого возраста (75—90 лет) наблюдаются большая выраженность симптомов субклинической гериатрической депрессии и глубина переживаний чувства одиночества. Несмотря на это, присутствует *положительно-ориентированная когнитивная иллюзия возраста*: в группе 55—60-летних оценивали свой субъективный возраст на 7,5 лет, 61—74-летних — на 7,6 лет, а 75—90-летних — на 8,1 лет «моложе» хронологического возраста.

Ресурсное значение понимания обмана. Перед выполнением обследования респондентам задавался следующий вопрос: «Считаете ли Вы способность понимать обман ресурсом благополучного старения?». Большинство респондентов 55—60 (93%), 61—74 (97%) и 75—90 (95%) лет отмечали, что умение понимать обман является ресурсом благополучного старения, так как помогает не стать жертвой обмана и махинаций. 7% 55—60-летних, 3% 61—74-летних и 5% 75—90-летних респондентов указали, что понимание обмана — это «не ресурс, а сложная способность, которой нужно учиться и постигать всю жизнь» (ж, 67¹), «обманывают каждый день, не успеваешь распознать» (ж, 72).

¹ *Примечание.* Пол: ж — женский; м — мужской; далее — хронологический возраст.

Особенности понимания обмана. В старческом возрасте (76—90 лет), по сравнению с пожилым (55—60 и 61—74 лет), наблюдаются изменения в способности делать *прагматические интерпретации*, т. е. понимать обман (табл. 4).

Таблица 4

Специфика распознавания обмана в трех возрастных группах респондентов

Компоненты Winner's task	55—60 лет (А)		61—74 лет (В)		75—90 лет (С)		р-значения
	n=120		n=120		n=50		
	М	SD	М	SD	М	SD	
Индекс распознавания обмана [30]	27,2	1,64	24,1	2,74	21,7	1,53	AB**, AC**, BC**
Основные субкомпоненты							
Фактический вопрос [5]	4,6	0,43	4,5	0,58	4,3	0,34	-
Репрезентации «первого» порядка [5]	4,5	0,59	4,3	0,81	3,9	0,95	-
Репрезентации «второго» порядка [5]	4,1	1,27	3,9	1,14	3,2	1,49	AC*
Вопрос ожидания «второго» порядка [5]	4,2	1,52	3,9	1,38	3,3	1,28	AC*
Вопрос интерпретация [5]	4,1	1,45	3,6	2,3	3,1	0,9	AC*

Примечание. В квадратных скобках указан максимальный балл по параметрам теста. «**» — $p < 0,01$; «*» — $p < 0,05$ при попарном сравнении групп А, В, С с помощью критерия Краскела—Уоллиса.

91% 55—60-летних, 88% 61—74-летних и 75% 75—90-летних респондентов правильно распознавали обман. Меньше всего наблюдалось ошибок в *фактическом вопросе* понимания социального контекста (рис. 3).

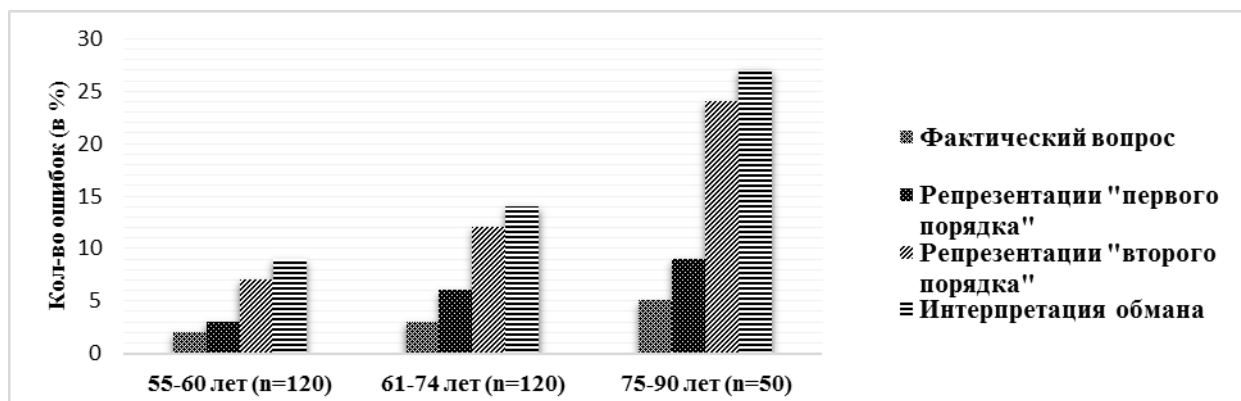

Рис. 3. Ошибки в тесте прагматической интерпретации жизненных событий Е. Виннер у респондентов трех возрастных групп

Начиная с 61—74 лет у человека наблюдается рост ошибок в вопросе на оценку репрезентаций «второго» порядка, которые позволяют узнавать не только чье-либо представление о психических состояниях, намерениях (репрезентации «первого» порядка), но и понимать, что думает один человек о состоянии, убеждениях другого человека. Этот факт говорит о симптомах дефицита в оценке репрезентаций высшего порядка о психических состояниях других людей.

Проведенный дисперсионный анализ по схеме «тип истории (обман)×группы респондентов» показал, что у группы 75—90-летних выявлен значительный дефицит приписывания репрезентаций «второго» порядка ($F=16,9$; $df 1,17$; $p<0,01$). При понимании обмана у респондентов 61—74 и 75—90-летних наблюдались различия в интерпретации намерений, при большем количестве ошибок в старческом возрасте. Также проводился дисперсионный анализ взаимосвязи «возраст × тип истории × типа вопросов». Он рассчитывался по схеме « $3 \times 1 \times 5$: фактор возраста группы, тип истории (обман) и тип вопросов». Выявлен вклад хронологического возраста в использование репрезентаций «второго» порядка ($F=17,1$; $df 1,23$; $p<0,01$), что объясняется тем, что респонденты старческого возраста менее точны, чем респонденты пожилого возраста в ответе на этот вопрос.

Понимание вопроса ожидания «второго» порядка вызывало трудности у респондентов трех возрастных групп. Напомним, что этот вопрос задавался по окончании истории и оценивал мотивацию респондента использовать репрезентаций «второго» порядка о психическом состоянии героя-нарушителя для понимания его намерений. Понимание вопроса ожидания «второго» порядка было лучше у респондентов 55—60 лет, нежели у респондентов 61—74, 75—90 лет. Обнаружено влияние хронологического возраста ($F=18,7$; $df 2,11$; $p<0,01$) на точность при ответе на данный вопрос. Применение апостериорного критерия Шеффе показало, что существует связь между пониманием когнитивных репрезентаций «второго» порядка у респондентов трех групп и интерпретацией намерений другого человека ($r=0,412; 0,400; 0,382$; $p<0,01$). Это говорит о том, что люди пожилого и старческого возраста используют свое понимание психического состояния главного героя в отношении героя-свидетеля, чтобы построить соответствующую прагматическую интерпретацию намерения героя-нарушителя.

Предикторы понимания обмана. Выделены *общие социодемографические* (уровень образования) и *психологические* (симптомы депрессии, чувство одиночества, удовлетворенность качеством жизни) факторы, определяющие понимание обмана (табл. 5).

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа (методом пошагового включения) связи социодемографических характеристик, гериатрического статуса и понимания обмана у респондентов трех возрастных групп

Зависимая переменная	Предикторы	Beta		
		55—60 лет	61—74 лет	75—90 лет
Индекс распознавания обмана	Уровень образования	0,219*	0,200*	0,183*
	Семейное положение	0,221*	0,215*	-
	Рабочий статус	-	0,182*	-
	Полиморбидность (CIRS-G)	-	-	0,160*
	Когнитивное функционирование (MoCA)	-	-	0,147*
	Симптомы депрессии (GDS-30)	-0,300*	-0,377**	-0,380**
	Чувство одиночества (R-UCLA-LS)	-0,271*	-0,342**	-0,320*
	Удовлетворенность качеством жизни (WHOQOL-BREF)	0,301*	0,353**	0,376**
	Субъективный возраст (Cognitive age-decade scale)	-0,200*	-0,257*	-
Данные эмпирической модели зависимости				
N		120	120	50
R ²		0,510	0,588	0,523
Значимость модели (p)		0,001	0,001	0,001
Константа		17,443**	18,410**	17,390**

Примечание: «*» — предиктор значим на уровне $p < 0,05$; «**» — предиктор значим на уровне $p < 0,01$.

В пожилом возрасте (55—60 и 61—74 лет) *семейный статус* влияет на понимание обмана. Рабочий статус, продолжение трудовой деятельности начинает выступать предиктором состояния понимания обмана у респондентов 61—74 лет. Отметим, что у респондентов 55—60 и 61—74 лет к этим предикторам добавляется психологический фактор — более «молодой» субъективный возраст. В старческом возрасте значение приобретает медицинский фактор как *полиморбидность* и психологический фактор — *когнитивное функционирование*. На рис. 4 показано, что наблюдается опосредованное влияние хронологического возраста на понимание обмана ($z=-3,71$; $p<0,01$).

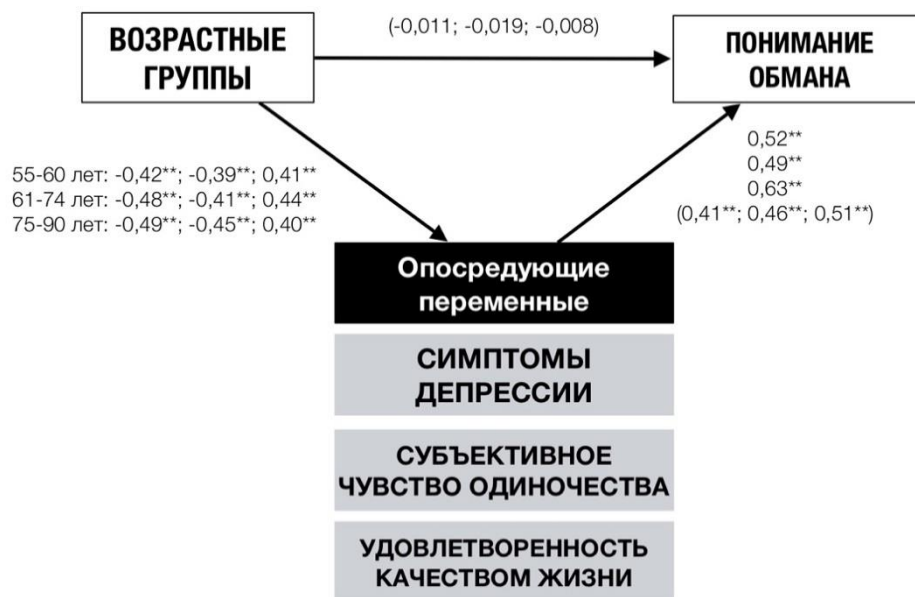

Рис. 4. Регрессионная модель, предсказывающая опосредованное влияние психического статуса на понимание обмана в позднем возрасте. В скобках указаны стандартизированные веса регрессии между переменными, контролирующими третью переменную: «**» — $p < 0,01$

В трех возрастных группах симптомы депрессии, чувства одиночества и удовлетворенность качеством жизни выступают опосредующими факторами, влияющими на состояние и мотивацию понимать обман в позднем возрасте.

Метакогнитивный мониторинг понимания обмана. Мы отметили рассогласование у респондентов между самооценкой и объективными показателями понимания обмана. Респондентам задавались следующие вопросы: «Замечаете ли Вы изменения в способности распознавать эмоции по лицу, понимать обман?», «Если, да, то как это изменения влияют Вашу повседневную жизнь?». Большинство респондентов 55—60 (78%), 61—74 (79%) и 75—90 (71%) лет ответили, что не замечают изменений в понимании обмана; это говорит о феномене «отрицания социо-когнитивных изменений» или о *специфической когнитивной анозогнозии* (specific cognitive anosognosia) [16; 21; 23], что согласуется с *моделью осознания когнитивных изменений* (cognitive awareness model, R. Morris, D. Mograbi [5]).

Обсуждение результатов

Полученные нами данные о понимании обмана согласуются с рядом зарубежных исследований, которые показали, что изменения в способности понимать небуквальные высказывания начинаются после *60 лет*, резко снижаются через *10 лет* [6; 7; 19; 21; 29] и часто выступают маркером психологического неблагополучия [12; 23; 30; 31] и риска развития умеренного когнитивного дефицита [22; 32].

Специфика изменений в понимании обмана. Показано, что наблюдаются *парциальные* изменения в основе которых лежит переплетение, с одной стороны, снижения *когнитивных ресурсов*, необходимых для понимания ложных убеждений, с другой стороны — *мотивационного социо-эмоционального смещения* (по теории социально-эмоциональной селективности Л. Карстенсен [25]), т. е. избирательного желания понимать намерения другого из-за сдвигов в жизненных целях, максимализма эмоционального удовлетворения «здесь и сейчас». Нами показано, что *фактическое понимание социального контекста* и построение *репрезентаций «первого» порядка о психическом состоянии* (развиваются в возрасте 4—5 лет) не вызывает трудностей в позднем возрасте, что согласуется с результатами ряда исследований [6; 15; 29; 31; 34]. Однако происходят изменения в построении *репрезентаций «второго» порядка* (развиваются в 6—7 лет), которые позволяют оценить намерения множества людей одновременно, что согласуется с рядом исследований [7; 12; 14; 15; 17; 19; 21; 36]. Эти изменения являются критическим предиктором социальной компетентности [21]. Они больше полагаются на состояние *когнитивных ресурсов*, которым с возрастом свойственна реорганизация [14; 19; 22; 28]. Например, происходит снижение способности контролировать автоматические социальные ответы, использовать стереотипные паттерны поведения без учета прошлого опыта, что делает пожилого человека более склонным к предрассудкам, социальной дезинформации и неадекватному поведению [34].

Эмоционально-эгоцентрической сдвиг при понимании обмана. Люди пожилого и старческого возраста используют свое понимание намерений другого человека, или однонаправленную перспективу, игнорируя другие возможные варианты, что согласуется с данными Р. Флисса [14]. Этот феномен получил название *когнитивный эгоцентризм*, как способность подавлять собственное восприятие ситуации с опорой на собственный опыт. В позднем возрасте происходят изменения в этом процессе. Согласно *модели селективной оптимизации и компенсации П. Балтеса* (model of selection, optimization, and compensation, Р.В. Baltes [2]), этот феномен следует рассматривать как компенсаторный механизм позволяющий минимизировать трудности в понимании психических состояний других людей [6; 14], так же как форму стрессовой реорганизации психических ресурсов [7; 27].

Психосоциальные предикторы понимания обмана. Показано, что уровень образования, семейный и рабочий статус вносят вклад в понимание обмана в пожилом и старческом возрастах, что согласуется с исследованием М. Шампань-Лавау, которое интерпретирует этот факт через призму *когнитивного резерва У. Стерна* как защитного фактора от когнитивных и психических изменений [9]. Влияние *уровня образования* на понимание небуквальных высказываний в позднем возрасте согласуется с исследованием Р. Флисса, которое рассматривает *уровень образования* как один из когнитивных ресурсов благополучного старения [14]. Показано, что удовлетворенность качеством жизни вносит вклад в понимание обмана в пожилом и старческом возрасте. Изменения в состоянии эмоционального благополучия оказывают воздействие на понимание небуквальных

высказываний в пожилом и старческом возрасте, что подтверждает данные ряда исследований [10; 33; 35], показавших, что эти изменения следует рассматривать как один из когнитивных маркеров наличия симптомов гериатрической депрессии.

Выводы

- Начиная с 61—74 лет, наблюдаются изменения в понимании обмана, эти изменения увеличиваются в возрасте 75—90 лет. Наблюдается феномен *отрицания социокогнитивных изменений*, или *специфическая когнитивная анозогнозии*, т. е. большинство людей позднего возраста не замечают изменения в понимании обмана.
- Не наблюдается трудностей в понимании социальной ситуации и способности делать выводы о ложных мнениях только одного человека (репрезентации «первого» порядка). Однако в пожилом (61—74 лет) и старческом (75—90 лет) возрастах наблюдается *дефицит репрезентаций «второго» порядка модели психического*, т. е. способности оценить намерения множества людей одновременно.
- С целью минимизации трудностей в понимании обмана люди позднего возраста используют такой социокогнитивный компенсаторный механизм, как *эмоционально-эгоцентрический сдвиг*, т. е. понимание психического состояния другого, его намерений с опорой на собственные предпочтения и жизненный опыт.
- Выделены общие предикторы понимания обмана в позднем возрасте: социодемографические (уровень образования) и психологические (симптомы депрессии, чувство одиночества, удовлетворенность качеством жизни). В пожилом возрасте (55—60 и 61—74 лет) изменения в семейном статусе влияют на понимание обмана. Рабочий статус начинает выступать предиктором понимания обмана только у людей 61—74 лет. У людей 55—60 и 61—74 лет к вышеизложенным предикторам понимания обмана добавляются изменения в субъективном возрасте. В старческом возрасте по сравнению с пожилым к предикторам понимания обмана добавляются полиморбидность и изменения в когнитивном функционировании.
- Наличие и степень выраженности симптомов депрессии, чувства одиночества и удовлетворенность качеством жизни выступают опосредующими факторами между возрастом и состоянием способности понимать обман.

Практические рекомендации

Для минимизации виктимизации и улучшения понимания обмана людьми пожилого возраста в гериатрическую практику следует внедрить *трансдиагностический подход* (transdiagnostic approach [32]).

- **Нейропсихиатрический скрининг:** когнитивное функционирование (MoCA; Blessed dementia rating scale), удовлетворенность качеством жизни (WHOQOL-BREF/SF-36), наличие и степень выраженности симптомов гериатрической депрессии (GDS-15/30), чувства одиночества (R-UCLA-LS) и доверчивости (Self- Report Measure of Gullibility) [2;3].
- **Комплексная нейропсихологическая оценка**, включающая оценку социального познания [5; 10; 11] (рис. 5).

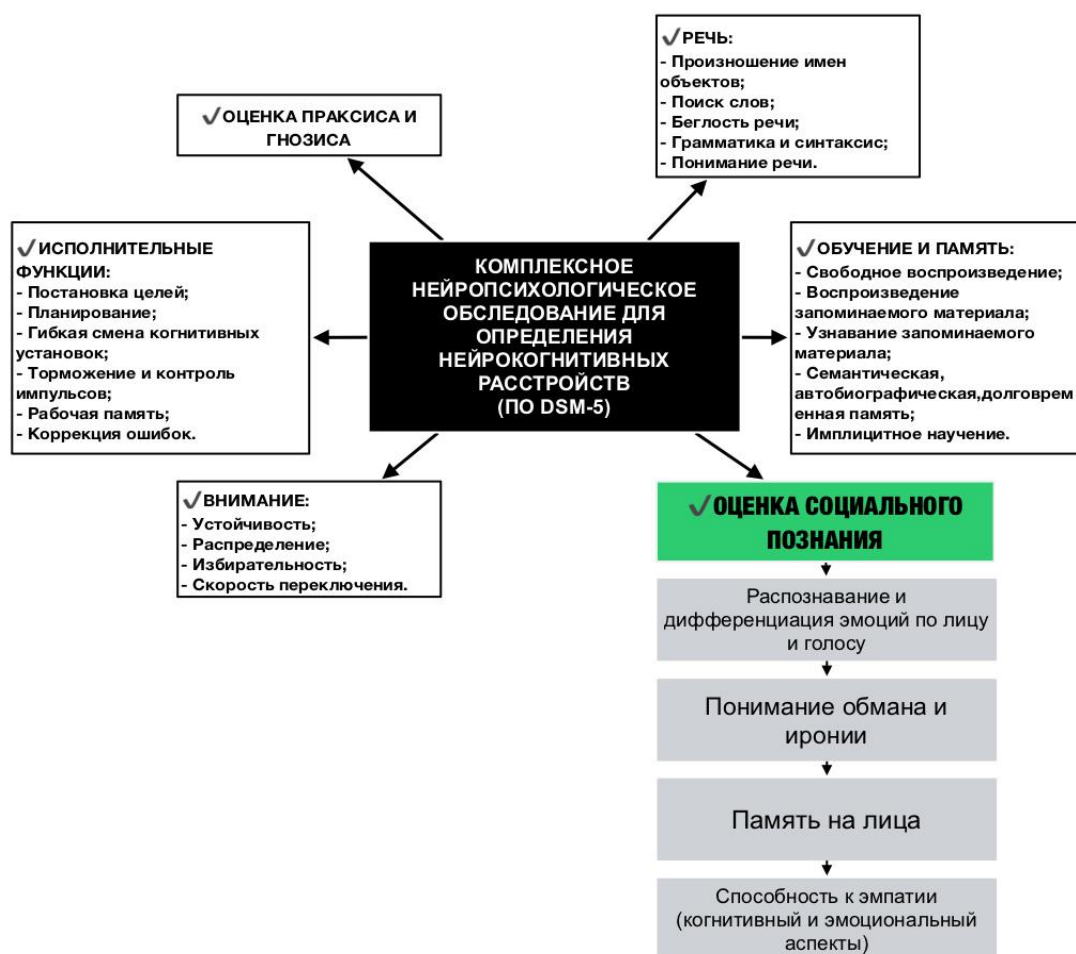

Рис. 5. Компоненты комплексной нейropsихологической оценки для определения нейрокогнитивных расстройств (по DSM-5)

• **Социо-когнитивный тренинг улучшения понимания психических состояний и обмана** С. Боттироли и соавт. [7; 27] — направлен на преодоление эмоционально-эгоцентрического сдвига, распознавание настораживающих знаков и гибкий уход от нежелательного поведения. Учет психических особенностей другого человека в сложных, динамичных социальных ситуациях (двойной блеф, недопонимание, шантаж) [4].

• **Мультимодальная когнитивно-поведенческая психотерапия** (cognitive behavioural intervention with theory of mind; cognitive enhancement therapy) — одновременно направлена на минимизацию симптомов гериатрической депрессии, хронической бессонницы, улучшение когнитивного и эмоционального компонентов модели психического [5; 10; 18].

Литература

1. Горфан Я.Ю. К проблеме виктимизации пожилых людей: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2. № 1. С. 51—59.
2. Мелёхин А.И. Ментальные ресурсы в пожилом и старческом возрасте: дисс. ...канд. психол. наук. М., 2019. 291 с. URL:

<http://www.ipras.ru/engine/documents/document13515.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).

3. Мелёхин А.И. Особенности прагматической функции речи в позднем возрасте: принципы диагностики и пути восстановления // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 39—52. doi:10.17759/jmfp.2017060305
4. Мелёхин А.И. Программа развития модели психического (theory of mind) в поздних возрастах // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4. № 1. С. 110—123.
5. Arioli M., Crespi C., Canessa N. Social Cognition through the Lens of Cognitive and Clinical Neuroscience // Biomed Res Int. 2018. Vol. 4. № 13. P. 1—14. doi: 10.1155/2018/4283427
6. Bernstein D.M., Coolin A., Fischer A.L. False-belief reasoning from 3 to 92 years of age // PloS one. 2017. Vol. 12. № 9. P. 11—21. doi:10.1371/journal.pone.0185345
7. Bottiroli S., Cavallini E. Theory of Mind in aging: Comparing cognitive and affective components in the faux pas test. // Arch Gerontol Geriatr. 2016. Vol. 62. P. 152—162. doi: 10.1016/j.archger.2015.09.009
8. Chalah M.A., Kouv P., Lefaucheur J.P. Theory of mind in multiple sclerosis: A neuropsychological and MRI study // Neurosci Lett. 2017. Vol. 29. P. 108—113. doi: 10.1016/j.neulet.2017.08.055
9. Champagne-Lavau M., Joannette Y. Pragmatics, theory of mind and EF after a right-hemisphere lesion: Different patterns of deficits // J Neuroling. 2009. Vol. 22. P. 413—426. doi: 10.1016/j.jneuroling.2009.02.002
10. Cotter J., Granger K., Backx R. Social cognitive dysfunction as a clinical marker: A systematic review of meta-analyses across 30 clinical conditions // Neurosci Biobehav Rev. 2018. № 84. P. 92—99. doi: 10.1016/j.neubiorev.2017.11.014
11. Dejko K. Examining mentalizing ability in the process of psychiatric and psychotherapeutic diagnosis // Psychiatr Pol. 2015. Vol. 49. № 3. P. 575—584. doi: 10.12740/PP/27303
12. Duval C., Piolino P. Age effects on different components of theory of mind // Conscious Cogn. 2011. Vol. 20. № 3. P. 627—642. doi: 10.1016/j.concog.2010.10.025
13. Erwin J. The Effects of Sleep Quality on Theory of Mind // Undergraduate Honors Thesis Collection. 2016. Vol. 334. P. 10—23.
14. Fliss R., Lemerre M., Mollard A. Performances on a cognitive theory of mind task: specific decline or general cognitive deficits? Evidence from normal aging // Geriatr Psychol Neuropsychiatr Vieil. 2016. Vol. 14. № 2. P. 221—230. doi: 10.1684/pnv.2016.0603
15. Grainger S.A., Henry J.D., Naughtin C.K. Implicit false belief tracking is preserved in late adulthood // J Exp Psychol. 2018. Vol. 71. № 9. P. 1980—1987. doi:

10.1177/1747021817734690

16. *Halberstadt J., Ruffma T., Murray J.* Emotion perception explains age-related differences in the perception of social gaffes // *Psychology and Aging*. 2011. Vol. 26, P. 133—136. doi: 10.1037/a0021366
17. *Hamilton J., Radlak B., Morris P.* Theory of Mind and Executive Functioning Following Stroke // *Arch Clin Neuropsychol*. 2017. Vol. 32. № 5. P. 507—518. doi: 10.1093/arclin/acx035
18. *Hasson-Ohayon I., et al.* Neuro-cognition and social cognition elements of social functioning and social quality of life // *Psychiatry Res*. 2017. Vol. 258. P. 538—543. doi: 10.1016/j.psychres.2017.09.004
19. *Henry J.D., Phillips L.H., Ruffman T.* A meta-analytic review of age differences in theory of mind // *Psychol Aging*. 2013. Vol. 28. № 3. P. 826—839. doi: 10.1037/a0030677
20. *Hezel D.M., McNally R.J.* Theory of Mind Impairments in Social Anxiety Disorder // *Behavior Therapy*. 2014. Vol. 45. № 4. P. 530—540 doi: 10.1016/j.beth.2014.02.010
21. *Maylor E.A., et al.* Does performance on theory of mind tasks decline in old age? // *Br J Psychol*. 2002. Vol. 93. P. 465—485. doi: 10.1348/000712602761381358
22. *Moran J.M.* Lifespan development: the effects of typical aging on theory of mind // *Behav Brain Res*. 2013. Vol. 237. P. 32—40. doi: 10.1016/j.bbr.2012.09.020
23. *Moreau N., Rauzy S., Bonnefoi B.* Different Patterns of Theory of Mind Impairment in Mild Cognitive Impairment // *J Alzheimers Dis*. 2015. Vol. 45. № 2. P. 581—97. doi: 10.3233/JAD-143021
24. *Pezzuti L., Longobardi E., Rossetti S.* The Relation between the Theory of Mind and Socio-Emotional Functioning in a Sample of Older Adults // *J Neurol Psychol*. 2015. Vol. 3. № 2. P. 7—16.
25. *Radecki M.A., Cox S.R., MacPherson S.E.* Theory of mind and psychosocial characteristics in older men // *Psychology and Aging*. 2019. Vol. 34. № 1. P. 145—151. doi: 10.1037/pag0000324
26. *Reed A.E., Carstensen L.L.* The theory behind the age-related positivity effect // *Frontiers in psychology*. 2012. Vol. 339. № 3. P. 19—32. doi: 10.3389/fpsyg.2012.00339
27. *Riva F., Triscoli C.* Emotional Egocentricity Bias Across the Life-Span // *Frontiers in Aging Neuroscience*. 2016. Vol. 74. № 8. doi: 10.3389/fnagi.2016.00074
28. *Rosi A., Cavallini E., Bottiroli S.* Promoting theory of mind in older adults: does age play a role? // *Aging Ment Health*. 2016. Vol. 20. № 1. P. 22—28. doi: 10.1080/13607863.2015.1049118
29. *Ruffman T., Murray J., Halberstadt J.* Age-related differences in deception // *Psychol Aging*. 2012. Vol. 27. № 3. P. 543—9. doi: 10.1037/a0023380

30. *Shany-Ur T., Rankin K.P.* Personality and social cognition in neurodegenerative disease // *Curr Opin Neurol.* 2011. Vol. 24. № 6. P. 550—555. doi: 10.1097/WCO.0b013e32834cd42a
31. *Slessor G., et al.* Exploring the specificity of age-related differences in theory of mind tasks // *Psychology and Aging.* 2007. Vol. 22. № 3. P. 639—643. doi: 10.1037/0882-7974.22.3.639
32. *Strikwerda-Brown C., Ramanan S., Irish M.* Neurocognitive mechanisms of theory of mind impairment in neurodegeneration: a transdiagnostic approach // *Neuropsychiatr Dis Treat.* 2019. Vol. 20. P. 557—573. doi: 10.2147/NDT.S158996
33. *Wang Y.Y., Wang Y., Zou Y.M.* Theory of mind impairment and its clinical correlates in patients with schizophrenia, major depressive disorder and bipolar disorder // *Schizophr Res.* 2017. Vol. 17. P. 17—30. doi: 10.1016/j.schres.2017.11.003
34. *Wang Z., Su Y.* Age-related differences in the performance of theory of mind in older adults: a dissociation of cognitive and affective components // *Psychol Aging.* 2013. Vol. 28. № 1. P. 284—291. doi: 10.1037/a0030876
35. *Washburn D., et al.* Theory of mind in social anxiety disorder, depression, and comorbid conditions // *Journal of Anxiety Disorders.* 2016. Vol. 37. P. 71—77. doi: 10.1016/j.janxdis.2015.11.004
36. *Wellman H.M.* Theory of mind across the lifespan? // *Zeitschrift für Psychologie.* 2018. Vol. 226. № 2. P. 136—138. doi: 10.1027/2151-2604/a000330
37. *Winner E., et al.* Distinguishing lies from jokes: theory of mind deficits and discourse interpretation in right hemisphere brain-damaged patients // *Brain and Language.* 1998. Vol. 62. № 1. P. 89—106. doi: 10.1006/brln.1997.1889
38. *Zunhammer M., Halski A., Eichhammer P.* Theory of Mind and Emotional Awareness in Chronic Somatoform Pain Patients // *PloS one.* 2015. Vol. 10. № 9. P. 1—18. doi:10.1371/journal.pone.0140016

Specificity of Understanding of Deception at Presenile and Senile Age

Melekhin A.I., Candidate in Psychology, Clinical Psychologist of the Highest Qualification Category, Cognitive-Behavioral Psychotherapist, Somnologist-Consultant, Medical center "Laguna Med"; Senior Lecturer, Humanitarian Institute named after P. A. Stolypin, Moscow, Russia (clinmelehin@yandex.ru)

The article shows that since the age of 61-74, partial changes are observed in the understanding of deception with a predominance of an emotional-egocentric shift. There are no difficulties in understanding the social situation and the ability to draw conclusions about the false beliefs of only one person ("first-order" representations). At presenile (61-74 years) and senile (75-90 years) age, there is a shortage of representations of the "second" order of the mental model. The phenomenon of denial of socio-cognitive changes or specific cognitive anosognosia (i.e. most people at senile age do not notice a change in understanding of fraud) is described. General predictors of the deception understanding are highlighted: socio-demographic (level of education) and psychological (symptoms of depression, solitude, satisfaction with the quality of life, subjective age) as well as age-specific predictors: changes in family, work status, cognitive functioning and polymorbidity.

Keywords: deception, understanding of deception, mental model, elderly, senile age, victimization, fraud, social cognition

---

References

1. Gorfan YA. K probleme viktimizatsii pozhilyh lyudej: obzor zarubezhnyh issledovanij [To the problem of victimization of older people: a review of foreign studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology]. 2013. 2. (1). pp. 51—59.
2. Melyohin A.I. Mental'nye resursy v pozhilom i starcheskom vozraste: diss. ...kand. psih. nauk. [Mental resources in the elderly], Moskva, 2019. 291 p. URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document13515.pdf>
3. Melyohin A.I. Osobennosti pragmaticheskoy funktsii rechi v pozdnem vozraste: principy diagnostiki i puti vosstanovleniya [Features of the pragmatic function of speech at a later age: principles of diagnosis and ways of recovery]. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology]. 2017. 6(3). pp. 39—52. doi:10.17759/jmfp.2017060305
4. Melyohin A.I. Programma razvitiya modeli psicheskogo v pozdnykh vozrastah [The program of development of the theory of mind in old ages. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya* [Clinical and special psychology]. 2015. 4(1). pp. 110—123.
5. Arioli M., Crespi C., Canessa N. Social Cognition through the Lens of Cognitive and Clinical Neuroscience. *Biomed Res Int.* 2018. Vol. 4(13). pp. 1-14. doi: 10.1155/2018/4283427.

6. Bernstein D.M., Coolin A., Fischer A.L. False-belief reasoning from 3 to 92 years of age. *PloS one*. 2017. Vol. 12 (9). pp. 11-21. doi:10.1371/journal.pone.0185345
7. Bottiroli S., Cavallini E. Theory of Mind in aging: Comparing cognitive and affective components in the faux pas test. *Arch Gerontol Geriatr*. 2016. Vol.62 (7). pp. 152-162. doi: 10.1016/j.archger.2015.09.009.
8. Chalah M.A., Kouv P., Lefaucheur J.P. Theory of mind in multiple sclerosis: A neuropsychological and MRI study. *Neurosci Lett*. 2017. Vol. 29 (5). pp. 108-113. doi: 10.1016/j.neulet.2017.08.055.
9. Champagne-Lavau M., Joannette Y. Pragmatics, theory of mind and EF after a right-hemisphere lesion: Different patterns of deficits. *J Neuroling*. 2009. Vol. 22 (3). pp. 413-426. DOI: 10.1016/j.jneuroling.2009.02.002
10. Cotter J., Granger K., Backx R. Social cognitive dysfunction as a clinical marker: A systematic review of meta-analyses across 30 clinical conditions. *Neurosci Biobehav Rev*. 2018. Vol.6(84). pp. 92-99. doi: 10.1016/j.neubiorev.2017.11.014.
11. Dejko K. Examining mentalizing ability in the process of psychiatric and psychotherapeutic diagnosis. *Psychiatr Pol*. 2015. Vol. 49(3). pp. 575-584. doi: 10.12740/PP/27303.
12. Duval C., Piolino P. Age effects on different components of theory of mind. // *Conscious Cogn*. 2011. Vol. 20 (3). pp. 627-642. doi: 10.1016/j.concog.2010.10.025.
13. Erwin J. The Effects of Sleep Quality on Theory of Mind. Undergraduate Honors Thesis Collection. 2016. Vol. 334(2). pp. 10-23.
14. Fliss R., Lemerre M., Mollard A. Performances on a cognitive theory of mind task: specific decline or general cognitive deficits? Evidence from normal aging. *Geriatr Psychol Neuropsychiatr Vieil*. 2016. Vol. 14(2). pp. 221-230. doi: 10.1684/pnv.2016.0603.
15. Grainger S.A., Henry J.D., Naughtin C.K. Implicit false belief tracking is preserved in late adulthood. *J Exp Psychol*. 2018. Vol. 71(9). pp. 1980-1987. doi: 10.1177/1747021817734690.
16. Halberstadt J., Ruffma T., Murray J. Emotion perception explains age-related differences in the perception of social gaffes. // *Psychology and Aging*. 2011. Vol. 26(4). pp. 133—136. doi: 10.1037/a0021366
17. Hamilton J., Radlak B., Morris P. Theory of Mind and Executive Functioning Following Stroke. *Arch Clin Neuropsychol*. 2017. Vol. 32(5). pp. 507-518. doi: 10.1093/arclin/acx035.
18. Hasson-Ohayon I., et al. Neuro-cognition and social cognition elements of social functioning and social quality of life.// *Psychiatry Res*. 2017. Vol. 258 (3). pp. 538-543. doi: 10.1016/j.psychres.2017.09.004
19. Henry J.D., Phillips L.H., Ruffman T. A meta-analytic review of age differences in theory of mind. *Psychol Aging*. 2013. Vol. 28(3). pp. 826-839. doi: 10.1037/a0030677.

20. Hezel D.M., McNally R.J. Theory of Mind Impairments in Social Anxiety Disorder. Behavior Therapy. 2014. Vol. 45(4). pp. 530-540 doi: 10.1016/j.beth.2014.02.010
21. Maylor E.A., et al. Does performance on theory of mind tasks decline in old age? Br J Psychol. 2002. Vol. 93 (3). pp. 465-485. doi: 10.1348/000712602761381358
22. Moran J.M. Lifespan development: the effects of typical aging on theory of mind. Behav Brain Res. 2013. Vol. 237 (2). pp. 32-40. doi: 10.1016/j.bbr.2012.09.020.
23. Moreau N., Rauzy S., Bonnefoi B. Different Patterns of Theory of Mind Impairment in Mild Cognitive Impairment. J Alzheimers Dis. 2015. Vol. 45(2). pp. 581-97. doi: 10.3233/JAD-143021
24. Pezzuti L., Longobardi E., Rossetti S. The Relation between the Theory of Mind and Socio-Emotional Functioning in a Sample of Older Adults. J Neurol Psychol. 2015. Vol. 3(2). pp. 7-16.
25. Radecki M.A., Cox S.R., MacPherson S.E. Theory of mind and psychosocial characteristics in older men. Psychology and Aging, 2019. Vol. 34(1). pp. 145-151. doi: 10.1037/pag0000324
26. Reed A.E., Carstensen L.L. The theory behind the age-related positivity effect. Frontiers in psychology. 2012. Vol. 339(3). pp. 19-32. doi:10.3389/fpsyg.2012.00339
27. Riva F., Triscoli C. Emotional Egocentricity Bias Across the Life-Span. Frontiers in Aging Neuroscience. 2016. Vol. 74(8). doi: 10.3389/fnagi.2016.00074
28. Rosi A., Cavallini E., Bottiroli S. Promoting theory of mind in older adults: does age play a role? Aging Ment Health. 2016. Vol. 20(1). pp. 22-28. doi: 10.1080/13607863.2015.1049118.
29. Ruffman T., Murray J., Halberstadt J. Age-related differences in deception. Psychol Aging. 2012. Vol. 27(3). pp. 543-549. doi: 10.1037/a0023380.
30. Shany-Ur T., Rankin K.P. Personality and social cognition in neurodegenerative disease. Curr Opin Neurol. 2011. Vol. 24(6). pp. 550-555. doi: 10.1097/WCO.0b013e32834cd42a.
31. Slessor G., et al. Exploring the specificity of age-related differences in theory of mind tasks. Psychology and Aging. 2007. Vol. 22(3). P. 639—643. doi: 10.1037/0882-7974.22.3.639
32. Strikwerda-Brown C., Ramanan S., Irish M. Neurocognitive mechanisms of theory of mind impairment in neurodegeneration: a transdiagnostic approach. Neuropsychiatr Dis Treat. 2019. Vol. 20 (2). pp. 557-573. doi: 10.2147/NDT.S158996.
33. Wang Y.Y., Wang Y., Zou Y.M. Theory of mind impairment and its clinical correlates in patients with schizophrenia, major depressive disorder and bipolar disorder. Schizophr Res. 2017. Vol. 17 (2). pp. 17-30. doi: 10.1016/j.schres.2017.11.003.
34. Wang Z., Su Y. Age-related differences in the performance of theory of mind in older adults: a dissociation of cognitive and affective components. Psychol Aging. 2013. Vol. 28(1). pp. 284-291. doi: 10.1037/a0030876.

35. Washburn D., et al. Theory of mind in social anxiety disorder, depression, and comorbid conditions. *Journal of Anxiety Disorders*. 2016. Vol. 37 (4). pp. 71—77. doi: 10.1016/j.janxdis.2015.11.004
36. Wellman H.M. Theory of mind across the lifespan? *Zeitschrift für Psychologie*. 2018. Vol. 226 (2). pp. 136-138. doi: 10.1027/2151-2604/a000330
37. Winner E., et al. Distinguishing lies from jokes: theory of mind deficits and discourse interpretation in right hemisphere brain-damaged patients. *Brain and Language*. 1998. Vol. 62(1). pp. 89—106. doi: 10.1006/brln.1997.1889
38. Zunhammer M., Halski A., Eichhammer P. Theory of Mind and Emotional Awareness in Chronic Somatoform Pain Patients. *PloS one*. 2015. Vol. 10(9). pp. 1-18. doi:10.1371/journal.pone.0140016

Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации; заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия (safuanovf@rambler.ru)

Сочивко О.И., преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС психологического факультета Академии права и управления ФСИН России; майор внутренней службы, Рязань, Россия (o.sochivko@mail.ru)

Проведено экспериментально-психологическое обследование 40 лиц (16 мужчин и 24 женщины в возрасте от 18 до 21 года), совершивших суицидальные попытки. Контрольную группу составили 34 курсанта высшего учебного заведения (14 мужчин и 20 женщин в возрасте от 18 до 21 года), не имеющие в анамнезе аутоагрессивных действий. Используются методики: «Опросник суицидального риска» в модификации Т.М. Разуваевой; «Опросник межличностных отношений» В. Шутца в адаптации А.А. Рукавишниковой; «Индекс жизненного стиля»; методика «Исследование самоотношения» С.Р. Пантилеева.

Результаты факторного анализа показали, что в основной группе преобладают просуицидальные факторы: личностные, коммуникативные, связанные с временной перспективой. В контрольной группе превалируют антисуицидальные факторы, как стабильные (особенности самоотношения, межличностного взаимодействия), так и связанные с актуализацией психологических защит в психотравмирующих условиях. Сделан вывод о том, что сопоставленный анализ суицидогенных и антисуицидальных факторов является основой клинко-психологической и судебно-психологической экспертной диагностики, должен использоваться при выборе психокоррекционных программ.

Ключевые слова: суицид; суицидогенные факторы; антисуицидальные факторы; самоотношение; психологические защитные механизмы.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Сочивко О.И. Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов. [Электронный

ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 210-224.
doi: 10.17759/psylaw.2019090415

For citation:

Safuanov F.S., Sochivko O.I. Psychological assessment of suicidal risk: the ratio of pro- and anti-suicidal personality factors. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.210-224.
doi: 10.17759/psylaw.2019090415

Введение

При анализе психологических механизмов суицидального поведения большое значение придается соотношению про- и антисуицидальных личностных факторов. А.Г. Амбрумова и В.А. Тихоненко выделяли в качестве личностных особенностей, способствующих реализации суицидальных намерений и побуждений, сниженную толерантность к эмоциональным нагрузкам, своеобразие интеллекта, недоразвитие коммуникативных способностей, неадекватную самооценку, пассивность, неразвитую временную перспективу [1]; позднее этот перечень был дополнен ограниченным репертуаром копинг-стратегий и неразвитостью защитных механизмов [15; 16]. Антисуицидальные личностные факторы коренятся, прежде всего, в ценностной сфере (чувство долга, привязанность к близким, религиозность) [1]. Сходные личностные структуры указываются и другими авторами в качестве антисуицидального барьера [2; 5].

Д.А. Леонтьев при анализе экзистенциального смысла суицида также приходит к выводу о том, что в не меньшей степени, чем наличие и интенсивность суицидальных импульсов, на суицидальное решение, выбор смерти влияет наличие или отсутствие антисуицидальных регуляторов, поддерживающих выбор жизни [9].

Сочетание личностных факторов, способствующих и препятствующих совершению самоубийства, позволяет выделить обобщенные механизмы суицидального поведения [16].

Эмпирические исследования соотношения про- и антисуицидальных факторов немногочисленны: в основном внимание ученых приковано к личностным и ситуативным факторам, способствующим проявлению в поведении антивитаальных переживаний, к психическим расстройствам суицидентов. Между тем, выделение и анализ антисуицидальных регуляторов особенно важны для профилактики аутоагрессивного поведения [1; 5; 9; 16].

Диагностика личностных особенностей, облегчающих или затрудняющих проявления суицидальных намерений, значима и для практики комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы при оценке общественной опасности лиц с психическими расстройствами, которая раскрывается в уголовном законодательстве как «опасность для себя или других лиц». В частности, исследование лиц, совершивших агрессивные преступления и имеющих в анамнезе суицидальные попытки, показало, что у них выражены личностные особенности, способствующие реализации суицидальных намерений при дефицитности антисуицидальных качеств, в то время как лица, совершившие только гетероагрессивные действия, обнаруживают достаточный репертуар антисуицидальных личностных факторов [6; 7].

Особый интерес вызывает проблема оценки суицидального риска у сотрудников силовых структур [11]. Как указывает Т.Н. Козлов [8], самоубийства, совершаемые военнослужащими, относятся к категории наиболее тяжелых чрезвычайных происшествий, вызывают широкий социальный резонанс. При этом, по некоторым данным [13], около 15% окончивших жизнь самоубийством во время прохождения службы — офицеры. Представляется целесообразным изучение соотношения про- и антисуицидальных факторов у будущих офицеров — курсантов высших учебных заведений, что имеет значение для профилактики самоубийств и иных аутоагрессивных действий у командного состава силовых структур.

Цель исследования — сравнительный анализ личностных особенностей, способствующих и препятствующих проявлениям аутоагрессивных намерений и побуждений у лиц, совершивших суицидальные попытки, и у курсантов высших учебных заведений.

Программа исследования

Основную группу обследованных составили 40 человек (16 мужчин и 24 женщины в возрасте от 18 до 21 года), проходящих психиатрическое обследование после попытки самоубийства. А.Г. Амбрумова и В.А. Тихоненко [1] указывают на то, что наличие суицидальной попытки в анамнезе является одним из наиболее значимых факторов риска повторного покушения и завершённого суицида. Поскольку эмпирическое исследование проводилось во время обследования, окончательный диагноз никому из них не был выставлен: предварительные диагнозы, по сообщениям врачей, касались возможных невротических, связанных со стрессом расстройств (F40—F48, по МКБ-10). Группу сравнения составили 34 курсанта высшего учебного заведения (14 мужчин и 20 женщин в возрасте от 18 до 21 года).

При индивидуальном тестировании все обследованные выполняли методики: «Опросник суицидального риска» в модификации Т.М. Разуваевой (ОСР) [4]; «Опросник межличностных отношений» В. Шутца в адаптации А.А. Рукавишникова (ОМО) [12]; «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) [3]; Методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантилеева [10].

Обработка результатов осуществлялась в два этапа. На первом этапе проводилось сравнение средних показателей методик (по U-критерию Манна—Уитни) в исследованных группах, на втором — данные всех методик в каждой группе были подвергнуты факторному анализу (метод вращения Varimax).

Результаты и обсуждение

Результаты методики ОМО

Как видно, группу риска суицида отличает от группы сравнения целый ряд просуицидальных личностных факторов (табл. 1)¹, хотя их значения находятся в зоне средних психометрических показателей каждой шкалы.

---

¹ В таблицах приведены только значимые различия.

Таблица 1

Средние значения шкал методики ОСР

Наименование шкалы	Группа		Уровень значимости
	Основная n=40	Сравнения n=34	
Демонстративность	1,90000	0,97059	0,0005
Аффективность	2,55000	1,64706	0,0014
Уникальность	1,52500	0,70588	0,0034
Несостоятельность	2,12500	1,17647	0,00001
Временная перспектива	1,92500	0,76471	0,0001

Члены основной группы в большей мере стремятся привлечь внимание окружающих к своим проблемам, они более эмоционально реагируют на психотравмирующие воздействия. Эгоцентричность переживаний сочетается с заниженной самооценкой и пессимистической оценкой будущего. Такой личностный симптомокомплекс может указывать на преобладание у них демонстративно-шантажных форм суицидальных попыток.

Результаты методики ОМО

Статистически значимые различия между группами обнаружены только по двум шкалам (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения шкал методики ОМО

Шкала	Группа		Уровень значимости
	Основная n=40	Сравнения n=34	
Ie	3,97500	5,02941	0,0053
Ae	4,75000	6,20588	0,0152

Показатели обеих групп по этим параметрам находятся в зоне средних значений теста, однако в основной группе доминируют тенденция избегать общения (Ie) и низкая способность устанавливать тесные межличностные отношения (Ae). Данные особенности традиционно относят к коммуникативным просуицидальным факторам [1].

Результаты методики ИЖС

Статистически значимые различия выявляются только по двум шкалам психологических защитных механизмов (табл. 3): «Вытеснение» и «Интеллектуализация».

Таблица 3

Средние значения шкал методики ИЖС

Шкала	Группа		Уровень значимости
	Основная n=40	Сравнения n=34	
Вытеснение	4,37500	3,26471	0,0256
Интеллектуализация	6,42500	5,14706	0,0102

Эти защитные механизмы более выражены у лиц из основной группы, хотя в целом их числовые значения по опроснику близки к средним. Авторы опросника ИЖС Р. Плутчик и Г. Келлерман вытеснение (подавление) связывают с пассивной личностной диспозицией, которая является одним из просуицидальных факторов [1]; интеллектуализация же характерна для лиц с высокой тревогой по поводу возможной потери контроля над окружающими событиями [3].

Результаты методики МИС

Статистически значимые различия между группами получены по шкалам «Отраженное самоотношение» и «внутренняя конфликтность» (табл. 4).

Таблица 4

Средние значения шкал методики МИС

Шкала	Группа		Уровень значимости
	Основная n=40	Сравнения n=34	
Отраженное самоотношение	5,77500	6,97059	0,0105
Внутренняя конфликтность	5,77500	4,00000	0,0273

Шкала «Отраженное самоотношение» характеризует субъективное представление субъекта о своей способности вызвать у других людей уважение, симпатию. В целом, результаты показывают, что у всех обследованных в среднем доминирует избирательное восприятие отношения других людей, но при этом лица из основной группы отличаются более низким уровнем ожидания поддержки от окружающих. Одновременно с этим они

более фиксированы на собственных переживаниях, у них доминируют самообвиняющие тенденции, которые усиливаются в психотравмирующих условиях.

Результаты факторного анализа. Основная группа

В каждой из исследованных групп выделилось по пять факторов.

В группе риска совершения повторных суицидальных действий *первый фактор* (5,95% дисперсии) образуют следующие шкалы методик:

Регрессия (ИЖС) с факторной нагрузкой ($p \leq 0,05$) 0,791275;

Уникальность (ОСР) — 0,755008;

Внутренняя конфликтность (МИС) — 0,742861;

Аффективность (ОСР) — 0,727408;

Самообвинение (МИС) — 0,677368;

Демонстративность (ОСР) — 0,656936;

Проекция (ИЖС) — 0,653365;

Временя перспектива (ОСР) — 0,649661;

Замещение (ИЖС) — 0,641633;

Cw (неприятие контроля на собой, ОМО) — -0,519785.

Сочетание примитивных психологических защит, которые, как показано в работе Е.Т. Соколовой и Ю.А. Сотниковой [14], являются предиктором суицидальных действий, с конфликтным и интрапунитивным самоотношением, аффективной логикой поведения и снижением потребности в зависимости образует *личный предиспозиционный фактор суицидального риска*.

Второй фактор (3,82% дисперсии) включает в себя следующие показатели:

Самоуверенность (МИС) — 0,785710;

Замкнутость (МИС) — 0,761414;

Отраженное самоотношение (МИС) — 0,725723;

Самопринятие (МИС) — 0,705641;

Самоценность (МИС) — 0,677678;

Саморуководство (МИС) — 0,585303.

Данный фактор вообрал в себя шкалы одной методики и отражает в целом различные аспекты *самоотношения*. Следует заметить, что своеобразие этому фактору придает

высокая факторная нагрузка шкалы «Замкнутость», связанной с выраженным защитным поведением человека и недопущением собственных проблем в сознание [10].

Третий фактор (2,64% дисперсии) в большей степени связан с коммуникативными способностями, он состоит преимущественно из шкал методики ОМО:

Ie (склонность избегать людей, ОМО) — 0,808784;

Се (склонность возлагать на себя ответственность, ОМО) — 0,685823;

Компенсация (ИЖС) — 0,571458;

Ae (стремление устанавливать близкие отношения, ОМО) — 0,559878.

Вышеперечисленные качества характерны для депрессивных личностей. В сфере общения у них проявляется конфликт потребности в близких эмоциональных и интимных отношениях с установкой к избеганию общения, принятию вины в межличностных отношениях. Основной способ защиты у них — компенсация, направленная на избегание чувства депрессии [3]. В целом, данный фактор отражает коммуникативные просуицидальные предиспозиции.

В четвертый фактор (2,47% дисперсии) вошли три показателя с отрицательными знаками и один — с положительным:

Максимализм (ОСР) — -0,651967;

Социальный пессимизм (ОСР) — 0,614112;

Aw (осторожность при создании глубоких эмоциональных отношений, ОМО) — -586914;

Iw (тенденция к узкому кругу общения, ОМО) — -0,586697.

Можно назвать комплекс данных особенностей фактором социального пессимизма, отражающего в целом восприятие субъектом окружающего мира как враждебного.

Последний, пятый, фактор (2,62% дисперсии) образуют следующие шкалы:

Интеллектуализация (ИЖС) — 0,640747;

Вытеснение (ИЖС) — 0,617218;

Самопривязанность (МИС) — 0,607278;

Антисуицидальный фактор (ОСР) — -0,539587.

Сочетание зрелых психологических защит, способствующих сохранению собственного Эго и искажению восприятия меняющихся условий окружающей действительности, с ригидностью Я-концепции и отсутствием стремления к саморазвитию (шкала самопривязанности), а также дефицитарностью ценностных, религиозных, этических антисуицидальных барьеров (шкала ОСР имеет факторную нагрузку с

отрицательным знаком) позволяет интерпретировать данный фактор как неспособность к *самоизменениям*. Такая неспособность является еще одним предиктором вероятности самоубийства или иных аутоагрессивных действий, поскольку, в конечном итоге, может ослабить психотравмирующее воздействие лишь на какое-то время, но не может изменить или преодолеть угрожающую ситуацию, не может активно совладать с ней, как это делает копинг-поведение [15].

Результаты факторного анализа. Контрольная группа

В группе курсантов *первый* фактор (5,29% дисперсии) образовали следующие показатели методик:

Самоуверенность (МИС) — 0,803929;

Отраженное самоотношение (МИС) — 0,744272;

Самопринятие (МИС) — 0,734349;

Проекция (ИЖС) — 0,725819;

Самоценность (МИС) — 0,711779;

Саморуководство (МИС) — 0,642318;

Самопривязанность (МИС) — 0,563769;

Антисуицидальный фактор (ОСР) — 0,560609.

В группе курсантов в фактор вошли все показатели шкал самоотношения по С.Р. Пантилееву, кроме шкал внутренней конфликтности и самообвинения. Согласно автору методики, этот набор шкал при факторизации результатов метода МИС образует два фактора: самоуважения и аутосимпатии [10]. Таким образом, высокий или нормальный уровень самоуважения и аутосимпатии в сочетании с защитным механизмом проекции и глубоким пониманием чувства ответственности за близких, чувством долга образуют *антисуицидальный фактор*.

Во *второй* фактор (4,66% дисперсии) вошли в основном защитные механизмы и негативные параметры самоотношения:

Внутренняя конфликтность (МИС) — 0,858575;

Регрессия (ИЖС) — 0,752822;

Компенсация (ИЖС) — 0,708367;

Самообвинение (МИС) — 0,706156;

Вытеснение (ИЖС) — 0,684228;

Замещение (ИЖС) — 0,604344;

Отрицание (ИЖС) — 0,579735;

Интеллектуализация (ИЖС) — 0,540210.

Данный фактор можно также интерпретировать как снижающий риск реализации аутоагрессивных намерений и побуждений путем актуализации целого ряда психологических защит у субъекта с внутренней конфликтностью и идеями самообвинения в условиях психотравмирующей ситуации. Только, в отличие от первого фактора, выявленный комплекс психологических механизмов совладания со стрессом является не смысловым и стабильным, а ситуативным.

Третий фактор (4,37% дисперсии) включил следующие шкалы:

Демонстративность (ОСР) — 0,809834;

Уникальность (ОСР) — 0,786144;

Социальный пессимизм (ОСР) — 0,723692;

Аффективность (ОСР) — 0,700606;

Временная перспектива (ОСР) — 0,657642;

Слом культурных барьеров (ОСР) — 0,567295;

Максимализм (ОСР) — 0,544657;

Несостоятельность (ОСР) — 0,533230.

Как видно, в этом личностном симптомокомплексе представлены практически все показатели методики ОСР, кроме антисуицидального фактора, что свидетельствует о том, что он отражает личностные суицидогенные тенденции, повышающие риск аутоагрессивного поведения.

Четвертый фактор (2,59% дисперсии) связан с коммуникативными качествами обследованных лиц:

Aw (стремление к установлению эмоциональных отношений, ОМО) — 0,824937;

Iw (потребность быть принятым окружающими, ОМО) — 0,562871;

Cw (потребность в зависимости, ОМО) — 0,531232;

Ie (потребность быть среди людей, ОМО) — 0,501490.

Очевидно, что содержанием данного фактора являются коммуникативные способности, снижающие риск суицида.

В пятый фактор (2,14% дисперсии) вошли только три переменные:

Замещение (ИЖС) — -0,665090:

Се (принятие ответственности, ОМО) — 0,635363;

Отрицание (ИЖС) — 0,547766.

Сочетание особенностей, входящих в данный фактор, определяет несколько примитивный психологический механизм антисуицидальной направленности, основанный на бессознательном отрицании фрустрирующих, вызывающих тревогу обстоятельств. При этом выявляется стремление субъекта брать на себя ответственность, соединенную с ведущей ролью. У самого же субъекта отсутствует защитная разрядка (замещение) враждебности, гнева на более доступные объекты (в частности, на себя), чем на те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства.

Заключение

Сравнительный анализ результатов отдельных методик показал, что у членов основной группы с повышенным риском повторных аутоагрессивных действий более выражены, чем у лиц, не имеющих в анамнезе суицидальных попыток, просуицидальные предикторы, как личностные (ОСР), так и коммуникативные (ОМО) и самооценочные (МИС). У них выявлена также дефицитарность зрелых психологических защитных механизмов, которые являются одним из важнейших компонентов психологического антисуицидального барьера.

Наиболее показательные результаты сравнения про- и антисуицидальных психологических детерминант получены при применении факторного анализа (табл. 4).

Таблица 4

Факторная структура суицидального риска

№ фактора	Группа	
	Основная	Сравнения
1	Суицидогенные личностные предикторы	Антисуицидальные особенности самоотношения
2	Антисуицидальные самоотношения	Антисуицидальные защитные механизмы
3	Суицидогенные коммуникативные предикторы	Суицидогенные личностные предикторы
4	Просуицидальный социальный пессимизм	Антисуицидальные коммуникативные предикторы
5	Просуицидальная неспособность к саморазвитию	Антисуицидальное принятие ответственности и отрицание фрустрации

В каждой группе факторные структуры состоят из пяти факторов, которые частично совпадают по названиям, частично различаются, но их насыщение различно, и именно это играет определяющую роль в повышении или снижении аутоагрессивного и суицидального риска.

Первое, что бросается в глаза, это значительное преобладание предикторов аутоагрессивного поведения в основной группе — личностных, коммуникативных, связанных с временной перспективой. Единственный фактор антисуицидальной направленности в группе риска суицида имеет по сравнению с контрольной группой свои особенности: он не связан, в отличие от аналогичного фактора у исследованных курсантов, с ценностными антисуицидальными структурами, имеет более интравертированную направленность. В группе же лиц, не имеющих в анамнезе суицидальных попыток, превалируют антисуицидальные факторы, как стабильные (особенности самоотношения, межличностного взаимодействия), так и связанные с актуализацией психологических защит в психотравмирующих условиях. Как отмечают А.Г. Амбрумова и В.А. Тихоненко [1], чем большим количеством действующих антисуицидальных факторов обладает субъект, тем прочнее его антисуицидальный барьер, тем менее вероятна реализация суицидальных тенденций, и наоборот.

Второй важный результат исследования заключается в том, что в обеих группах обнаруживаются суицидогенные личностные факторы, которые, однако, занимают разное место в факторных структурах. В группе суицидального риска они выходят на первый план, а в группе сравнения их факторная нагрузка ниже, чем у антисоциальных особенностей самоотношения и защитных механизмов.

В целом, можно полагать, что при оценке риска суицидального поведения нельзя ограничиваться односторонним учетом только суицидогенных факторов. Сопоставление психологических суицидогенных и антисуицидальных факторов является основой клинико-психологической и судебно-психологической экспертной диагностики, должно использоваться при выборе психокоррекционных (реабилитационных и профилактических) программ, основной стратегией которых (наряду с решением традиционных задач кризисной психологической помощи) будет являться целенаправленная работа по формированию или укреплению антисуицидальных барьеров.

Литература

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: методические рекомендации. М.: МНИИП, 1980. 30 с.
2. Вагин Ю.Р. Вопросы феноменологической суицидологии // Суицидология. 2011. № 3. С. 3—17.
3. Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб.: СПбНИПНИ имени В.М. Бехтерева, 2005. 50 с.
4. Диагностика личности / Сост. Т.Н. Разуваева. Шадринск: Исеть, 1993. 26 с.
5. Зотов П.В. Факторы антисуицидального барьера в психотерапии суицидального поведения лиц разных возрастных групп // Суицидология. 2013. № 2. С. 57—63.

6. *Калашникова А.С.* Личностные особенности лиц, совершивших гетеро- и аутоагрессивные действия // Неврологический вестник. Журнал имени В.М. Бехтерева. 2008. Т. 40. № 1. С. 14—16.
7. *Калашникова А.С., Сафуанов Ф.С.* Роль психических расстройств, не исключающих вменяемости, в формировании разнонаправленной агрессии // Российский психиатрический журнал. 2010. № 4. С. 16—22
8. *Козлов Т.Н.* Психопатологические и личностные механизмы суицидального поведения у военнослужащих срочной службы: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2004. 18 с.
9. *Леонтьев Д.А.* Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор // Консультативная психология и психотерапия. 2008. № 4. С. 58—82
10. *Пантилеев С.Р.* Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
11. *Шамрей В.К., Нечипоренко В.В., Днов К.В.* Суицидальное поведение военнослужащих. СПб: МО РФ, 2016. 39 с.
12. *Рукавишников А.А.* Опросник межличностных отношений. Ярославль: НПЦ Психодиагностика, 1992. 47 с.
13. *Рыбкин С.Ю.* Суицидальные явления среди военнослужащих: проблема и пути решения // Военная мысль. № 6. 2000. С. 38—42.
14. *Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А.* Проблема суицида: клинико-психологический ракурс // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 103—115.
15. *Тихоненко В.А., Сафуанов Ф.С.* Введение в суицидологию // Медицинская и судебная психология. Курс лекций. М.: Генезис, 2004. С. 266—283.
16. *Ташлыков В.А.* Психологическая защита у больных неврозами и с психосоматическими расстройствами. СПб.: СПбИУВ, 1992. 24 с.

Psychological Assessment of Suicidal Risk: the Ratio of Pro- and Anti-Suicidal Personality Factors

Safuanov F.S., Doctor of Psychology, Professor, Head of Psychology Laboratory, The National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Head of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, MSUPE, Moscow, Russia (safuanovf@rambler.ru)

Sochivko O.I., Lecturer in the Department of Psychology of Professional Activities at the Penitentiary System of the Psychological Department of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Major of Internal Service, Moscow, Russia (o.sochivko@mail.ru)

An experimental psychological examination of 40 individuals (16 men and 24 women aged 18 to 21 years) who made suicide attempt was carried out. The control group consisted of 34 cadets of a higher educational institution (14 men and 20 women aged 18 to 21 years) who did not have a history of auto-aggressive actions. Methods used: "Suicide Risk Questionnaire" in the modification of T.M. Razuvaeva; "Questionnaire of interpersonal relations" by V. Schutz in adaptation A.A. Rukavishnikov; "Life Style Index"; methodology "Study of self-relationship" S.R. Pantileeva.

The results of factor analysis showed that in the main group, pro-suicidal factors prevail: personal, communicative, related to the time perspective. Antisuicidal factors prevail in the control group, both stable (features of self-relationship, interpersonal interaction), and related to the updating of psychological defenses in traumatic conditions. It is concluded that a comparative analysis of suicidal and anti-suicidal factors is the basis of clinical, psychological and forensic expert diagnosis, should be used when choosing psychocorrective programs.

Keywords: suicide, suicidal factors, antisuicidal factors, self-conception, psychological defense mechanisms.

References

1. Ambrumova A.G., Tihonenko V.A. Diagnostika suicidal'nogo povedeniya: metodicheskie rekomendacii [Diagnosis of suicidal behavior]. Moscow.: MNIIP, 1980. 30 p.
2. Vagin YU.R. Voprosy fenomenologicheskoy suidologii. [The issues of phenomenology of suicide-studying]. *Suidologiya [Suicidology]*. 2011. no. 3. pp.3-17.
3. Vasserman L.I., Eryshev O.F., Klubova E.B. Psihologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya [Psychological diagnostics of lifestyle index]. Sankt Peterburg : SPbNIPNI im. V.M. Bekhtereva, 2005. 50 p.
4. Diagnostika lichnosti [Diagnosis of personality]. Shadrinsk: Iset', 1993. 26 p.

5. Zotov P.V. Faktory antisuicidal'nogo bar'era v psihoterapii suicidal'nogo povedeniya lic raznyh vozrastnyh grupp [Factors of antisuicidal barrier in psychotherapy of suicidal behavior of persons of different age groups]. *Suicidologiya [Suicidology]*. 2013. no.2. pp.57-63.
6. Kalashnikova A.S. Lichnostnye osobennosti lic, sovershivshih getero- i autoagressivnye dejstviya [Personality characteristics of perpetrators of hetero - and autoaggressive actions]. *Nevrologicheskij vestnik. Zhurnal imeni V.M. Bekhtereva [Neurological Bulletin. Magazine named after V. M. Bekhterev]*. 2008. no. № 1. pp. 14-16.
7. Kalashnikova A.S., Safuanov F.S. Rol' psichicheskikh rasstrojstv, ne isklyuchayushchih vmenyaemosti, v formirovanii raznonapravlennoj agressii [The role of mental disorders, not excluding sanity, in the formation of multidirectional aggression]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian journal of psychiatry]*. 2010. no. 4. pp. 16-22
8. Kozlov T.N.. Psihopatologicheskie i lichnostnye mekhanizmy suicidal'nogo povedeniya u voennosluzhashchih srochnoj sluzhby [Personality and psychopathological mechanisms of suicidal behavior among military personnel of conscription service]. Avtoref. dis. ... kand. med. nauk. Moskva, 2004. 18 p.
9. Leont'ev D.A. Ekzistencial'nyj smysl suicida: zhizn' kak vybor [The existential meaning of suicide: life as a choice]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*. 2008. no. 4. pp. 58—82.
10. Pantileev S.R. Metodika issledovaniya samootnosheniya [Research methodology of self-relation]. Moscow.: Smysl. 1993. 32 p.
11. Shamrej V. K., Nechiporenko V. V., Dnov K. V. Suicidal'noe povedenie voennosluzhashchih [Suicidal behavior of military personnel]. Sankt Peterburg: MO RF, 2016. 39 p.
12. Rukavishnikov A. A. Oprosnik mezhlichnostnyh otnoshenij [The questionnaire of interpersonal relations]. Yaroslavl': NPC Psihodiagnostika, 1992. 47 p.
13. Rybkin S.YU. Suicidal'nye yavleniya sredi voennosluzhashchih: problema i puti resheniya [Suicidal phenomena among military personnel: the problem and solutions]. *Voennaya mysl' [Military thought]*. no. 6. 2000. pp.38-42.
14. Sokolova E. T., Sotnikova YU. A. Problema suicida: kliniko-psihologicheskij rakurs [The problem of suicide: clinical and psychological perspective]. *Voprosy psihologii [Question of psychology]*. 2006. no. 2. pp. 103—115.
15. Tihonenko V.A., Safuanov F.S. Vvedenie v suicidologiyu [Introduction to suicidology]. Medicinskaya i sudebnaya psihologiya [Medical and forensic psychology]. Moscow.: Genezis, 2004. pp. 266-283.
16. Tashlykov V.A. Psihologicheskaya zashchita u bol'nyh nevrozami i s psihosomaticheskimi rasstrojstvami [Psychological protection in patients with neuroses and psychosomatic disorders]. Sankt Peterburg.: SPbIUUV, 1992. 24 p.

Особенности психических и поведенческих нарушений у детей, освобожденных из иракской тюрьмы

Захарова Н. М., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия (natali_oslo@mail.ru)

Милёхина А. В., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела патологии речи и нейрореабилитации, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия (amilh@mail.ru)

В статье приводятся данные обследования 61 ребенка (членов семей боевиков террористической организации «Исламское государство»), освобожденных из иракской тюрьмы. Описаны психические, психологические и поведенческие нарушения, выявленные при клиническом и психологическом обследовании. Показана роль множественных психотравмирующих факторов в формировании психических нарушений у детей, вынужденных длительно находиться в зоне локального военного конфликта и переживших тяжелые утраты. На основании полученных результатов выделено 6 групп, объединенных схожей симптоматикой и гендерно-возрастными характеристиками. Отмечается, что на первый план выступают такие общие психодинамические тенденции, как задержка психофизического развития и педагогическая запущенность, сопровождающиеся ситуационно обусловленными тревожно-депрессивными реакциями, спровоцированными дополнительными психотравмирующими факторами (разлука с матерью, смена привычной обстановки и окружения). Показана необходимость учета религиозных, этических и этно-культуральных особенностей при обследовании и разработке комплекса реабилитационных мероприятий для этих детей. Акцентируется внимание на сложности адаптации и реабилитации данного контингента в новом для них социуме, в связи с чем необходим постоянный динамический мониторинг обследованных.

Ключевые слова: психические и поведенческие нарушения, дети, психотравма, зона военных конфликтов, разлука с матерью, задержка психофизического развития, педагогическая запущенность.

Для цитаты:

Захарова Н.М., Милёхина А.В. Особенности психических и поведенческих нарушений у детей, освобожденных из иракской тюрьмы. [Электронный ресурс] // Психология и

право. 2019(9). № 4. С. 225-235.
doi: 10.17759/psylaw.2019090416

For citation:

*Zakharova N.M., Milekhina A.V. Peculiarities of mental and behavioral disorders in children released from iraqi prison. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.225-235.
doi: 10.17759/psylaw.2019090416*

В результате образования «Исламского государства» (ИГ) (террористической организации, действующей на территории Ирака и Сирии), идеология которого провозглашала создание исламского халифата, основанного на законах шариата, мусульмане из разных стран, в том числе и из России, устремились в Сирию. Нерешенные социальные вопросы, низкий уровень жизни, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, а также квалифицированная работа вербовщиков ИГ привели к тому, что, только по официальным данным, на стороне террористов воевало около 4000 российских граждан из разных регионов страны. При этом большинство боевиков вывезли с собой на территорию так называемого халифата своих жен и детей, которые вынуждены были проживать в условиях длительной локальной войны, не имея возможности покинуть зону военных действий.

Многочисленные исследования показали, что гражданское население, проживающее в зоне локальных войн, подвержено значительной психической травматизации и, как следствие, развитию различных психических расстройств [1; 2; 5]. По данным исследований в Чечне, в зоне локального военного конфликта заболеваемость гражданских лиц психическими расстройствами составляла 91,2% [4].

Чрезвычайные события, такие как обстрелы, бомбежки, гибель родных и знакомых, оказывают негативное влияние на психику не только взрослых, но и детей, при этом дети отличаются повышенной уязвимостью к психотравмирующим факторам [7]. Беззащитность и зависимость от взрослых, сочетающиеся с повышенной эмоциональностью и психической незрелостью, а также резкая смена привычной среды способствуют развитию у детей психических и поведенческих нарушений. Так, проводившиеся в Донецкой и Луганской областях исследования выявили у 62,3% обследованных детей астено-невротические расстройства с преобладанием в клинической структуре астении, эмоциональной лабильности, напряжения, повышенной умственной и физической утомляемости, периодической головной боли, головокружений [6]. Анализ данных, полученных при обследовании чеченских детей, подвергавшихся длительной психической политравматизации, показал преобладание у них психологического дистресса (54,9%), расстройств депрессивного круга (60,6%), гипербдительности с раздражительностью и вспышками гнева (56,5%), агрессивности (35,8%) [3].

В настоящее время проводится работа по возвращению на родину детей российских женщин, осужденных за связь с ИГ и отбывающих наказание в иракских тюрьмах.

Вывозимые из Ирака дети подвергались длительному воздействию тяжелого стресса (пребывание в зоне военных действий и в тюрьме), а также дополнительным негативным факторам, таким как смена привычной обстановки и разлука с матерью. Кроме того, по

сообщениям в международных средств массовой информации и в пропагандистских заявлениях представителей ИГ, многие дети жителей «халифата» (преимущественно мальчики) проходили психологическую идеологическую обработку и специфическую физическую подготовку с последующим участием в актах насилия и жестокого обращения [8].

В связи с массивным отрицательным влиянием на детскую психику множественных психотравмирующих факторов чрезвычайно важное значение имеют максимально раннее выявление у этих детей психических и поведенческих нарушений, профилактика у них постстрессовых расстройств на отдаленных этапах психотравмы и их своевременная и полноценная реабилитация и реинтеграция в общество.

Цель исследования — выявление психопатологической симптоматики, психологических и поведенческих особенностей, а также определение выраженности и глубины имеющихся нарушений у детей, переживших угрозу жизни (в период вынужденного пребывания на территории, подконтрольной террористической организации ИГ), пребывание в тюрьме и разлуку с матерью.

Материал и методы

Сотрудники ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России в 2019 г. обследовали 61 ребенка в возрасте от 4 до 15 лет (26 мальчиков, 35 девочек), доставленных из иракской тюрьмы, матери которых были осуждены за связь с запрещенной в Российской Федерации организацией ИГ, а отцы (участники вооруженных формирований) погибли или пропали без вести. Обследование проводилось в стационарном отделении ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Минздрава России в три этапа, по мере прибытия детей в Москву, в первые сутки после передачи их родственникам-опекунам.

Необходимо отметить, что обследование и оказание медико-психологической помощи детям, которые подверглись особому семейному и религиозному воспитанию (распространенному в зоне влияния террористической группировки) и, в результате военных действий, остались без родителей, требует особо тщательного соблюдения этических и деонтологических принципов при проведении всего комплекса реабилитационных мероприятий.

При обследовании использовали клинический, клинико-психопатологический, психологический методы исследования (толкование пословиц и поговорок, тесты на исключение понятий, шкала Гамильтона, тест детской апперцепции (САТ), методика выявления детского сексуального опыта по Т.В. Гавриловой).

Результаты

Из анамнестических данных известно, что все обследованные дети родились в России, но около 4 лет назад в разном возрасте (от нескольких месяцев до 10 лет) были вывезены родителями на территории, подконтрольные ИГ (Сирия, Ирак). Все столкнулись с тяжелой утратой: помимо отца, у них погибли братья, сестры или близкие друзья. В результате военной операции антитеррористической коалиции семьи боевиков были арестованы. Женщин судили за пособничество террористам. Последние, примерно 1,5 года, дети, независимо от пола и возраста, провели в общих камерах иракской тюрьмы вместе с

осужденными матерями. Помимо ограничения свободы, к факторам, которые могли негативно повлиять на физическое и психическое состояние детей, можно отнести крайне однообразное питание (чечевица, рис, редко — овощи), практически полный отказ от мяса (по религиозным соображениям), прогулки один раз в неделю в закрытом дворе тюрьмы, сложности с удовлетворением естественных потребностей из-за постоянных очередей в туалет, а также отсутствие какого-либо обучения.

Во время нахождения в отделении всем детям проводились клинические и инструментальные исследования, по результатам которых выраженной соматической патологии выявлено не было. Со слов родственников и медицинского персонала, ни у кого из детей диссомнических расстройств и снижения аппетита не наблюдалось.

В результате обследования были выявлены комплексы симптомов и поведенческих особенностей, характерных для отдельных гендерно-возрастных категорий, что позволило условно разделить всех обследованных детей на 6 групп.

1-я группа — девочки 4—5 лет (8 человек). Эти девочки продуктивному контакту были недоступны. В отделении они вели себя замкнуто, отказывались от общения с незнакомыми людьми, в том числе с другими детьми. При попытке контакта начинали громко плакать, звать маму, отворачивались, «прятались», делая исключение только для женщин пожилого возраста в хиджабах, независимо от наличия или отсутствия родственных связей и родных братьев и сестер. При необходимости решения бытовых вопросов (желание поесть, посетить туалет и т. д.) они обращались к «избранным» отдельными словами очень тихим голосом, преимущественно на нерусском языке.

При обследовании у девочек данной группы было выявлено отставание в весо-ростовых показателях. Их внешний вид и поведение соответствовали скорее 2—3-летнему возрасту, однако говорить о регрессе в результате перенесенного стресса, вызванного отрывом от матери, не представляется возможным, поскольку их старшие братья и сестры сообщали, что они и в «привычной обстановке» (в тюрьме) вели себя подобным образом.

В отделении большую часть времени эти девочки проводили в пределах постели, замирали на подоконнике, вглядываясь в соседние здания, либо бродили вместе с родной или выбранной «бабушкой», вцепившись в ее подол и пряча в нем лицо при любой попытке обращения к ним. Игры также были ограничены пределами постели и заключались в перекладывании с места на место и «упаковывании» подаренных им кукол и бижутерии.

У девочек данной группы можно предположить формирование реактивного расстройства привязанностей в детском возрасте (F94.1), с боязливостью и настороженностью в отношении окружающих, ограничением или отсутствием взаимодействия со сверстниками (общение только с братьями, сестрами).

2-я группа — девочки 5—7 лет (7 человек). Девочки этой группы были несколько активнее. Они перемещались по отделению, крепко держась за родственницу, пугались, когда к ним кто-либо обращался, однако проявляли интерес к окружающей обстановке, заинтересованно следили за перемещениями и играми мальчиков. Были активны в пределах палаты, но неохотно выбегали в коридор без сопровождения, при переходе в кабинет врача оставались в непосредственной близости от опекуна. Продуктивному контакту при обследовании были малодоступны.

Фон настроения в трех случаях был ровный, обследуемые улыбались при общении со значимыми лицами. В начале осмотра на простые вопросы отвечали кивком головы, однако в процессе дальнейшего общения использовали слова. Их речь была фразовой, но нечеткой, бедной, с элементами дизартрии. На вопросы врача обычно отвечали кратко, односложно, после паузы, только на простые бытовые вопросы («Что ела?», «Как зовут брата?», «Какие у тебя игрушки?»). Оживлялись при разговоре на значимые для них темы — о братьях, сестрах. В процессе общения проявляли интерес к предметам на столе, к ситуации тестирования. Также они охотно показывали врачу своих новых кукол, хвалились украшениями (заколки, резинки, бантики), которые им подарили родственники. Жалоб на самочувствие не предъявляли.

В четырех случаях у девочек данной группы была отмечено снижение настроения с элементами избирательного мутизма, с некоторым улучшением состояния при нахождении в кругу родственниц в хиджабах. В беседе с врачом девочки оставались практически недоступны контакту, все время сидели на коленях у родственниц, прятали от врача лицо, могли заплакать, если в разговоре упоминалась мать. По рассказам старших братьев и сестер, такое состояние развилось у них после разлуки с матерью.

Выявленная симптоматика позволяет говорить о возможном формировании социального тревожного расстройства в детском возрасте (F93.2), а точнее, расстройства общения с незнакомыми лицами у детей, с преобладанием боязни незнакомых лиц, социальной тревогой и беспокойством при неожиданных новостях, необычных, возможно, угрожающих с их точки зрения ситуациях. Для более четкой диагностики расстройств необходимо динамическое наблюдение детей.

3-я группа — мальчики 4—7 лет (12 человек). Так как в поведении и эмоциональном состоянии мальчиков этого возраста на момент обследования не было выявлено существенных различий, разделение их на возрастные группы 4—5 лет и 5—7 лет не представлялось обоснованным.

В отличие от девочек этого возраста, мальчики проявляли в отделении повышенную активность, самостоятельность, настойчивость в достижении цели. Они стремились к общению, как со сверстниками, так и с окружающими взрослыми. Охотно вступали в контакт, рассказывали о жизненных навыках, полученных от отца, мусульманских обычаях, которые необходимо соблюдать. С удовольствием участвовали в предлагаемых игровых тестах. В отделении много времени посвящали рисованию и подвижным играм, в основном связанным с военной тематикой. В их поведении отмечались напор и некоторая вербальная агрессивность по отношению к младшим детям и женщинам, соответствующие их представлениям о «взрослом мужчине».

Эмоциональный фон у этих детей был ровный, однако по результатам тестирования были выявлены тревожность, настороженность, упрямство, негативизм. Отмечена склонность к агрессивному поведению в ситуациях, имеющих определенную направленность и установку (обсуждение религиозных ценностей, родителей, семейных традиций).

4-я группа — девочки 8—12 лет (14 человек). Головы всех девочек данной группы были покрыты платком. Девочки отличались активностью и любознательностью. В их поведении в отделении прослеживались нарочитая рассудительность и забота о младших,

игра в «маму» с опеканием малышей и «разъяснением» их поведения окружающим. Они охотно шли на контакт, отвечали на вопросы тестирования, рисовали. В беседе с врачом интересовались судьбой матери, оставшейся в иракской тюрьме, высказывали надежду, что она приедет следом. Рассказывая о своем пребывании на территории, подконтрольной террористической группировке, и затем в тюрьме, они цитировали Коран, делая упор на правилах, которые необходимо соблюдать в повседневной жизни, подробно разъясняли исламские обычаи. Однако разговора о погибших родных и знакомых старательно избегали: становились немногословными, замыкались, просили перейти на другую тему, поскольку «это тяжело». Стремление к общению преобладало при соблюдении определенных тематических ограничений. Фон настроения во всех случаях был ровный, с тенденцией к сниженному. В течение дня девочки не тяготились скученностью в палате, ограниченностью территории, не высказывали желаний прогуляться. Периодически долго сидели в однообразной позе, могли не общаться с подругами, затем вновь становились оживленными. Интересы этих девочек носили действенно-практический характер, без познавательной заинтересованности.

5-я группа — мальчики 8—12 лет (14 человек). В отделении мальчики этого возраста держались обособленно, к окружающим, в том числе к детям, относились настороженно, делая исключение только для родных братьев и сестер. С опекунами общались предельно почтительно, контактов с другими взрослыми старались избегать. При общении с врачом мальчики этой группы проявляли сдержанность в суждениях, настороженность, скрытую агрессивность. Контакт поддерживался формально, при расспросах о жизни в тюрьме уходили от ответа, ссылаясь на плохое знание русского языка, раздражались. Однако когда речь заходила о религиозных устоях, они оживлялись, начинали с напором, на хорошем русском языке, заученно декламировать большие отрывки из Корана, делая акцент на заповедях, которым необходимо следовать, чтобы «попасть в рай». Взгляд мальчиков цепенел, дальнейшее общение становилось непродуктивным.

Трое мальчиков 11—12 лет отличались от других большей обособленностью. Они не общались со сверстниками, были предельно кратки в общении со взрослыми, в том числе с опекунами, а также с младшими братьями и сестрами. В беседе эти мальчики сообщили, что последние 6—8 месяцев провели не в тюрьме с семьей, а в «приюте», где условия проживания и питание были намного лучше и где с ними «занимались». Что это был за приют, какие проводились занятия, помимо изучения Корана, выяснить не удалось. При настойчивых расспросах дети начинали злиться, замыкались, переставали отвечать, ссылаясь на непонимание и трудности общения на русском языке.

6-я группа — девочки 13—15 лет (6 человек). Все девочки этой группы носили строгий хиджаб с закрытыми плечами. В отделении вели себя сдержанно, к общению с младшими детьми не стремились, «изображали» взрослых. Общались в основном между собой, с осуждением поглядывая на активных детей младшего возраста. В контакт с женщинами вступали свободно, общения с мужчинами избегали. Во время беседы с врачом в большинстве случаев девочки сидели в напряженной позе, имели опущенный взгляд, были малоэмоциональны. На вопросы отвечали в плане заданного, тихим голосом, монотонно и достаточно кратко. Некоторое оживление наблюдалось при затрагивании религиозных тем и темы будущего замужества. Разговора о жизни в зоне военных действий старались избегать, объясняя это «болезненностью» воспоминаний о гибели родных и друзей, о пережитом страхе. На глазах появлялись слезы. При расспросах о пребывании в тюрьме оставались безучастными, подробно рассказывали о питании, распорядке дня и т. д.

Одна из пациенток (15 лет) просила, ссылаясь на стеснение, чтобы при разговоре не присутствовал врач-мужчина. Оставшись наедине с врачами-женщинами, оживилась, сняла хиджаб, удобно расположилась на кушетке. Отвечала на русском языке, речь была четкой, фразы — простыми. Охотно рассказала о своем замужестве на территории Сирии, о том, что потеряла любимого мужа, высказывала мнение, что он погиб. Формально соглашалась, что скучает по нему. При этом ее эмоциональный фон оставался приподнятым, девочка часто улыбалась, посмеивалась в разговоре, описывала, как хорошо они жили. При попытке выяснить что-либо о профессии мужа, о том, как они перемещались по разным поселениям, уклонялась от ответов. Часто отвечала «не знаю» на любые уточняющие вопросы о нем. При разговоре о родительской семье становилась печальной, высказывала желание увидеть свою мать с братом, с которыми когда-то пересекла границу Сирии. Связь с ними она потеряла после замужества. Планов на будущее не строила, сообщала, что вернется к бабушке. При обследовании на фоне облегченности переживаний и внешне сниженной тревожности по этому поводу выявлялись депрессивные тенденции. Легко дезорганизовывалась в субъективно сложных ситуациях, с тенденцией к принятию мало мотивированных решений. В рисуночных пробах изображаемый образ мужа был угрожающим, со слов пациентки, «опасным».

У всех девочек старшей группы было отмечено снижение фона настроения. Все они в разговоре с врачом высказывали надежду на встречу с матерью, оставшейся в Ираке или Сирии, расспрашивали о том, когда это может произойти, строили планы о возвращении матери на родину, некоторые говорили об этом с утвердительной интонацией.

Мальчиков старше 12 лет среди освобожденных из тюрьмы не было.

При обследовании также было выявлено, что у всех детей до 10 лет отсутствовали навыки чтения и письма. Их познания об окружающем мире ограничивались рассказами родителей и отрывками из Корана. Все дети бегло говорили на родном языке и в той или иной мере знали арабский. Уровень знания русского языка зависел от национальной принадлежности родителей и возраста ребенка.

При попытке расспросов о войне, обстрелах, бомбежках, а также при упоминании о маме, оставшейся в тюрьме, у всех девочек и половины мальчиков снижалось настроение, на глазах появлялись слезы, однако большинство детей быстро переключались при переходе разговора на другие темы.

У девочек старше 7 лет в 12 случаях (37,5%) диагностирована легкой и средней степени выраженности депрессивная реакция в рамках расстройства адаптации (F43.2), связанная с разлукой с матерью, резкой сменой обстановки и круга общения. Основными проявлениями данного состояния были подавленность настроения, плаксивость, усиливавшиеся при упоминании о матери. Выявлялись тревожность с эмоциональной неустойчивостью, склонностью к самовзвинчиванию, высокой, однако недостаточно организованной активностью. Также для этих детей были характерны настороженность в отношении окружающих, беспокойство о будущем, некоторая растерянность, ощущение неспособности справиться с ситуацией.

Заключение

Проведенное обследование показало отсутствие у обследованных выраженных психопатологических расстройств. Наблюдавшиеся депрессивные реакции носили ситуационный характер и были обусловлены актуальной разлукой с матерью.

В поведении на первый план выступали возрастные, национальные и религиозные особенности. У детей до 6 лет обращала на себя внимание выраженная задержка психофизического развития. У детей более старшего возраста отмечалась значительная педагогическая запущенность, религиозная направленность полученных знаний и привитых умений. Поведенческие реакции у детей были однотипны и обусловлены растерянностью, настороженностью, страхом нарушить религиозные заповеди и наказания родителей.

Однако, учитывая длительность и значительную тяжесть психотравмы (проживание в зоне боевых действий, гибель родных, нахождение под обстрелами и бомбежками), а также дополнительные психотравмирующие факторы (отрыв от матери, смена места жительства и окружения, адаптация в семье опекуна и в новом для них социуме), нельзя исключить возможность развития психических расстройств, связанных с пережитым стрессом, на отдаленных этапах, в связи с чем необходимо наблюдение психического состояния обследованных в динамике.

Литература

1. Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Щукин Б.П. Психогении в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1991. 177 с.
2. Ахмедова Х.Б. Мирные жители в условиях военных действий: личностные черты и расстройства адаптации // Психологический журнал. 2003. № 3. С. 37—44.
3. Ахмедова Х.Б. Эрготерапия детей-беженцев с посттравматическими стрессовыми расстройствами // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 4. С. 196—205.
4. Идрисов К.А. Динамика посттравматических стрессовых расстройств у гражданских лиц, переживших угрозу жизни в зоне локального военного конфликта: автореф. дисс. ... канд. мед. наук: 14.00.18 / Московский науч.-исслед. ин-т психиатрии. М., 2002. 184 с.
5. Кекелидзе З.И. Психические расстройства, возникающие при ЧС. Психиатрия чрезвычайных ситуаций. Руководство: в 2 т. Т. 1 / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. М.: ГНЦ ССП имени В.П. Сербского, 2004. С. 182—222.
6. Корнев Н.М., Лебец И.С., Толмачева С.Р. и др. Состояние соматического и психического здоровья детей из зоны антитеррористической операции // Здоровье ребенка. 2017. Т. 12. № 1. С. 1—5.
7. Портнова А.А. Особенности клинических проявлений посттравматического стрессового расстройства у детей. Психиатрия чрезвычайных ситуаций: руководство. 2-е изд. исправ. и доп. / Под ред. проф. З.И. Кекелидзе. М.: ГНЦ ССП

Захарова Н.М., Милёхина А.В. Особенности психических и поведенческих нарушений у детей, освобожденных из иракской тюрьмы. Психология и право psyandlaw.ru 2019. Том9. №4. С. 225-235.

Zakharova N.M., Milekhina A.V. Peculiarities of mental and behavioral disorders in children released from iraqi prison. Psychology and law psyandlaw.ru 2019. Vol. 9. no.4. pp. 225-235.

имени В.П. Сербского, 2011. Т. 1. С. 248—275.

8. *Cook J., Vale G.* From Daesh to 'Diaspora': Tracing the Women and Minors of Islamic State. King's College London. ICSR, 2018. 72 p.

Peculiarities of Mental and Behavioral Disorders in Children Released from Iraqi Prison

Zakharova N.M., *Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher at the Department of Emergency Psychiatry and Emergency Relief, National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia (natali_oslo@mail.ru)*

Milekhina A.V., *Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher of the Department of Speech Pathology and Neurorehabilitation, Federal State Budgetary Institution National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia (amilh@mail.ru)*

The article provides data from a survey of 61 children (members of families of militants of the Islamic State terrorist organization) released from an Iraqi prison. Mental, psychological and behavioral disorders identified during clinical and psychological examination are described. The role of multiple psycho-traumatic factors in the construction of mental disorders in children who are forced to stay in a zone of local military conflict for a long time and survived heavy losses is shown. Based on the results, 6 groups were identified, united by similar symptoms and gender-age characteristics. It is noted that such general psychodynamic trends as a delay in psychophysical development and pedagogical neglect come to the fore, accompanied by situationally caused anxiety-depressive reactions provoked by additional psycho-traumatic factors (separation from mother, change of habitual settings and environment). The necessity of taking into account the religious, ethical and ethno-cultural characteristics in the examination and development of a set of rehabilitation measures for these children is shown. Attention is focused on the difficulties of adaptation and rehabilitation of this population in a society which is new for them, constant dynamic monitoring of the examined is justified.

Keywords: mental and behavioral disorders, children, psychological trauma, zone of military conflicts, separation from mother, psychophysical development delay, pedagogical desolateness.

References

1. Aleksandrovskij YUA, Lobastov OS, Spivak LI, SHCHukin BP. Psihogenii v ekstremal'nyh usloviyah. Moscow: Meditsina, 1991. 177 p. Russian.
2. Ahmedova HB. Mirnye zhiteli v usloviyah voennyh dejstvij: lichnostnye cherty i rasstrojstva adaptacii. Psihologicheskij zhurnal [A psychological journal]. 2003;3:37—44. Russian.
3. Ahmedova HB. Ergoterapiya detej-bezhencev s posttravmaticheskimi stressovymi rasstrojstvami. Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal [Moscow psychotherapeutic journal]. 2001;4:196—205. Russian.

4. Idrisov KA. Dinamika posttravmaticheskikh stressovyh rasstrojstv u grazhdanskih lic, perezhivshih ugrozu zhizni v zone lokal'nogo voennogo konflikta: avtoref. dis. ... kandidata med. nauk. [Moscow (Russia)]: Moskovskiy nauchno-issledovatel'skiy institut psikiatrii [Moscow Research Institute of Psychiatry]; 2002. 184 p. Russian.
5. Kekelidze ZI. Psihicheskie rasstrojstva, vznikayushchie pri CHS. Psihiatriya chrezvychajnyh situacij. Rukovodstvo: v 2 t. Pod red. TB Dmitrievoy. Moscow: GNC SSP im. VP Serbskogo, 2004. T. 1. P. 182—222. Russian.
6. Korenev NM, Lebec IS, Tolmacheva SR, et al. Sostoyanie somaticheskogo i psihicheskogo zdorov'ya detej iz zony antiterroristicheskoy operacii. Zdorov'e rebenka [The health of the child]. 2017;12(1):1—5. Russian. DOI: 10.22141/2224-0551.12.1.2017.95016
7. Portnova AA. Osobennosti klinicheskikh proyavlenij posttravmaticheskogo stressovogo rasstrojstva u detej. Psihiatriya chrezvychajnyh situacij. Rukovodstvo: v 2 t. Pod red. prof. ZI Kekelidze. 2-e izd. isprav. i dop. Moscow: GNC SSP im. VP Serbskogo, 2011. T. 1. P. 248—75. Russian.
8. Cook J, Vale G. From Daesh to 'Diaspora': Tracing the Women and Minors of Islamic State. King's College London. ICSR, 2018. 72 p.

Проблемные вопросы формирования мотивации к правоупотребительному поведению у осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях содержания

Сучкова Е.Л., кандидат психологических наук, профессор кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (ФКОУ ВО ВИПЭ ФСИН России), Вологда, Россия (elizavetasuchkova@yandex.ru)

Штефан Е.Ф., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (ФКОУ ВО ВИПЭ ФСИН России), Вологда, Россия (evg-shtefan@yandex.ru)

В статье рассматриваются вопросы психологической работы с осужденными, являющимися злостными нарушителями режима отбывания наказания. Подчеркивается, что данная группа лиц представляет особую проблему для процесса исправления, так как противодействует нормальному функционированию исправительного учреждения. На основании анализа данных интервью (20 осужденных мужчин, находящихся в отряде со строгими условиями отбывания наказания, 15 сотрудников, чья деятельность связана с непосредственным взаимодействием с осужденными указанной категории) выделены основные категории осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях. Подтвердилось предположение о том, что большинство злостных нарушителей являются идейными сторонниками тюремной субкультуры, но при этом стремятся оправдать свое поведение неблагоприятными жизненными обстоятельствами. Обсуждаются мероприятия, необходимые для работы с данной группой осужденных, имеющие целью формирование у них установки на правоупотребительное поведение.

Ключевые слова: осужденные; режим; злостный нарушитель; строгие условия отбывания наказания; деформации правосознания; тюремная субкультура.

Для цитаты:

Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф. Проблемные вопросы формирования мотивации к

правопослушному поведению у осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях содержания. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 236-248.

doi: 10.17759/psylaw.2019090417

For citation:

Suchkova E.L., Shtefan E.F. Problematique issues of motivation for law-abiding behavior in convicts serving their sentences under strict conditions of detention. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.236-248. doi: 10.17759/psylaw.2019090417

В последние годы наблюдается увеличение количества осужденных, являющихся злостными нарушителями режима отбывания наказания. Сложившаяся ситуация усугубляется омоложением контингента в исправительных учреждениях, ухудшением его криминологических характеристик, сокращением числа положительно характеризующихся осужденных, что приводит к накоплению в местах лишения свободы лиц с антисоциальной направленностью. Отмечается, что нарушения, совершаемые осужденными, носят наиболее грубый характер, допускается концентрация рецидива [5, с. 98].

Отечественные ученые, рассуждая о мерах по укреплению законности и правопорядка в местах лишения свободы, приходят к выводу о том, что для построения максимально гибкой и адекватной системы исполнения лишения свободы, отвечающей принципу прогрессивности, следует усовершенствовать механизмы не только положительного стимулирования правопослушного поведения, но и превентивного воздействия на злостных нарушителей режима. Сторонники карательного уклона подчеркивают, что для создания эффективной системы воздействия на злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказаний, которые создают непосредственную угрозу безопасности функционирования исправительных учреждений, необходимо формирование настойчивой наказательной политики государства, выражающейся, в том числе, и в принятии соответствующих законов.

Так, С.Л. Бабаян полагает, что целесообразно установить более глубокую дифференциацию условий отбывания наказания для обеспечения учета социально-психологических факторов личности осужденных и последующей индивидуализации исполнения наказаний [2, с. 6]. А.И. Дроздов указывает на то, что «тенденция усиления ответственности за правонарушения, связанные со злостным уклонением от отбывания лишения свободы, направленные на дезорганизацию нормального функционирования исправительного учреждения, — это адекватная защита безопасности общества. Для тех, кого тюрьма не исправляет посредством принуждения к отбыванию лишения свободы, остается только строгая изоляция: практика исполнения лишения свободы не сформировала альтернативных обеспечительных способов воздействия на злостных нарушителей режима. Следовательно, заключение наиболее опасных для общества субъектов должно быть организовано сообразно их отношению к отбыванию лишения свободы» [4, с. 26].

Таким образом, при рассмотрении правовых аспектов указанной проблемы выход из существующего положения специалисты в области уголовно-исполнительного права видят

в том, чтобы усилить ответственность за правонарушения, связанные со злостным уклонением от отбывания лишения свободы, вплоть до невключения в срок отбывания наказания отдельных периодов времени (пребывание осужденного в штрафном изоляторе, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа за злостное нарушение установленного порядка отбывания лишения свободы). На наш взгляд, меры, направленные только на усиление санкций, не принесут успеха в случае игнорирования социально-психологических составляющих, обуславливающих нарушения осужденными режима отбывания наказания.

Ужесточение дисциплинарной ответственности повлечет за собой укрепление положения криминальной оппозиции в местах лишения свободы. В тюремной субкультуре противостояние требованиям администрации исправительного учреждения рассматривается как естественное желание защитить свои права и сохранить человеческое достоинство. Ю.М. Антонян указывает на то, что сама среда осужденных стимулирует психологическую защиту от возможного насилия и притеснения, что связано с уверенностью в несправедливости назначенного наказания. Это обуславливает взаимное криминальное заражение, формирует эмоциональные и смысловые барьеры по отношению к требованиям режима отбывания наказания и основным средствам исправления [1, с. 10].

Зарубежные специалисты подчеркивают, что заключение является социальным опытом, который усиливает переживание незаконности. Делается вывод, что есть мало подтверждений того, что тюрьмы снижают рецидивизм, и существуют как минимум некоторые доказательства для предположения о том, что они имеют криминогенный эффект [9]. Мероприятия, направленные на сдерживание неприемлемого поведения осужденных, сопровождаются жестокими нарушениями дисциплины с их стороны, а также вызывают официальные формы сопротивления заключенных [10].

С целью повышения эффективности профилактики преступлений, осуществляемой психологической службой уголовно-исполнительной системы под руководством М.Г. Дебольского, проводились исследования, направленные на изучение личности осужденных, совершивших правонарушения в местах лишения свободы, и социально-психологических условий, способствовавших противоправным действиям. Были выделены следующие причины противоправной активности осужденных: неофициальные контакты между криминалитетом и осужденными отрицательной направленности; увеличение в общем контингенте лиц, осужденных за тяжкие преступления, и криминальных авторитетов; усиление влияния на поведение осужденных норм и ценностей тюремной субкультуры; недоверие во взаимоотношениях между персоналом и осужденными; наличие значительного числа осужденных, имеющих психологические аномалии; нарушение законности со стороны сотрудников; конфликтный характер отношений между отдельными группами осужденных [3, с. 241].

Таким образом, криминальная зараженность и следование нормам тюремной субкультуры относятся к основным причинам, способствующим совершению осужденными противоправных деяний. В местах лишения свободы, находясь в сообществе лиц, не желающих признавать легитимным правовое устройство общества, осужденные все больше отдаляются от легальных способов регулирования взаимоотношений между людьми и начинают ориентироваться на нормы поведения, принятые в тюремной общности [7, с. 107].

Злостные нарушители режима отбывания наказания представляют особую проблему для процесса исправления, так как противодействуют нормальному функционированию исправительного учреждения, негативно влияют на среду осужденных в местах лишения свободы. В процессе отбывания наказания у лиц, нарушающих установленный порядок отбывания наказания в исправительном учреждении, идет процесс интериоризации норм и ценностей тюремной субкультуры. Под влиянием социальной среды мест лишения свободы происходит дальнейшая криминализация личности нарушителя, растет степень ее отчуждения от принятых в обществе моральных и правовых норм поведения.

По заявке УФСИН России по Кировской области в 2017—2018 гг. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России проводилось исследование по изучению возможностей психологической работы с осужденными, находящимися в отряде со строгими условиями содержания, с целью формирования у них мотивации к правопослушному поведению. Как уже отмечалось выше, учитывая криминогенный потенциал рассматриваемой группы осужденных, отечественные пенитенциаристы настаивают на применении к ним жестких мер дисциплинарного характера. Действительно, содержание смысловой сферы большинства злостных нарушителей не позволяет говорить о возможности проведения эффективной психологической работы с ними по формированию мотивации к правопослушному поведению.

Главным препятствием для работы с данной группой являются существенные деформации в психологии группового правосознания осужденных, позволяющие им объяснять и оправдывать собственное противоправное поведение. Деформации правосознания неизбежно приводят большинство осужденных к оппозиции с обществом и его правовыми институтами, в том числе и к противодействию целям уголовного наказания и персоналу исправительных учреждений [6, с. 192]. Кроме того, у подавляющего большинства тех, кто неоднократно отбывал наказание в местах лишения свободы, просто нет таких стимулов к правопослушному поведению, как возможность реализовать свой потенциал в социально значимой и полезной деятельности.

Результаты проведенных нами исследований позволяют говорить о том, что у большинства неоднократно судимых мужчин жизнь на свободе прошла в неблагоприятных с точки зрения усвоения социальных норм и ценностей условиях и не ассоциируется со счастьем и радостью. Полученный асоциальный опыт востребован в уголовной среде и способствует криминогенной деформации сознания, которая в процессе отбывания наказания усиливается под влиянием интенсивного дискурса в условиях социальной изоляции, в ходе которого осужденные обесценивают действующее право, убеждая себя в несправедливости государственных институтов. Восприятие себя как ущемленной группы позволяет обеспечить моральную основу для жизни по «тюремным понятиям» [8, с. 141].

С учетом данных проблемных вопросов нами было спланировано и проведено исследование по изучению представлений сотрудников и осужденных о лицах, отбывающих наказание в отряде со строгими условиями содержания, и обстоятельствах, способствующих совершению ими нарушений режимных требований. Было выдвинуто предположение о том, что сотрудники в большей степени, чем осужденные, будут акцентировать внимание на характеристиках личности и поведения осужденных, связанных с тюремной субкультурой и попытками самоутвердиться в уголовной среде, в то время как лица, находящиеся в отряде со строгими условиями отбывания наказания, будут ссылаться на неблагоприятные

жизненные обстоятельства и условия мест заключения, позволяющие оправдать правонарушающее поведение.

В эмпирическом исследовании, которое проводилось на базе ФКУ ИК-4 УФСИН России по Вологодской области, приняли участие 20 осужденных мужчин, находящихся в отряде со строгими условиями отбывания наказания, и 15 сотрудников учреждения, чья деятельность связана с непосредственным взаимодействием с осужденными указанной категории. Для сбора данных был специально разработан план нестандартизированного интервью, включающий в себя ряд вопросов с множественным выбором, касающихся таких тем, как характеристика личности осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях, обстоятельства (условия), способствующие нарушению режима.

Анализ полученных данных в группах сотрудников и осужденных позволил выделить основные категории осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях. Кроме указанных тем, с сотрудниками обсуждались мероприятия, необходимые для работы с рассматриваемой категорией осужденных, с целью формирования у них установки на правопослушное поведение; а осужденным задавался вопрос о том, что нужно делать администрации исправительного учреждения, чтобы осужденные не нарушали правила отбывания наказания.

Ответы на вопрос о том, каким образом можно охарактеризовать осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях, полученные в группе сотрудников, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов в группе сотрудников на вопрос «Каким образом можно охарактеризовать осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях?»

№п/п	Категории осужденных	Количество указавших (в %)
1	Осужденные отрицательной направленности, поддерживающие тюремную субкультуру	100
2	Осужденные, попавшие под влияние осужденных отрицательной направленности	80
3	Осужденные, совершившие серию мелких нарушений	73,3
4	Осужденные со сниженным интеллектом, которые руководствуются чужими советами	73,3
5	Осужденные, приспособляющиеся к условиям исправительного учреждения	60

Из данных, представленных в табл. 1, видно, что все (100%) сотрудники указали на то, что в строгих условиях содержания отбывают наказание осужденные, которые уже в первые дни пребывания в колонии заняли отрицательную позицию по отношению к

установленным правилам отбывания наказания. Данные лица в большей степени, чем другие осужденные, ориентируются на соблюдение воровских традиций и поддерживают нормы и правила тюремной субкультуры, отказываясь от взаимодействия с администрацией исправительного учреждения. Также 80% респондентов отметили, что среди осужденных в данном отряде присутствуют люди, которые попали под сильное влияние осужденных отрицательной направленности. По мнению 73% опрошенных, можно выделить осужденных, которые попали «за серию мелких нарушений», и тех, кто в силу сниженных интеллектуальных способностей, плохого образования и общей ограниченности «ведут себя как кто-то им посоветует». Более половины (60%) сотрудников выделили такую подгруппу осужденных, как лица, приспосабливающиеся к условиям исправительного учреждения («приспособленцы»).

В табл. 2 представлено распределение ответов на подобный вопрос в группе осужденных, находящихся в отряде со строгими условиями отбывания наказания.

Таблица 2

Распределение ответов в группе осужденных на вопрос «Каким образом можно охарактеризовать осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях?»

№п/п	Категории осужденных	Количество указавших (в %)
1	Люди с трудным, тяжелым детством	60
2	Сложные, неуравновешенные люди, не умеющие контролировать свои поступки	50
3	Люди, которые самоутверждаются таким способом	40
4	Люди, которые «устали» от зоны или хотят избежать взаимодействия с «блатными»	25
5	Другое	15

Как видно из табл. 2, 60% осужденных считают, что в строгие условия попадают те осужденные, которые в детстве и юности росли в тяжелых условиях («все проблемы с малолетки, вся жизнь странная»). В силу длительного нахождения в неблагоприятных жизненных обстоятельствах у таких лиц есть обида на общество, государство и других людей, не сделавших, по их мнению, для них ничего хорошего. У таких осужденных нет ничего ценного в жизни, им не дорога даже собственная судьба («нет никаких ценностей», «задумываешься часто, но ничего нет, в том числе и за душой», «жизнь своя не важна, ее не жалко — в ней ничего хорошего нет»). Половина (50%) опрошенных указали, что в строгие условия содержания попадают неуравновешенные люди со сложным характером и поведенческими проблемами («психически неуравновешенны», «сложные люди», «плохо контролируют свои поступки», «неблагополучные, среди тех, кто сидит в строгих условиях, много расторможенных, акцентуантов, которым все безразлично»).

Более трети (40%) опрошенных осужденных отметили, что в строгих условиях отбывания наказания находятся люди, которые самоутверждаются таким способом в социальной среде мест лишения свободы («выделяются друг перед другом»). Четверть (25%) респондентов указали, что в отряде со строгими условиями находятся те, кто устал от зоны («устал от жизни такой, хочется отдохнуть»). Также в данную группу были отнесены лица, которым нужно было избежать взаимодействия с такой категорией осужденных, как «блатные». Опрошенные пояснили, что такие осужденные могут испытывать «страх за свою жизнь», комментируя свою позицию тем, что «надо бояться блатных, так как они могут испортить здоровье, а сотрудников бояться не стоит, дальше строгих условий не пошлют»).

Далее в табл. 3 представлено распределение ответов в группе сотрудников на вопрос «Какие обстоятельства (условия) способствуют тому, что осужденные совершают нарушения режима?».

Таблица 3

Распределение ответов в группе сотрудников на вопрос «Какие обстоятельства (условия) способствуют тому, что осужденные совершают нарушения режима?»

№п/п	Виды обстоятельств	Количество указавших (в %)
1	Возможно, переоценивают себя, думают, что особенные и их проступки останутся безнаказанными, они не желают изменить свое поведение	73,3
2	Попытка самоутверждения в уголовной среде с помощью противодействия сотрудникам	46,6
3	Такая система (система исправления) не работает	33,3
4	Сам режим	26,6
5	Недостаточный контроль и надзор со стороны сотрудников администрации	20

Из данных, представленных в табл. 3, видно, что, по мнению большинства (73,3%) сотрудников, осужденные нарушают режим отбывания наказания в силу того, что переоценивают себя, думают, что они какие-то особенные и поэтому их проступки останутся безнаказанными. Данная группа лиц не хочет менять свое поведение в условиях режимных ограничений, предусмотренных правилами исполнения наказания. Почти половина (46,6%) респондентов указали, что режим отбывания наказания нарушается людьми, которые с помощью своего поведения пытаются самоутвердиться в уголовной среде и тем самым повысить свой статус в неформальной структуре общности осужденных.

Треть (33,3%) опрошенных сотрудников считают, что в нарушении осужденными режима определенная доля ответственности лежит на самой системе организации отбывания наказания осужденными, так как она «не работает» в должной мере именно на задачу их исправления. Более четверти (26,6%) респондентов полагают, что нарушениям со

стороны осужденных способствуют сами режимные ограничения, вызывающие реакцию сопротивления оказываемому давлению. Пятая часть (20%) сотрудников выделяют такое обстоятельство, влияющее на совершение нарушений, как слабый контроль и надзор со стороны сотрудников администрации, который приводит к усилению влияния на других осужденных лиц отрицательной направленности, тем самым создавая условия для распространения тюремной субкультуры и криминального заражения.

В табл. 4 представлено распределение ответов в группе осужденных на вопрос «Какие обстоятельства (условия) способствуют тому, что осужденные совершают нарушения режима?».

Таблица 4

Распределение ответов в группе осужденных на вопрос «Какие обстоятельства (условия) способствуют тому, что осужденные совершают нарушения режима?»

№п/п	Виды обстоятельств	Количество указавших (в %)
1	Строгая изоляция	40
2	Отторжение правовой системы государства	35
3	Умышленно (показать, что «деловой»)	30
4	Послабления режима	20
5	Нечего терять	15
6	«Подставы» сотрудников и осужденных	15
7	Склонность к риску	10

Из данных, представленных в табл. 4, видно, что, отвечая на вопрос о том, какие обстоятельства (условия) способствуют нарушению режима осужденными, 40% опрошенных заявили, что этому содействуют сами условия строгой изоляции. В том случае, когда извне осуществляется сильное давление на личность человека, он начинает сопротивляться, пытаясь тем самым отстоять право на собственную автономию. Около трети (35%) респондентов указали, что осужденные, нарушающие режим отбывания наказания, не согласны с деятельностью правовых институтов государства и не признают их легитимность. Подобная установка распространяется и на действия сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Около трети (30%) опрошенных осужденных считают, что есть и будут среди них лица, нарушающие режим специально для того, чтобы на деле продемонстрировать свою приверженность нормам и правилам тюремной субкультуры. Часть (15%) респондентов указали, что к таким действиям приводит отсутствие у некоторых осужденных заинтересованности в правопослушном поведении, так как им все равно нечего терять («условно-досрочное освобождение им не светит»). Такое же количество (15%) осужденных отмечают, что к совершению противоправных поступков некоторых осужденных

подталкивает склонность к рискованному поведению. Десятая часть (10%) опрошенных полагают, что ситуации совершения нарушения могут инициироваться как сотрудниками, так и другими осужденными.

В целом, результаты проведенного исследования позволили выделить четыре основные категории осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях. К первой группе (самой многочисленной) можно отнести «идейных» осужденных, или убежденных в том, что нормы тюремной субкультуры — это единственно правильные и справедливые правила, по которым должна быть организована жизнь в исправительном учреждении. Для данных лиц характерна установка на поддержание неформальных норм всеми имеющимися в их распоряжении способами. Свою позицию они подкрепляют размышлениями, основанными на собственном отрицательном опыте взаимодействия с социальными институтами общества («ничего хорошего в жизни не видел», «тяжелое детство», «государство только кололо, а зона хоть что-то дала»). Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась.

Во вторую группу были включены те осужденные, которые из своего нахождения в строгих условиях стараются извлечь максимум выгоды для себя. Как правило, на свободе данные лица злоупотребляли алкоголем, не работали и, как следствие, не имели источников для существования. Им присущи деформированные ценностные установки, которые помогают в условиях мест лишения свободы получить достаточно высокий статус в неформальной структуре осужденных и соответствующие ему преференции.

К третьей группе можно отнести осужденных, которые в силу своих психологических особенностей обладают слабым самоконтролем. Данные лица понимают, что освободиться условно-досрочно у них не получится, так как они не в состоянии управлять своим поведением. Поэтому осужденные из данной группы обесценивают значимость свободы, собственная жизнь для них также не имеет особой ценности, так как они не видят смысла в своем существовании.

В четвертую группу были включены осужденные, для которых помещение их в закрытые камеры явилось своего рода «спасением» от посягательств блатных за нарушение неформальных норм и правил («косяки»). Строгие условия отбывания наказания для них означают место, в котором они находятся в относительной безопасности. Также среди осужденных из данной группы есть люди, уставшие от постоянного нахождения среди большого количества других осужденных. Нахождение в строгих условиях отбывания наказания для них — это возможность сменить окружение и отдохнуть от людей.

В интервью и сотрудникам, и осужденным задавался вопрос о том, что нужно сделать администрации исправительного учреждения, чтобы осужденные не нарушали правила отбывания наказания. По мнению опрошенных сотрудников, необходимы строгая изоляция злостных нарушителей режима и усиленная психолого-педагогическая работа с ними. Также необходимо внести изменения в законодательство с целью ужесточить ответственность за допущенные нарушения режима. Большинство осужденных, находящихся в строгих условиях, полагают, что администрации исправительного учреждения ничего не надо делать для того, чтобы осужденные не нарушали правила отбывания наказания, так как они все равно будут их нарушать. Часть опрошенных осужденных считают, что сотрудникам надо честно и профессионально выполнять свои обязанности.

Проведенное нами изучение представлений сотрудников и осужденных об обстоятельствах, способствующих совершению нарушений режима отбывания, показало, что значительная часть злостных нарушителей ориентируются на ценности тюремной субкультуры и пытаются всеми способами обесценить значимость официальных правовых норм. Для этого они активно дискредитируют усилия сотрудников по соблюдению правил исполнения наказания, обвиняя персонал исправительных учреждений в нарушении законности. Сотрудники должны быть подготовлены для служебного общения и взаимодействия с такой сложной категорией осужденных.

В силу высокой криминальной зараженности контингента лиц, отбывающих наказание в строгих условиях, проведение с ними групповой работы по коррекции содержания правосознания не принесет желаемых результатов [8, с. 142]. В связи с вышеизложенным предлагаются следующие направления психологической работы: социально-психологическая работа с личным составом исправительных учреждений и индивидуальная работа с осужденными.

В строгих условиях отбывания наказания находятся лица, склонные к провоцированию конфликтных ситуаций с персоналом исправительных учреждений, имеющие акцентированные черты личности, которые также способствуют накоплению конфликтного потенциала в межличностном общении. Для эффективного взаимодействия с указанной группой осужденных сотрудники должны обладать высоким уровнем социально-психологической компетентности. На занятиях по служебной подготовке необходимо ориентировать сотрудников на овладение сложными коммуникативными умениями по выработке адекватных сценариев поведения в сложных конфликтных ситуациях.

Индивидуальную коррекционную работу можно проводить преимущественно с теми осужденными, которые устали от криминального образа жизни и хотят его изменить, но испытывают страх перед теми трудностями, с которыми будет сопряжен данный выбор. Индивидуальная работа позволяет подробно рассмотреть и обсудить с человеком те преимущества, которые дает правопослушное поведение. Есть достаточно много положительных примеров того, как бывшие осужденные, приняв решение следовать законам общества, смогли изменить свою жизнь в лучшую сторону. Цель психологической помощи в данном случае будет заключаться в прояснении системы жизненных целей, ценностей, ожиданий и желаний, обогащении смысла жизни новыми источниками, определении альтернативных линий жизни.

Литература

1. Антоян Ю.М. Основные мотивы поведения осужденных // *Человек: преступление и наказание*. 2009. № 1. С. 9—19.
2. Бабаян С.Л. О целесообразности глубокой дифференциации условий отбывания наказания в исправительных колониях // *Международный пенитенциарный журнал*. 2016. № 4. С. 6—9.
3. Дебольский М.Г. Возможности психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания // *Развитие личности*. 2012. №3. С. 231—242.

4. Дроздов А.И. Пенитенциарная ответственность осужденных, создающих угрозу безопасности исправительных учреждений // Вестник института: Преступление, наказание, исправление. 2011. № 2. С. 25—29.
5. Курбатова Г.В., Кутякин С.А., Иванова О.В. Злостный нарушитель режима в исправительных учреждениях Российской Федерации // Прикладная юридическая психология. 2017. № 4. С. 97—100.
6. Сучкова Е.Л. Психология правосознания осужденных. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. 183 с.
7. Сучкова Е.Л. Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018 (8). № 2. С. 101—112. doi. 10.17759/psylaw.2018080208
8. Сучкова Е.Л. Направления работы по коррекции содержания психологии группового правосознания осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 1. С. 132—143. doi:10.17759/psylaw.2019090110
9. Cullen F.T. et al. Prisons Do Not Reduce Recidivism. The High Cost of Ignoring Science // The Prison Journal. 2011. Vol. 91(3). P. 489—659. doi.org/10.1177/0032885511415224
10. Day J.C. et al. Coercion and Social Support Behind Bars Testing an Integrated Theory of Misconduct and Resistance in U.S. Prisons // Criminal Justice and Behavior. 2015. Vol. 42(2). P. 133—155. doi.org/10.1177/0093854814546352

Problematique Issues of Motivation for Law-Abiding Behavior in Convicts Serving Their Sentences Under Strict Conditions of Detention

Suchkova E.L., *Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Organization of Psychological Service in the Criminal Executive System, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia (elizavetasuchkova@yandex.ru)*

Shtefan E.F., *Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of Organization of Psychological Service in the Penitentiary System, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia (evg-shtefan@yandex.ru)*

The article discusses the issues of psychological work with convicts who are malicious violators of the sentence serving regime. It is emphasized that this group of persons presents a particular problem for the correction process given it counteracts the normal functioning of the correctional institution. Based on the analysis of interview data (20 convicted men in a detachment with strict conditions for serving sentences, 15 employees whose activities are directly related to convicts of this category), the major categories of convicts serving sentences in strict conditions are identified. The assumption was confirmed that the majority of persistent violators are ideological follower of the prison subculture, but at the same time they seek to justify their behavior with adverse life circumstances. The measures necessary for working with this group of convicts are discussed, with the aim of activation of the law-abiding attitude.

Keywords: convicted, mode, malicious offender, strict conditions of serving a sentence, deformation of justice, prison subculture.

References

1. Antonyan Yu.M. Osnovnye motivy povedeniya osuzhdennykh [Basic motives of prisoners' behavior]. // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment], 2009. no. 1. pp.9—19.
2. Babayan S.L. O tselesoobraznosti glubokoi differentsiatsii uslovii otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nykh koloniyakh [On the feasibility of deep differentiation of conditions of serving of punishment in correctional colonies]. // *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal* [International penitentiary journal], 2016. no. 4. pp. 6—9. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Debol'skii M.G. Vozmozhnosti psikhologicheskoi sluzhby ugovovno-ispolnitel'noi sistemy v realizatsii tselei nakazaniya [Capabilities of psychological service of penal system in realization of the punishment goals]. // *Razvitie lichnosti* [Personal Development], 2012. no. 3. pp. 231— 242. (In Russ., abstr. in Engl.).

4. Drozdov A.I. Penitentsiarnaya otvetstvennost' osuzhdennykh, sozdayushchikh ugrozu bezopasnosti ispravitel'nykh uchrezhdenii [The prison responsibility of convicted prisoners creating threat of the security of corrective establishments]. // *Vestnik instituta: Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of Institute: crime, punishment, correction], 2011. no.2. pp.25—29. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Kurbatova G.V., Kutuyakin S.A., Ivanova O.V. Zlostnyi narushitel' rezhima v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Rossiiskoi Federatsii [Repeat violator of the regime in correctional institutions of Russian Federation]. // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology], 2017. no.4. pp.97—100. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Suchkova E.L. Psikhologiya pravosoznaniya osuzhdennykh [Psychology of group legal conscience of convicts]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2017. 183 p.
7. Suchkova E.L. Kontseptsiya issledovaniya psikhologii gruppovogo pravosoznaniya osuzhdennykh [Elektronnyy resurs] [The study concept of the psychology of group legal conscience of convicts]. *Psikhologiya i pravo* [Psychologia and law], 2018. vol.8 no. 2. pp. 101—112. doi. 10.17759/psylaw.2018080208. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Suchkova E.L. Napravleniya raboty po korrektsii sodержaniya psikhologii gruppovogo pravosoznaniya osuzhdennykh [Elektronnyy resurs] [Activity areas on the correction of the psychology content of the convict's group sense of justice]. // *Psikhologia i pravo* [Psychology and law], 2019. vol. 9. no. 1. pp. 132—143. doi:10.17759/psylaw.2019090110. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Cullen Francis.T. et al. Prisons Do Not Reduce Recidivism. The High Cost of Ignoring Science. *The Prison Journal*, 2011. vol.91 (3). pp. 489-659. doi.org/10.1177/0032885511415224
10. Day Jacob.C. et al. Coercion and Social Support Behind Bars Testing an Integrated Theory of Misconduct and Resistance in U.S. Prisons. *Criminal Justice and Behavior*, 2015. vol. 42(2). pp. 133-155. doi.org/10.1177/0093854814546352